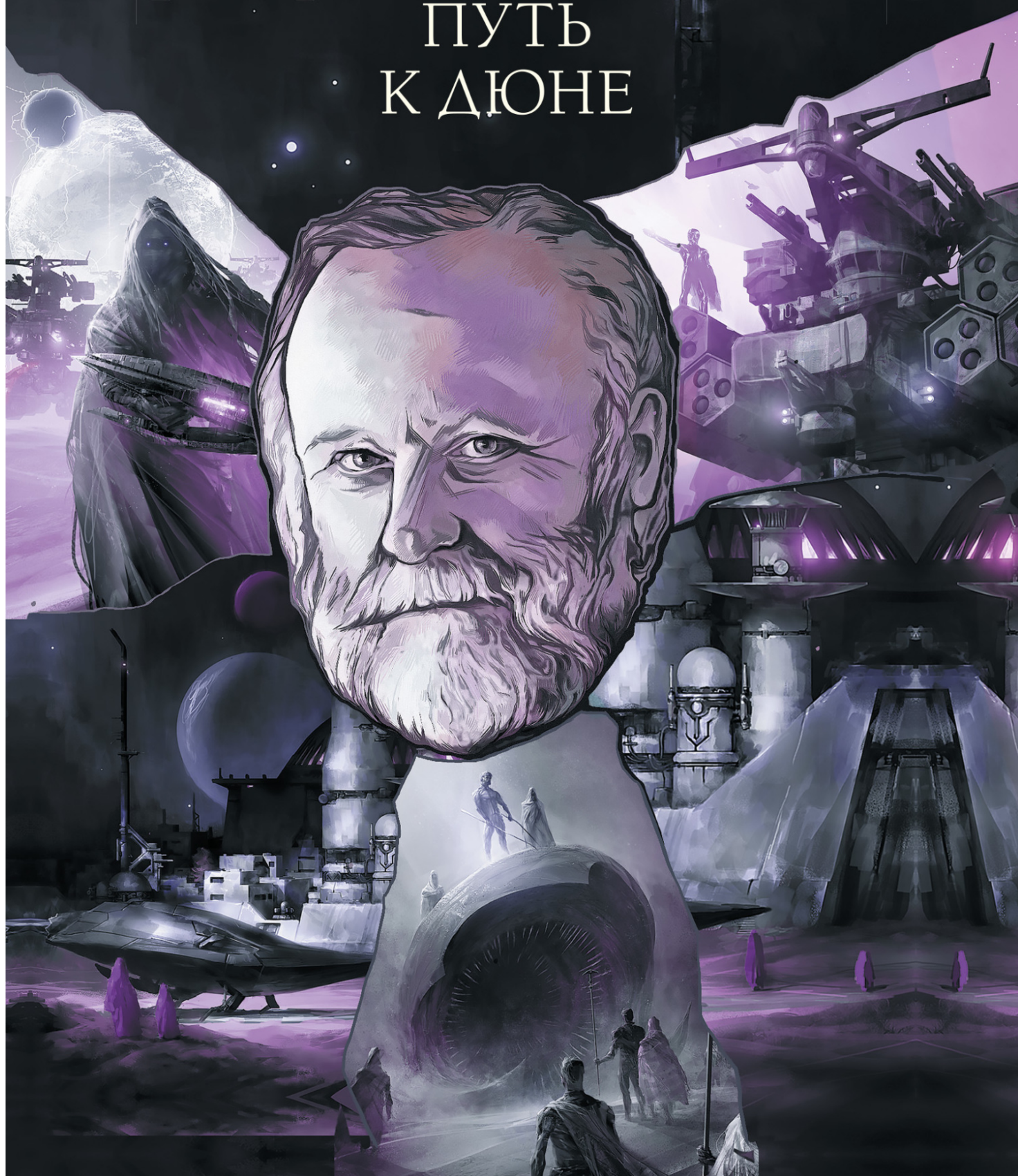

Фрэнк Герберт, Брайан Герберт,
Кевин Андерсон

ДЮНА

ПУТЬ
К ДЮНЕ

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Путь к Дюне

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Путь к Дюне / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2005 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-133820-6

Уникальный подарок для всех фанатов серии «Дюна»! Второе, расширенное издание, в которое включены ранее не публиковавшиеся на русском языке рассказы Брайана Герберта в соавторстве с Кевином Андерсоном, заполняющие пробелы между романами о вселенной Дюны и объединяющие их в единое масштабное полотно. В сборник также вошли главы и сцены, исключенные из классической редакции романов Фрэнка Герберта «Дюна» и «Мессия Дюны»; материалы, послужившие основой для создания первого романа о Пустынной планете; рукописи с идеями так и не написанных продолжений саги и многое другое.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133820-6

© Андерсон К. Д., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Посвящение Беве́рли Герберт	6
Посвящается БЕВ	7
Предисловие	8
Введение	12
Планета специ	14
Введение	15
Часть первая	17
1	17
2	21
3	25
4	30
5	35
6	39
7	42
8	46
9	49
10	53
11	56
12	58
13	61
14	64
15	67
Часть вторая. Второй год на Дюнном Мире	69
16	69
17	73
18	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кевин Андерсон, Фрэнк Герберт, Брайан Герберт Путь к Дюне

**Frank Herbert
Brian Herbert
Kevin J. Anderson
THE ROAD TO DUNE**

© Herbert Properties LLC, 2005

© Перевод. А. Анваер, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Посвящение Беверли Герберт

Во всей литературе вряд ли найдется что-нибудь более трогательное, чем посвященные Беверли Герберт три страницы, которыми завершается «Капитул Дюны», книга, которую Фрэнк заканчивал на Гавайях, сидя у постели умирающей жены. Вот что писал он о ней, своей любящей жене и преданном друге, не оставлявшем его на протяжении всех тридцати семи лет супружеской жизни: «Разве удивительно после этого, что я оглядываюсь на прожитое с ощущением счастья, которое никогда не смогу выразить суетными словами? Разве удивительно, что я не хочу забывать ни одного мгновения этой жизни с Бев? Многие другие встречались с Бев, коснувшись лишь краешка ее жизни, я же разделил с ней эту жизнь без остатка, и все, что она делала, укрепляло мои силы. Я не смог бы оказать ей ту поддержку, ту помощь, которая была так необходима ей в последние десять лет ее жизни, если бы она, не требуя ничего взамен, не жертвовала собой для меня всю нашу совместную жизнь. Я считаю, что в этом было мое главное достояние и чудесная привилегия».

Более раннее посвящение к «Детям Дюны» раскрывает глубины иного измерения души этой замечательной женщины:

Посвящается БЕВ

Из чудесной преданности нашей любви, ради счастья делить с ней красоту и мудрость, ибо это они – ее красота и мудрость – вдохновили меня на написание этой книги.

Фрэнк Герберт лепил леди Джессику Атрейдес по образу и подобию Беверли Герберт, черты характера которой легли в основу кодекса Ордена сестер Бинэ Гессерит. Беверли была настоящей спутницей писателя, его интеллектуальным alter ego. Она была вселенной Фрэнка Герберта, его вдохновением и – более чем кто-либо другой – его духовным наставником на пути к Дюне.

Предисловие

Из всех людей, каких я знал и встречал, мало найдется таких, кто умел бы так радоваться жизни, как Фрэнк Герберт. Он смеялся, шутил и писал больше, чем какой-либо из известных мне писателей. Жизнь его начиналась в скромных условиях, он пришел в этот мир на берегу реки Пуялуп, как раз напротив того места, где родился и я, и всегда страстно любил бродячую жизнь на природе, а о людях судил по их способности к творчеству и по тому, как они встречают невзгоды – с юмором или исходя желчью. Юмор помогал ему переносить трудности и радоваться тому, что он сумел подняться над ними. Фрэнк был убежден в том, что образ страдающего на чердаке писателя был навязан издателями, которые попросту не желали платить авансы. Единственной валютой, которую по-настоящему ценил Фрэнк, было время, отведенное для творчества.

– Видишь ли, в чем дело, Рэнсом, – говаривал он, – поездка первым классом позволяет писать.

Не склонный к показухе, он всегда пользовался теми удобствами, какими хотел, но никогда не проявлял экстравагантности и эпатажа, хотя и имел такую возможность; его всегда тянуло к природе. Радость, которую он испытывал ПД (После Дюны), вылилась в новые литературные изыскания и поддержку других авторов, которым он всегда желал успеха; Фрэнк предлагал возможности, а не раздавал милостыню, говоря: «Лучше я подам человеку руку, чем стану на него злиться». Как это перекликается со словами любимого мною Достоевского: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!»

Для Фрэнка все вещи на свете распадалась на две основные категории: он/она/оно либо помогали ему писать, либо мешали. Мое отношение к внешнему миру было примерно таким же. Мы знали друг о друге по успешным публикациям, но замечали мы эти успехи только потому, что оба родились и выросли в Пуялуп-Вэлли, потому что наши отцы служили в полиции одного округа и потому что были женаты на родственницах. В начале семидесятых мы переехали в Порт-Таунсенд в одну и ту же неделю и узнали об этом факте только из публикаций местных газет. Вот тут-то мне наконец захотелось лично познакомиться с ним, но я не желал отвлекать его от работы. Когда-то Фрэнк был автором «Геликса», моей любимой богемной газеты, выходившей в Сиэтле. Он писал для нее короткие рассказы под псевдонимом «Г. Берт Фрэнк». Я отправил ему почтовую открытку на это имя, упомянув, что обычно пишу до полудня, но иногда готов встречаться с ним за чашкой кофе. На следующий день в десять минут первого раздался телефонный звонок: «Привет, Рэнсом. Это Герберт. Как там насчет кофе?» Так началась эта пятнадцатилетняя традиция почти ежедневных встреч за кофе или обедом.

Фрэнк считал поэзию чистейшим проявлением языка, его, если можно так выразиться, дистиллятом – будь то рифмованный или белый стих. Он жадно читал поэзию в «толстых» и «тонких» литературных журналах и сам писал стихи, справляясь с жизненными и писательскими проблемами. Будучи совсем молодым человеком, он понял, что может извлечь нечто полезное из своего нехудожественного прозаического стиля, который был более удобочитаемым, чем большинство журналистских стилей того времени. Этот прозаический стиль, верный глаз в отношении деталей, умение слушать и слышать народную речь, постоянно звучащий в его ушах вопрос «А что, если?» – все это совершенно естественно привело его в художественную литературу. Успех пришел к Фрэнку в прозе, но поэтическое вдохновение заполняет его записные книжки и литературные произведения стихами.

Мой первый поэтический сборник «Обретение истинного Севера и жизни» был номинирован на Национальную книжную премию одновременно с номинацией «Ловца душ» Фрэнка. Возможно, если бы мы с Фрэнком были оба прозаиками или, напротив, оба были поэтами, то наши отношения сложились бы по-иному. Но в тот день мы выпили кофе, наговорили друг

другу массу комплиментов и занялись взаимным подстрекательством относительно того, не стоит ли рискнуть и сменить жанр, занявшись, например, написанием киносценариев. Правда, самый большой риск, угрожавший нашей дружбе и литературной репутации, возник позже, когда мы выступили в соавторстве, написав и подписав своими фамилиями «Ящик Пандоры». Фрэнк с самого начала говорил, что если книгу опубликуют, то мы оба подвергнемся критике за эту совместную работу. Люди скажут, что у Фрэнка Герберта кончились идеи, а Билл Рэнсом оседлал талант Мастера. Когда такие заявления и в самом деле прозвучали, мы были психологически к ним готовы, так как предвидели их заранее. Обстоятельства, приведшие нас к литературному сотрудничеству, в действительности были сложными, но личное соглашение оказалось на удивление простым: чего бы ни хотел каждый из нас, эти желания не должны встать на пути нашей дружбы. Мы скрепили этот уговор джентльменским рукопожатием. Действительно, ничто не смогло поколебать нашу дружбу, даже желание издателей опубликовать книгу под именем только Фрэнка Герберта (аванс, который нам предложили за такой вариант, был в десять раз больше, чем тот, который нам обязались выплатить за книгу с двумя именами на обложке). Издатели были согласны и на псевдоним, но проявили непреклонную твердость, утверждая, что факт совместного написания книги двумя авторами снизит ее популярность у читающей публики; они проявили такую же твердость и в том, что пожелали вести переговоры с одним Фрэнком. Кроме того, начальники полагали, что моя известность в поэтических кругах не принесет никакой пользы в рекламе книги. Поэтому, каково бы ни было окончательное соглашение, я должен был получить двадцать пять процентов, а Фрэнк семьдесят пять. Фрэнк целыми днями висел на телефоне, а потом купил билет и улетел в Нью-Йорк. Он вернулся домой с контрактом, и, судя по его рассказу, весь разговор с издателями свелся к упрямому повторению одного и того же заклинания: «Половина работы – это половина аванса и половина окончательной выплаты». Фрэнк согласился на девяностопроцентное снижение ставки, но добился указания моего имени на обложке и равной оплаты. И это только один пример силы его характера и верности в дружбе.

Игра стоила свеч. Мы узнали, что рецензия на книгу выйдет в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс», и я занервничал. «Спокойствие, Рэнсом, – невозмутимо заметил по этому поводу Фрэнк. – Даже уничтожающая рецензия в «Нью-Йорк таймс» обеспечит продажу десяти тысяч экземпляров в твердом переплете на следующий же день». Джон Леонард написал чудесную рецензию, и мы были раскручены. Теперь издатели пожелали, чтобы мы написали еще две книги – «Эффект Лазаря» и «Фактор вознесения»; при этом мы больше не слышали рассуждений об одном авторе на обложке. Это было неплохо для двух деревенских парней, бегавших в детстве по лесным тропинкам, и случилось так лишь потому, что мы всегда были заинтересованы только в *смысле повествования*. В нашей совместной работе не было конфликта двух «я», главным образом потому, что Фрэнк не отличался эгоистичностью в отношении своего авторства. Именно от Фрэнка я узнал, что «автор» существует ради «истории», а не ради внешнего эффекта, а хорошая история призвана делать только две вещи – информировать и развлекать. Информировущая часть должна быть достаточно интересной для того, чтобы читатель мог жить в истории, не чувствуя себя безмолвным прихожанином на проповеди. Писать же развлекательную историю, не содержащую никакой полезной информации, – это все равно что даром губить хорошие деревья, переводя их на бесполезную бумагу.

Фрэнк считал поэзию вершиной и квинтэссенцией человеческого языка; кроме этого, он был уверен в том, что научная фантастика – это единственный жанр, предмет которого есть попытка определить, что значит быть человеком. Мы используем в сюжетах контакты с инопланетянами или с инопланетной действительностью только как испытание человеческих взаимоотношений или как фон для их изображения. Герои научной фантастики решают свои собственные насущные проблемы – никакое волшебство и никакие боги не приходят к ним на помощь, – но иногда людям приходится изобретать кое-какие ухищрения, чтобы спасти свои

драгоценные шкуры. Люди обращаются к книгам, чтобы увидеть, как другие люди решают жизненные проблемы. В жизни и творчестве Фрэнк не уставал восхищаться человеческой решимостью и изобретательностью. Для него в этом факте был и определенный практический интерес. «Помните, Рэнсом, – говорил он, – инопланетяне не покупают книг. Их покупают люди».

Фрэнк разводил кур, и делал это первоклассно, по последнему слову птицеводства. Его курятник представлял собой двухэтажное, обогревавшееся солнцем строение, с автоматическими кормушками, примыкавшее к саду, для удобрения которого он использовал птичий помет. Рядом с курятником, правда, из милости к птицам вне поля их зрения, находился настоящий мясоперерабатывающий комбинат с дровяной печью, пароваркой и автоматической установкой для ощипывания кур. Всякая деятельность, какой Фрэнк занимался в жизни, была игрой, изобличавшей в нем жизнерадостного и изобретательного человека. Он восхищался такими очень интеллектуальными писателями, как Эзра Паунд, но питал настоящую слабость к другим синим воротничкам писательского цеха, к писателям-самоучкам, стремившимся исследовать природу человека, – таким, как Хемингуэй и Фолкнер.

Сочинения Уильяма Фолкнера оказали на творчество Фрэнка большое влияние; во всяком случае, в том, что касается создания правдоподобной вымышленной вселенной, построенной на сложной генеалогии. В научной фантастике Фрэнк видел великую возможность сообщить широчайшей аудитории «самые важные вещи». Он был очень тронут речью, произнесенной Уильямом Фолкнером в 1950 году во время вручения ему Нобелевской премии, и Фрэнк всей душой проникся словами этой речи и выразил эти чувства в своем творчестве: «... пишущие сегодня молодые мужчины и женщины забыли о проблеме конфликта человеческой души, но именно он, и только он, создает хорошего писателя, ибо только об этом конфликте и стоит писать, только он один стоит мук и соленого пота... Если в повествовании нет места и вечной правде души, и старым универсальным истинам, то любая самая красивая история есть нечто эфемерное и обреченное забвению, а суть писательства – любовь, честь, жалость, гордость, сочувствие и жертвенность». Литература сама по себе есть основание любой человеческой культуры, и любой писатель должен с уважением относиться к этой ответственности.

У Фрэнка был ангел-хранитель, любой ценой защищавший его самого и его творчество на протяжении почти четырех десятилетий, – Беверли Стюарт Герберт. С ним она провела медовый месяц в шалаше у костра; ради него она ехала с ним в какую-то мексиканскую деревню, где их дети спали в коробке, пока он писал; она уговаривала его бросить литературную поденщину и начать писать о том, что он любил, – и будь что будет. Она обладала каким-то сверхъестественным радаром, улавливавшим фигляров, нахлебников, мошенников и других проходимцев и глупцов, хотя, правда, в этом искусстве Фрэнк не уступал своей жене. Немногим удавалось пройти мимо Бев и познакомиться с Фрэнком. Но она обладала дипломатическим талантом и тактом, позволявшим ей одновременно защитить и Фрэнка, и самолюбие, и собственное достоинство домогавшихся знакомства с ним визитеров. Позже, за кофе и домашними пирогами, наступало время веселых шуток и розыгрышей.

Именно Бев предложила нам вместе написать роман. Она была первым читателем и критиком Фрэнка, и он очень серьезно относился к ее мнению. За ежедневным кофе мы просто ради удовольствия всячески переиначивали фабулу будущего романа. Слушая нас, Бев сказала: «Вы, двое, напишите эту историю и выбросьте ее наконец из головы». Каждый из нас взялся за этот проект по своим особым причинам. Я хотел научиться выдерживать сюжетную линию на протяжении всего длинного романа, Фрэнк же хотел попробовать себя в соавторстве, так как вынашивал планы заняться написанием киносценариев, которые вообще требуют коллективного труда. Мы оба получили то, что хотели, и Фрэнк прокомментировал это со своим обычным остроумием, обозначив этот процесс как «интимный акт сотрудничества двух взрослых людей по обоюдному согласию».

Но не все наше сотрудничество было столь праздничным. Мое соавторство с Фрэнком отмечено и нашей общей печалью. Первый опыт совместной работы начался в то время, когда Бев был поставлен диагноз рака, и я оказался в состоянии временного развода с Фрэнком. Когда Бев боролась с рецидивом своей болезни, мы писали «Эффект Лазаря» (в это же время Фрэнк писал «Белую чуму»), который был опубликован незадолго до ее смерти. Наше сотрудничество в написании «Фактора вознесения» оборвалось со смертью Фрэнка.

Неожиданным приятным следствием нашего опыта соавторства стала совместная работа Фрэнка с сыном Брайаном. Фрэнк не раз говорил о своих надеждах на то, что в какой-нибудь прекрасный день один из его детей пойдет по папиным стопам, и вот Брайан действительно начал писать – с юмористической научной фантастики. Отец и сын вместе работали над «Человеком двух миров», и эта книга помогла Фрэнку оправиться от тяжелого испытания, связанного с болезнью и смертью Бев. Брайан научился тонкому искусству соавторства, работая бок о бок с Фрэнком, и этот последний мог бы теперь гордиться тем, что двойное наследие «Дюны» и писательский ген Гербертов пережил его самого. Брайан и Кевин Дж. Андерсон испытывают от совместной работы приблизительно ту же радость, какую испытывали мы с Фрэнком. Они добавили физическую глубину и обогатили некоторыми социально-политическими деталями величайшее литературное полотно, на котором была вышита «Дюна».

Я дошел приблизительно до середины первого наброска «Фактора вознесения», когда однажды утром услышал по радио, что Фрэнк скончался. Что было типично для него, так это вера в то, что он сумеет преодолеть и этот вызов, как он преодолевал множество других. Также характерно было то, что смерть застала его за написанием рассказа, из которого, как он мне говорил, мог бы получиться нежанровый роман, что-то вроде «Ловца душ». В суете отчаянных попыток спасти жизнь Фрэнку этот рассказ, который он печатал на лэптопе, был утрачен, как были утрачены предсмертные слова Эйнштейна только из-за того, что находившаяся при нем сиделка не знала немецкого языка.

Я вспоминаю Фрэнка всякий раз, когда прикасаюсь к клавиатуре, и надеюсь, что пишу не ниже его высокой писательской планки. В староанглийском языке поэта называли «формовщиком» или «делателем». Фрэнк Герберт был Делателем высочайшей пробы, самым верным другом, какого может пожелать себе человек, – и веселым, находчивым, первоклассным парнем. Всем нам по-прежнему его недостает.

Билл Рэнсом

Введение

*Начало – это время самой тщательной заботы о том, чтобы
соблюсти хрупкое, но верное равновесие.*

Фрэнк Герберт. «Дюна»

Это было то же самое, что найти сундук с сокровищами.

На самом деле это, конечно, были картонные коробки, набитые папками, рукописями, письмами, рисунками и разрозненными заметками. Углы некоторых коробок сплющились под весом содержимого или изрядно помялись, томясь под тяжестью лежавших сверху вещей.

Как писал Брайан в удостоенной премии Гуго биографии отца «Мечтатель Дюны», жена Фрэнка Герберта Беверли тяжело болела в последние годы жизни и поэтому перестала справляться с поводом бумаг. До этого в течение многих лет она была организационным гением своего погруженного в литературный труд мужа, разработав для этого хитроумную и высокоупорядоченную систему хранения старых рукописей, контрактов, оплаченных счетов, корреспонденции, обзоров и реклам.

В коробках мы нашли старые рукописи разных романов Фрэнка Герберта вместе с неопубликованными или незаконченными романами и рассказами, а также весьма интригующую папку с неисполненными замыслами и невоплощенными сюжетами. Там были старые киносценарии, путевые заметки и юридические документы о работе Фрэнка Герберта над разными фильмами, включая «Хроники Хелльстрема», «Врата: Опыт голубого ангела», «Побеги», сценарий «Дюны», поставленной Дэвидом Линчем, и даже сценарий фильма Дино де Лаурентиса «Флэш Гордон», на съемках которого в Лондоне Фрэнк выступал консультантом. Были там контракты и сценарии многочисленных задуманных, но не снятых фильмов, таких, как «Ловец душ», «Барьер Сантароги» и «Зеленый мозг».

Потее среди множества коробок, полных материалов по «Мессии Дюны» и «Богу-Императору Дюны» (рабочее название последней «Песчаный червь Дюны»), мы обнаружили и другие жемчужины: наброски глав, рассуждения об экологии, написанные от руки стихи и лирические описания пустыни и фрименского племени. Некоторые отрывки были буквально нацарапаны на клочках бумаги, в тетрадах, в репортерских карманных блокнотах. Там были страницы и страницы эпиграфов, которые так и не появились в окончательных изданиях романов «Дюны», были там исторические очерки и очаровательные описания характеров и положений. Когда мы принялись за нелегкий труд просмотра тысяч страниц, то почувствовали себя религиозными археологами, вдруг обнаружившими карту пути к Святому Граалю.

А ведь это были только материалы, найденные на чердаке гаража Брайана Герберта.

Здесь не было двух хранившихся в сейфе ящиков с материалами, найденными более десяти лет спустя после смерти Фрэнка Герберта, и это чудесное событие мы описали в послесловии к нашей первой прелюдии к «Дюне», в «Доме Атрейдесов». Помимо этого, Фрэнк завещал десятки ящиков с набросками и рабочими записями университетскому архиву, который был открыт для нас с любезного разрешения руководства университета. Проведя много времени в тиши его архива, мы были вознаграждены щедрыми подарками. Позже Кевин вернулся в хранилище и занялся фотокопированием и проверкой, а Брайан обратился к следующим проектам «Дюны».

Такое богатство открытых нами материалов было настоящим исполнением самой заветной мечты любого фаната «Дюны». Да, вы не ошиблись: мы – фанаты «Дюны». Мы внимательнейшим образом изучали саркофаги, набитые чудесными колдовскими сведениями, ценными не только своим историческим значением, но и чисто художественными достоинствами. Здесь оказался набросок (вместе с описанием сцены действия и персонажей) «Планеты спе-

ции», совершенно оригинального, никогда прежде не известного произведения – первой версии «Дюны». Мы также нашли не публиковавшиеся главы и сцены из «Дюны» и «Мессии Дюны» и переписку, которая проливает свет на постепенное развитие художественного представления вселенной «Дюны» – пусть даже это клочок бумаги, на котором Фрэнк Герберт написал карандашом: «Будь проклята специя! Берегите людей!» Этот определяющий штрих к портрету герцога Лето Атрейдеса мог быть сделан Гербертом в тот момент, когда он, включив лампу на ночном столике, записал эту фразу, прежде чем снова уснуть.

«Путь к Дюне» – это истинные жемчужины из сокровищницы научной фантастики, включая и «Планету специй», которую мы написали по наброску Фрэнка. В сборник мы включили также четыре наших рассказа: «Шепот каладанских морей» (действие происходит во времена, описанные в «Дюне») и три связующие главы нашей саги из романов о Батлерианском джихаде: «Охота на Харконненов», «Мек для порки» и «Лики Мучеников».

Если бы Фрэнк Герберт прожил дольше, то миру явились бы многие истории, порожденные его фантастической, беспримечной вселенной. Теперь, спустя почти двадцать лет после его безвременной смерти, мы имеем честь и счастье разделить это классическое наследие с миллионами почитателей Фрэнка Герберта во всем мире.

Специя должна течь!

Брайан Герберт и Кевин Дж. Андерсон

Планета специй

Альтернативный роман «Дюна»

Брайан Герберт и Кевин Дж. Андерсон, по мотивам оригинальных набросков Фрэнка Герберта

Введение

Обнаружение такого обилия записей стало лишь первым шагом долгого и трудного пути, но свежий материал, идеи, намеки и пояснения, которые вдруг кристаллизовали для нас многие вещи в хронологии «Дюны», возбудили в нас несказанную радость от нового погружения в эпическую вселенную этого романа.

Мы сделали фотокопии хранившегося в ящиках материала, рассортировали, обозначили и упорядочили его. Самое трудное заключалось в осмыслении всей совокупности найденных рукописей. Частью подготовительной работы перед написанием нами «Прелюдии к Дюне» стало согласование фактического материала, электронное сканирование всего текста шести романов Герберта – все это должно было облегчить поиск источников. После этого мы маркерами отметили самое важное в разрозненных записях, выделив неиспользованные куски, которые мы могли бы включить в наши романы. То же относилось и к описанию главных героев и сюжетных идей.

В коробках и ящиках мы находили приводившие нас поначалу в недоумение разрозненные листы, помеченные буквами: Глава Б, Глава Н и т. д. Эти страницы содержали краткое описание драматических сцен, касавшихся песчаных червей, песчаных бурь и неожиданно новой технологии добычи специй. Некоторые из действий происходили в знакомых, но некоторым образом измененных местах, так бывает, когда смотришь на знакомый предмет через преломляющую линзу: Дюнная планета или Дюнный Мир вместо Дюны, Каталан вместо Каладан, Картаг вместо Карфаг и тому подобное. В «Планете специй» в отличие от «Дюны» главные герои, путешествуя по пустыне, не сбивают шаг, чтобы не привлекать песчаных червей; очевидно, эта идея пришла в голову Фрэнку Герберту позже, уже в процессе написания «Дюны».

Страницы «Планеты специй» оказались населенными незнакомыми персонажами – Джесси Линкамом, Вальдемаром Хосканнером, Уллой Бауэрсом, Вильямом Инглишем, Эсмаром Туеком и наложницей по имени Дороти Мейпс. Эти незнакомцы уживались на страницах романа с уже знакомыми персонажами – такими, как Гарни Холлик, доктор Юэ (Каллингтон Юэ вместо Веллингтона Юэ), Уанна Юэ и планетолог с отдаленно знакомым именем Брюс Хайнс. Хотя второстепенный персонаж (контрабандист специй) был назван Эсмаром Туеком в последней, опубликованной версии «Дюны», он был совершенно другим в обнаруженных нами записях, здесь он был одним из основных действующих лиц и прототипом любимой всеми фигуры воина-ментата Сафира Хавата. Дороти Мейпс играла здесь роль, подобную позднейшей роли леди Джессики. В аристократе Джесси Линкаме мы узнаем черты герцога Лето Атрейдеса, а в образе Вальдемара Хосканнера мы видим зародыш образа барона Владимира Харконнена.

Когда мы собрали и упорядочили найденные записи и прочли замечательный набросок, то поняли, что «Планета специй» является самостоятельной, уникальной и ценной книгой, а не просто каким-то предварительным вариантом «Дюны». Хотя жестокая пустыня планеты окажется до мелочей знакомой миллионам читателей «Дюны», тематически это совершенно другая история, главным содержанием которой являются упадок общества и всеобщее приращение к специй, а не проблемы экологии, истощения ресурсов, свободы и религиозного фанатизма. Часть короткого романа посвящена описанию того, как главный герой, Джесси Линкам, выживает в пустыне со своим сыном Барри (в этом восьмилетнем мальчике мы чувствуем прообраз будущего Пола Атрейдеса, лишенного, правда, его силы). Сцена эта напоминает бегство леди Джессики в пустыню с сыном Полом. «Планета специй» так же, как и «Дюна», насыщена политической интригой, описаниями самодовольных аристократов-правителей, так что в книге мы находим, конечно, множество параллелей. Но прежде всего эта ранняя концепция позволяет нам проникнуть хотя бы отчасти в творческую лабораторию Фрэнка Герберта.

В какой-то момент в процессе работы Фрэнк решил отложить в сторону незаконченный набросок «Планеты специй». Начав практически с нуля, с помощью легендарного издателя Джона В. Кэмпбелла он переработал эту первоначальную концепцию в более объемный и значительный роман, который он едва ли рассчитывал выгодно продать. Роман «Дюна» был отвергнут более чем двенадцатью издательствами до того, как его согласилось опубликовать издательство «Чилтон Бук Ко», известное своими руководствами по ремонту автомобилей.

Главная ирония судьбы заключается в том, что если бы Фрэнк написал «Планету специй» согласно своему первоначальному замыслу – приключенческий научно-фантастический роман такого же объема, как и большинство подобных романов в мягкой обложке, выходявших в то время, – то ему было бы гораздо легче найти подходящего редактора и издательство.

Пользуясь набросками Фрэнка, мы написали роман «Планета специй», не отступая от его первоначального замысла и постаравшись открыть окно в мир «Дюны».

Часть первая

1

Дюнний Мир подобен Империи и, если угодно, самой жизни: независимо от того, что он видит на поверхности, умный исследователь сможет открывать все новые и новые глубинные слои и уровни сложности.

Доктор Брюс Хайнс, планетарный эколог, назначенный изучать Дюнний Мир

Когда имперский корабль прибыл в главный космопорт Каталана, высокий ранг и известность прибывшего на нем пассажира подсказали Джесси Линкаму, что тот, должно быть, привез важную новость. Представитель Императора передал в протокольный комитет Дома Линкамов требование встретить гостя со всеми подобающими почестями и без малейшей задержки.

Джесси вежливо поблагодарил представителя за оказанное внимание, но не стал объяснять ему, кто он и что в его обиходе и в помине нет никакого «протокольного комитета». Джесси предпочитал не делать большой шумихи из своего ранга и проводил все свободное время среди людей рабочего класса. Да и в этот день он занимался рыбной ловлей в широком и богатом Каталанском море, решив наловить мерцающих рыб, пока не грянул ожидавшийся с часа на час шторм. Когда прибыло сообщение, он как раз выволакивал на борт ультразвуковую сеть, перебрасываясь грубоватыми шутками с рыбаками и матросами, которые изо всех сил старались побороть почтение перед аристократом и вести себя с Джесси как с равным.

Будучи главным аристократом Каталана, Джесси Линкам никогда не боялся грязной работы. Высокий мужчина в расцвете сил, он отличался скрытой за внешним спокойствием силой. Его серые глаза невозмутимо взвешивали, измеряли и рассчитывали все, что попадало в поле их зрения. Лицо, хотя и сильно обветренное, было классически красивым, а поврежденный в молодости нос придавал лицу сходство со сломанным метрономом.

Джесси никогда не был неженкой, занятым глупыми развлечениями, подобно своим собратьям аристократам на других планетах; они считали, что управление государством – это всего лишь нечто немного более важное, чем костюмированный бал. Здесь, на «нецивилизованной» окраине Империи, у Линкама было слишком много настоящих дел, чтобы досаждать себе модой и придворными интригами. Он любил свежий соленый воздух и считал пропитанную потом робу одеждой более почетной, нежели шелестящие кружевами парадные костюмы, которые он видел в столице Империи на планете Ренессанс. Действительно, как можно достойно управлять людьми, если не знаешь их повседневных трудов, их радостей и горестей?

Но высокое положение и закон обязывали Джесси соблюдать придворный этикет. Он был обязан с подобающими почестями встретить посланника Великого Императора. Вернувшись в замок, каталанский аристократ переоделся, сменив рабочее платье на парадный мундир, и смыл запах рыбы с натруженных рук. Потом верный слуга, боготворивший своего хозяина, смазал благовонной мазью сбитые в кровь костяшки пальцев Джесси. Нанеся последний штрих, Линкам приколот к мундиру знаки различия и награды. На большее уже не было времени: придется советнику Бауэрсу принять его таким, каков он есть.

Перед подъездом замка уже стоял кортеж машин, готовых отправиться в космопорт.

– Думаю, что это важно, – пробормотал Джесси, обращаясь к начальнику службы безопасности.

– Важно для кого? Для вас или для Великого Императора? – Эсмар Туек сел рядом с Джесси в головной машине, и кавалькада тронулась встречать приземлившийся корабль. – Часто ли Император вспоминает о нашем маленьком Каталане?

Они были одни, а в таких случаях Джесси охотно позволял старому ветерану вольные разговоры.

Это был честный вопрос, и Линкам надеялся, что скоро получит на него внятный ответ. С развевающимися на капотах флажками машины приблизились к блестящему, как игрушка, императорскому кораблю. Трап уже был установлен, но из корабля никто не выходил. Гости ждали официального приема.

Джесси вышел из головной машины. На свежем ветру его темные волосы развевались, как буйные заросли колышущихся морских водорослей. Он поправил китель и дождался, когда построится рота почетного караула.

Несомненно, эта импровизированная торжественная процессия могла лишь подтвердить бытовавшее в Империи мнение о Каталане, как о затхлой дыре. На других планетах аристократы занимались непрерывной муштрой своих солдат, гоня их до седьмого пота и готовя к парадом и красочным маневрам. Напротив, воины Джесси, готовые яростно сражаться за свою землю и дома, мало интересовались парадными ружейными приемами или техникой церемониального марша.

На верхней ступени трапа показался советник Улла Бауэрс. Он сморщил нос, уловив запах влажного океанского воздуха, и нахмурил лоб. Представитель Великого Императора – чопорный, похожий на дрессированного хорька человечек с повадками фатоватого невежды – был одет в пышный изукрашенный наряд с высоким воротником, отчего его голова казалась несоразмерно маленькой.

Но Джесси знал, что не стоит недооценивать этого человека. Приверженность советника к модной одежде и безделушкам скорее всего была маскировкой; все знали, что Бауэрс был умелым, жестоким и беспощадным убийцей. Тот факт, что на Каталан прибыл именно он, не предвещал ничего хорошего.

Приложив пальцы к виску в традиционном жесте выражения верности Императору, Джесси произнес:

– Советник Бауэрс, добро пожаловать на мой жалкий Каталан. Не соблаговолите ли вы спуститься к нам?

Имперский советник спустился до половины трапа. Он шел мягкой, непринужденной походкой – словно катился на невидимых колесиках. Цепким, пронизательным взглядом он оглядел доки, рыбацкие лодки, потемневшие от ветра домики рыбаков, склады и лавки, окружавшие гавань. Он впитывал эту информацию по каплям, собирая ее, словно сухая губка.

– Гм-м, да, действительно, жалкий дворянин Линкам.

Местные гвардейцы оцепенели. Услышав невежливое бормотание и злобный шепот генерала Туека, Джесси только беспечно улыбнулся.

– Мы постараемся предоставить вам самые комфортабельные покои, советник, и пригласим на вечерний банкет. Моя наложница очень умело руководит придворной кухней, так же умело, как она организует все мои частные дела.

– На борту дипломатического судна у меня есть собственный повар. – Бауэрс извлек из пышного рукава красиво отделанный металлический цилиндр и словно скипетр протянул это послание Джесси Линкаму. – Что же касается сегодняшнего вечера, то я посоветовал бы вам провести его в сборах. Утром я должен вернуться на Ренессанс, а Великий Император желает, чтобы вы прибыли к нему вместе со мной. Все подробности вы найдете в послании.

Джесси взял цилиндр, испытывая леденящий страх. Слегка поклонившись, он заставил себя сохранить спокойствие.

– Благодарю вас, советник. Я внимательно изучу послание.

– Будьте здесь на рассвете, дворянин. – Резко повернувшись, отчего пышная одежда громко зашелестела, Бауэрс вернулся на борт. Вельможа даже не ступил на землю Каталана, словно боясь запачкать подошвы.

* * *

Ночью пошел холодный дождь, тучи закрыли яркие скопления звезд. Стоя на открытом балконе, нависавшем над морем, Джесси смотрел, как капли дождя отскакивают от электростатического навеса, защищавшего балкон. При столкновении вспыхивала искорка, и эти искры образовывали над головой Джесси быстро сменявшие друг друга причудливые созвездия.

Размышляя, он стоял на балконе уже больше часа. Джесси снова взял в руки положенное на перила послание. Он потянул за концы цилиндра, и из него показались линзы и зеркала, сформировавшие изображение. Послышались слова, произносимые голосом Великого Императора Вуды: «Его Императорское Величество требует немедленного присутствия дворянина Джесси Линкама в Центральном Дворце, дабы он заслушал наше решение по тяжбе относительно производства специй на Дюнном Море в системе Арракиса. Как истец и как избранный представитель Совета Благородных, вы сим извещаетесь, что ответчик, дворянин Хосканнер, предлагает компромисс. Если вы откажетесь явиться, то мы дезавуируем ваши действия, и ваши аргументы не будут далее приниматься в расчет».

Джесси снова закрыл цилиндр, не дожидаясь, когда Император начнет излагать свою нудную словесную подпись, то есть перечислять все свои титулы и должности.

Сзади к Джесси подошла Дороти Мейпс, его возлюбленная наложница и управляющий, и нежно коснулась руки Джесси. Прожив рядом с Линкамом одиннадцать лет, она умела по внешнему виду распознавать все оттенки его настроения.

– Любой аристократ почел бы за честь получить вызов ко двору от самого Великого Императора. Ты ведь не хочешь, чтобы он засомневался в этом?

Джесси обернулся к Дороти и озабоченно нахмурился.

– Приглашение составлено по всем правилам дипломатического этикета, но я боюсь, что это наш конец, моя дорогая. Любое предложение Вальдемара Хосканнера – это переплетение тайных нитей, а еще лучше сказать – смертельная петля.

– Значит, будь осторожен. Тем более ты знаешь, как надо вести себя с Вальдемаром. Тебя втянули в этот конфликт, но теперь другие аристократы рассчитывают только на тебя.

Он посмотрел на нее с мимолетной, но нежной и любящей улыбкой. У Дороти были короткие темные волосы с перьями более светлых прядей. Большие светло-карие глаза на привлекательном овальном лице напоминали цветом добываемое в горах полированное миртовое дерево. Он задержал взгляд на диагемовом кольце, которое красовалось на правой руке Дороти, – то был знак его благородной любви. Хотя Дороти была не из знатной семьи, никто не осмелился бы назвать ее простушкой.

– Дороти, ты много лет была и остаешься источником моего вдохновения, моей путеводной звездой и моим ближайшим советчиком. Ты привела в порядок наши семейные финансы, залатала дыры, которые оставили после смерти мои отец и брат. Но я не уверен, что мы поступили правильно в том, что касалось Дюнного Мира... – С этими словами он задумчиво покачал головой.

Маленькая женщина подняла голову и посмотрела в глаза Джесси.

– Проверим, поможет ли тебе вот это, чтобы обострить мышление. – Она положила шепотку специй на губы Линкама. – Это специя с Дюнного Мира. Сейчас ты поймешь все ее значение.

Он ощутил приятный коричный аромат, почувствовал, как лекарство горячей волной омыло его изнутри. Кажется, в эти дни все вокруг употребляли специю. Вскоре после открытия

этого вещества на негостеприимной планете разведывательные имперские группы установили на ней базы и составили карту пустыни, выполнив основную работу по разведке и добыче специй. С тех пор меланж стал весьма популярным товаром.

В торговой войне – не без помощи данных нужным людям взяток и умелого шантажа – Дом Хосканнеров сумел вырвать монополию на операции со специей в Дюнном Мире. С тех пор рабочие команды Хосканнеров трудились среди негостеприимных дюн, добывая специю, которую их хозяева продавали с невиданной прибылью, выплачивая существенный процент Великому Императору. Команды шахтеров доставляли в Дюнный Мир с планет-тюрем, и команды эти были превращены в настоящих рабов.

Поначалу, ослепленные придворными предрассудками, другие аристократические фамилии не замечали преимуществ, полученных Домом Хосканнеров. Джесси стал одним из немногих, кто обратил всеобщее внимание к этой несправедливости, и наконец, открыв глаза и заметив огромные доходы, получаемые хитрыми Хосканнерами, другие аристократы возмутились и решили действовать. Они кричали о своих правах в Имперской Ассамблее, писали жалобы и обвинения и, наконец, назначили умного и дельного Джесси Линкама своим представителем, который должен был подать Императору официальную жалобу.

– Аристократы выбрали меня не за мои способности, Дороти, а лишь благодаря ностальгическим воспоминаниям о моем бездарном отце и Гуго, моем слабоумном брате. – Он мрачно посмотрел на почтовый цилиндр, испытывая почти непреодолимое желание швырнуть его с балкона в волны ревающего внизу прибоя.

– Джесси, твой отец и брат были плохими бизнесменами, но они своим поведением заслужили хорошее отношение других благородных семейств.

Он нахмурился.

– Играя в дурацкие игры при дворе на Ренессансе.

– Воспользуйся этим преимуществом, любимый, и обрати его для своей выгоды.

– Думается мне, из всего этого будет мало толку.

После того как его старший брат без всякого смысла погиб, участвуя в бое быков, Джесси стал главой Дома Линкамов, не достигнув и двадцати лет. Вскоре его наложница обнаружила, что финансы и промышленность Каталана находятся в весьма плачевном состоянии.

После встречи с членами Совета Благородных, Джесси понял, что немногие из аристократов, унаследовавших свои владения, оказались хорошими лидерами или умелыми бизнесменами. Будучи некогда богатыми и могущественными, но теперь постепенно приходящие в упадок, многие семьи неотвратимо катились к банкротству, по большей части даже не осознавая этого.

Своими экстравагантными празднествами и неосмотрительным финансированием дорогостоящих и никому не нужных строительных проектов отец и брат Джесси поставили Дом Линкамов на грань экономической катастрофы. Но за последние годы благодаря заботам Дороти и строгому урезанию расходов, благодаря повышению производительности и оживлению промышленности положение начало постепенно меняться к лучшему.

Он взгляделся в темноту ночи. Дождь продолжался с прежней силой. Джесси смиренно вздохнул.

– Здесь постоянно идут дожди. В доме всегда сыро, не спасают ни обогреватели, ни экраны. В этом году упал урожай водорослей, и улова не хватает для экспорта. – Он помолчал. – Пусть так, но это мой дом и дом моих предков. Меня не интересуют другие планеты, даже этот сказочный Дюнный Мир.

Дороти подошла ближе и обняла Джесси.

– Я бы хотела, чтобы ты взял с собой Барри. Каждый отпрыск аристократического семейства должен хотя бы один раз побывать на Ренессансе.

– Нет, не в этот раз. Это слишком опасно.

Джесси обожал их восьмилетнего сына, он гордился его возмужанием под строгим приглядом матери и старого домашнего врача доктора Каллингтона Юэ. Барри должен был стать хорошим бизнесменом и хорошим вождем – эти качества сослужат ему неплохую службу в эпоху угасания Великой Империи. Все, что делал Джесси, он делал ради будущего, ради Барри и процветания Дома Линкамов. Даже его любовь к прекрасной наложнице отступала на второй план по сравнению с этими целями.

– Я поеду на Ренессанс, Дороти, – сказал Джесси, – но не жду от этой поездки ничего хорошего.

2

*Бойтесь компромиссов. Чаще всего – это наступательное оружие,
а не средство достижения мира.*
Генерал Эсмар Туек. «Стратегические концепции»

Улла Бауэрс, сидя в деловой каюте своего дипломатического корабля, думал о глупом дворянине, которого он сейчас вез на Ренессанс. Рыболов! Джесси Линкам болтается в рыбацких лодках по морю, выполняя работу простолудина. Какая пустая трата времени!

Каюты на космическом корабле Бауэрса были тесны и обставлены со спартанской строгостью, но на то были вполне объяснимые причины. Топливо на такое долгое межзвездное путешествие стоит баснословно дорого, что ограничивает выбранную массу груза. Еду заменяли таблетки концентрированного меланжа – это было еще одним подтверждением важности продукта, добываемого в Дюнном Мире; через неделю такого путешествия пассажиры и экипаж попробуют настоящую пищу, только прибыв к месту назначения. Сам Бауэрс, путешествуя, постоянно испытывал чувство голода, что отнюдь не улучшало его настроения.

Он прислушался к урчанию в животе. Бауэрс принял еще одну таблетку и почти сразу почувствовал, как отдающее корицей лекарство начинает оказывать свое успокаивающее действие.

Специя улучшала самочувствие и невероятно повышала работоспособность, увеличивала эффективность обмена веществ, организм начинал извлекать из еды больше полезной энергии. С практической точки зрения это означало, что огромные запасы еды, которыми раньше приходилось заполнять трюмы, можно было теперь заменять парой небольших ящиков, а освободившееся место занимать более полезными грузами. Бауэрс слышал об одной теории, утверждавшей, что меланж увеличивает продолжительность жизни, но специя употребляется всего несколько лет, и нет никаких исследований, подтверждавших правильность таких утверждений.

Пока дипломатический корабль поглощал пространство Вселенной, советник Бауэрс сидел в каюте, не делая никаких попыток пообщаться со своим пассажиром. По иронии судьбы, Улла Бауэрс, обладавший незаурядными дипломатическими способностями, не любил общаться с людьми.

Двумя уровнями ниже, в пассажирском отсеке, находился Джесси в обществе своих шести отборных телохранителей из каталанской гвардии. Он всегда любил проводить время в компании своих людей.

Для поездки он отобрал наилучших бойцов, включая генерала Туека. Худощавый мужчина с оливковой кожей, старый ветеран с поникшими плечами, был безусловно преданным и верным человеком, не склонным, однако, к ненужному сближению. Загорелая кожа на голове была покрыта коротко остриженными, редкими, седыми волосами. Ярко-красные пятна

вокруг губ говорили о том, что ему удалось преодолеть зависимость от сока сафо. Туек носил эти пятна с такой гордостью, словно они были знаками высокого отличия.

Начальник службы безопасности верно служил отцу и брату Джесси, и не раз приходилось ему спасать их от рук наемных убийц, хотя ему не удалось уберечь их от собственного безрассудства. Принесший присягу служения Дому Линкамов, независимо от того, кто был его главой, Туек за последние годы, неожиданно для самого себя, стал настоящим *другом* Джесси. В один из редких моментов откровенности он сказал, что ему очень приятно видеть человека, который принимает решения, основанные на существе дел, а не повинуюсь капризу или броску «кости».

– Мы должны быть готовы ко всему, Эсмар, – сказал Джесси, когда они, устроившись в тесной каюте, уселись играть в «Стратегию». В это время остальные пять телохранителей, блокировав проход, принялись отрабатывать приемы фехтовального и рукопашного боя на случай, если им придется защищать аристократа Линкама от возможного нападения.

– Я лежу по ночам без сна и думаю о вещах, которые надо предусмотреть, милорд, – сказал Туек, сделав несколько удачных ходов первой партии. – Больше всего я хочу, чтобы Вальдемар Хосканнер сделал неверный ход – тогда я смог бы найти повод убить его, защищая вас. Он должен заплатить за смерть вашего отца.

– Вальдемар не сделает неверный ход, Эсмар. Нас ведь не случайно вызвали на Ренессанс. Можешь поставить свои последние деньги на то, что Хосканнер придумал какой-то хитрый план. Боюсь, что его замыслы слишком изощренны, чтобы мы могли их предугадать.

Со всей огромной межзвездной Империи несметные богатства стекались на планету Ренессанс, и эти богатства позволяли Великому Императору исполнять любую, самую причудливую прихоть, какая могла прийти ему в голову. И многие поколения правителей дали-таки волю своему воображению и способности изобретать экстравагантные капризы.

Центральный Дворец был исполинским сферической формы сооружением, украшенным миллионами прозрачных кристаллических пластинок. Армиллярные дуги покрывали поверхность здания, символизируя широты и долготы на глобусе звездного неба, а горящие на поверхности точки повторяли форму и расположение на небе звездной системы, подчинявшейся неограниченной власти Императора Интона Вуды. Резиденция Императора находилась точно в геометрическом центре сферы, то есть в начале всех координат, представляя таким образом (хотя и фигурально) центр всей Известной Вселенной.

Джесси переоделся в парадную одежду – в плащ и панталоны, которые Дороти отобрала в редко открываемом гардеробе представительской одежды. Темные волосы были теперь напомажены и надушены гвоздичным ароматом, от которого Джесси едва не выворачивало наизнанку; мозоли на руках он смягчил масляными лосьонами.

Генерал Туек произвел смотр пятерым каталанским телохранителям, потом – перед тем как войти в тронный зал – демонстративно изъяс у них даже церемониальное оружие. Только Туек и Джесси знали, что телохранители имели еще и секретное оружие: острые сжатые проводочки, тонкие, как волосы, вплетенные в ткань рукавов, которые имели свойство становиться жесткими, превращаясь в острые смертоносные клинки. Никто не сомневался, что Вальдемар Хосканнер принял такие же меры предосторожности, и вопрос заключался лишь в том, осмелится ли Вальдемар спровоцировать кровавую схватку в присутствии Императора.

Мелодично пропели фанфары, и глашатай зычным голосом возвестил о прибытии аристократа Линкама на пяти основных языках Империи. Высоко подняв голову, Джесси приблизился к трону.

Сидевший на резном кресле, установленном на высоком каменном монолите, Император Вуда был толстым лысым человеком с нездоровой кожей и одутловатым лицом. Хотя он был сравнительно молод, излишества преждевременно состарили его, превратив тело Императора

в дряблый мешок с костями. Но несмотря на это, Император обладал большей властью и большим богатством, нежели кто-либо из людей, живших в пределах Известной Вселенной.

Джесси сделал шаг назад, когда снова запели фанфары и глашатай на тех же пяти языках объявил о прибытии аристократа Хосканнера с Гедиприм. Вальдемар был удивительно высок, из-за чего казался ходячим деревом. На нем был черный переливающийся костюм, казавшийся темной маслянистой тенью, обволакивавшей его долговязую фигуру. Густые волосы откинuty со лба и гладко зачесаны назад, лоб был монументально тяжел, нависая над лицом; на нем был вытатуирован символ Дома Хосканнеров – извивающаяся рогатая кобра. Крупный нос и необычайно мощная челюсть выдавались вперед, подчеркивая властное выражение лица, особенно когда Вальдемар стискивал зубы. Не отрывая глаз от подножия трона Великого Императора, Вальдемар безупречно отвесил глубокий почтительный поклон, при этом он не считал нужным бросить на Линкама хотя бы косой взгляд.

Шестеро телохранителей Хосканнера – ровно столько же, сколько было позволено привести с собой Джесси, – были одеты в красивую форму. Лица их были бесстрастны и выражали тупую жестокость, почти бесчеловечность. На их лицах красовалась та же татуировка – рогатая кобра, – но не на лбу, а на левой щеке. Туек презрительно покосился на них, но тотчас перевел взгляд, так как в этот момент Великий Император подозвал ближе к трону обоих аристократов. Они послушно подошли к подножию высокого трона и остановились, склонив головы.

– Аристократ Джесси Линкам, вы подали жалобу от имени Совета Благородных по поводу монополии Хосканнера на производство специи. Обычно мы просим аристократов улаживать подобные споры без нашего имперского вмешательства. У вас в распоряжении имеются весьма действенные средства решения подобных споров – личный поединок, арбитражный суд и даже война. Вас не удовлетворяет ни одно из этих решений?

– Нет, сир, – в один голос произнесли Джесси и Вальдемар, словно они заранее репетировали свой ответ.

Одутловатое лицо Великого Императора скривилось в недовольной гримасе. Он повернулся к Джесси и взглянул на него своими заплывшими жиром маленькими глазками.

– Аристократ Хосканнер выдвинул компромиссное решение, и предлагаю вам принять его.

– Я буду рад любому предложению, если оно окажется честным и справедливым. – С этими словами Джесси посмотрел на Вальдемара, но тот уклонился от взгляда.

– Дом Хосканнеров восемнадцать лет удовлетворял наши потребности в специи, – заговорил Император. – Мы не видим причин менять это положение вещей только ради того, чтобы ублажить уязвленное самолюбие других благородных семейств. Мы должны быть убеждены в том, что любое изменение послужит нашей выгоде.

Аристократ Хосканнер справедливо и с полным основанием гордится своими достижениями. Для того чтобы доказать это, он готов уступить свою монополию в Дюнном Мире на два года. Дом Линкамов – и только Дом Линкамов – получает в свои руки полный контроль за добычей специи. Если в конце двухлетнего срока Линкам сумеет произвести больше меланжа, чем Хосканнер за предыдущие два года, то мы навечно отдадим монополию на добычу специи Дому Линкамов. После этого вы будете иметь право делиться акциями с другими Домами по своему усмотрению.

– Это испытание, ваше величество?

Великий Император не любил, когда его перебивали.

– Аристократ Хосканнер проявил большую щедрость, сделав такое предложение, демонстрируя тем самым уверенность в своих способностях и возможностях. Если вы справитесь лучше – монополия станет вашей. Принимаете ли вы эти условия как разумное решение вашего спора?

Краем глаза Джесси заметил торжествующую улыбку на лице Вальдемара и понял, что его соперник рассчитывает именно на положительный ответ. Но выхода не было.

– Будет ли мне позволено ознакомиться со статистикой добычи специи Домом Хосканнеров с тем, чтобы мы знали, какого уровня добычи нам надо достигнуть?

Хосканнер сделал шаг вперед.

– Сир, мои команды не имели целевых или плановых заданий. Мои люди просто работали изо всех сил, чтобы обеспечить добычу имперской квоты. Если поставить перед аристократом Линкамом конкретную задачу, то он получит нечестное преимущество.

– Согласен, – произнес Император, метнув быстрый взгляд в сторону Вальдемара. Джесси был уверен, что имеет дело с заранее подготовленным заговором.

Однако глава Дома Линкамов решил не сдаваться без боя.

– Но Хосканнер имел в своем распоряжении много лет для подготовки инфраструктуры и обучения рабочих, для закупки оборудования. Мои люди начнут с нуля. Прежде чем я отправлюсь на Дюнный Мир, мне потребуется время на предварительную подготовку. Оставит ли нам Дом Хосканнеров часть своего специализированного оборудования и снаряжения?

Вальдемар изобразил на лице холодное презрение и заговорил. Его слова показались Линкаму заранее отрепетированными.

– Дом Линкамов и без того будет иметь преимущество, зная данные о работе в песках в течение предыдущих восемнадцати лет. Наши работники учились методом проб и ошибок и часто терпели неудачи. Моим инженерам удалось сконструировать и начать производить оборудование для сбора специи, но и сейчас это оборудование не всегда работает должным образом и часто отказывает. В любом случае мой соперник начинает с более выгодной позиции, чем мы, Хосканнеры.

Он нахмурил лоб, и вытатуированная рогатая кобра свернулась кольцом, словно готовясь к смертельному броску.

Сделав утомленный жест, Император произнес:

– Кажется, недостатки уравнивают преимущества.

– Сир, мы должны непременно получить часть оборудования, чтобы начать добычу, – настаивал на своем Джесси. Потом он широко улыбнулся. – В противном случае добыча специи может остановиться, пока мы не наберемся должного опыта. Я сомневаюсь, что это будет в интересах Империи.

Джесси замолчал, ожидая ответа.

– Нет, это было бы просто вопиюще нечестно. – С этими словами Император шумно втянул носом воздух. – Очень хорошо, Дом Хосканнеров получит инструкции, согласно которым вам будут оставлены на планете Дюнный Мир двенадцать комбайнов и три транспортера. Это будет считаться займом, подлежащим погашению в конце испытательного срока, независимо от исхода испытания.

Вальдемар изобразил на лице выражение крайнего возмущения, но не сказал при этом ни слова. Джесси решил не отступать.

– Могу я также попросить об издании императорского эдикта о том, что ни аристократ Хосканнер, ни кто-либо из его окружения не будет иметь право вмешиваться в мои операции со специей? В конце концов, Дом Линкамов ни разу не вмешался в дела Хосканнера на протяжении всех восемнадцати лет.

Нетерпение Великого Императора уже граничило с раздражением.

– Мы не желаем втягиваться в подробности этого ничтожного спора и не будем посредниками вашей мелкой ссоры, которая и без того слишком долго занимает наше драгоценное внимание. Дополнительные правила и ограничения только усложнят и запутают дело. По истечении двух лет достижения Дома Линкамов мы сравним с достижениями Дома Хосканнеров.

Как ваш сюзерен, я должен оставаться нейтральным – во всяком случае, пока поставки специй будут оставаться на должном уровне.

Джесси понимал, что большего ему не добиться. Он церемонно поклонился.

– Я принимаю вызов, сир.

Играть придется без правил.

Великий Император сложил руки на выпирающем животе и удовлетворенно улыбнулся. Джесси показалось, что он явственно услышал скрежет захлопывающегося капкана.

3

*Я всегда считал непобедимой описательную силу стихов и песен.
Но как можно овладеть сущностью Дюнного Мира одними только
словами? Надо отправиться туда самому и прочувствовать мощь этой
планеты.*

Гарни Холлик, менестрель Дома Линкамов

Первыми на планету Дюнный Мир, чтобы начать подготовку к операциям со специей, прибыли Эсмар Туек и команда из сотни каталанцев.

Хосканнеры с непостижимой быстротой упаковали вещи и исчезли с планеты, как изгнанный из дома бедный арендатор. Они, правда, забрали с собой дорогое и самое эффективное оборудование, комбайны и транспортеры, оставив, как было приказано, лишь двенадцать единиц техники. Но что это была за техника! Линкаму достались сломанные, давно не отремонтированные машины.

Эсмар Туек, видя все это, только горестно качал головой. Император сказал, что это щедрый жест; значит, у него самого был, должно быть, изрядный запас специй, более чем достаточный для того, чтобы продержаться все то время, когда Дом Линкамов, переживая тяжкие трудности, будет стараться наладить и поддержать добычу. Более чем вероятно, что Хосканнеры подкупили Императора частью своих запасов меланжа, чтобы повлиять на его решение.

Так как лишь немногие амбициозные независимые старатели продолжали добывать специю в это переходное время, люди Туека обосновались пока в главном городе планеты, Картаге, гнездившемся среди немыслимого нагромождения скал, тянувшихся к небу над заливом открытого песка. Город был единственной защитой от неистовых песчаных бурь и других опасностей. Туек предпочел бы более организованную планировку, но изрезанная горами планета не давала большого простора градостроительной мысли, не позволяла сооружать дороги и взлетно-посадочные полосы. Здания приходилось воздвигать на любом открытом и ровном участке, каким бы малым он ни был.

Большинство наемных рабочих оказалось вынуждено остаться, так как у них не было денег на отъезд. Билеты на космический перелет стоили баснословно дорого. Обслуживающий персонал – повара, торговцы водой, ремонтники, мелкие торговцы и продавцы одежды – остались в Картаге, притворяясь, что им приходится теперь перебиваться с хлеба на воду. Туек подозревал, что многие из них – обычные саботажники и вредители, намеренно оставленные здесь, чтобы наносить урон Дому Линкамов.

Первой задачей на повестке дня Туек считал назначение начальника добычи специй. Надо было найти человека, знавшего толк в этом деле и не испытывавшего особой любви к Хосканнерам. Туек хотел выбрать на эту должность человека из низов, полагая, что те, кто занимал высокую должность в прежней иерархии, будут считать себя обязанным верностью прежним владельцам, а простой рабочий, получивший головокружительное повышение в должности – не говоря уже о жалованье, – будет склонен оправдать доверие Дома Линкамов.

Туек и придворный бард Линкамов, Гарни Холлик, лично встретились с каждым человеком, претендовавшим на должность, и с другими рабочими, которые предпочитали не высказы-

ваться, работая на Хосканнеров. Рослый рыжеволосый мужчина, Гарни обладал верным глазом и безупречно владел клинком, хотя его веселый и общительный нрав зачастую усыплял бдительность врагов.

Побеседовав с более чем четырьмя десятками кандидатов, Туек остановил свой выбор на дерзком бригадире команды добытчиков – Вильяме Инглише. Даже после отъезда Хосканнеров Инглиш продолжал самостоятельно руководить тремя рабочими командами, продолжая добывать меланж – и получая премии – во время смены правительства. В пользу этого человека говорило и то, что бригадир происходил из благородного семейства, его дед был союзником Линкама до того, как экономические неурядицы не повлекли за собой крах Дома Инглишей. Левая сторона лица этого человека была груба и блестела, как воск, словно по ней прошлись пескоструйной машиной. Инглиш попал когда-то в песчаную бурю и не успел найти надежного убежища. Левая щека осталась незакрытой, и ветер с песком содрали с нее кожу и плоть. Квалификации врачей Картага хватило на то, чтобы спасти ему жизнь, но они не смогли восстановить его красоту. Инглиш не любил Хосканнеров.

Туека сильно заинтересовала татуировка Инглиша – на лбу будущего начальника над правой бровью красовался остроугольный шеврон.

– Что это за символ? Я видел такую татуировку в Картаге у многих бывалых добытчиков.

– Наверное, это что-то вроде отличительного тюремного знака заключенных дзенсунитов? – предположил Гарни. – Вы попали сюда на принудительные работы?

На лице Инглиша появилось гордое и независимое выражение. Он дотронулся пальцем до татуировки.

– Большинство из нас прибыли сюда как заключенные, но этот знак – свидетельство того, что теперь я свободен. Я был осужден за преступление и приговорен к двадцати годам каторжных работ в пещерах Эридана V. Но потом Великий Император и Хосканнеры пообещали амнистию тому, кто отработает на специн одну четвертую определенного ему срока. Так мне удалось скостить пятнадцать лет.

Гарни фыркнул.

– Должно быть, Хосканнерам требовалось много людей для работы. – Жадный до человеческих историй, которые он любил делать сюжетами своих песен, Гарни спросил: – Что за преступление вы совершили? Не было ли оно как-то связано со злосчастным падением Дома Инглишей?

Инглиш заметно помрачнел.

– Мой приговор был кассирован, а дело уничтожено. Я не совершал никаких преступлений. – С этими словами он криво улыбнулся. – Найдется ли вообще на свете человек, который не был бы хоть в чем-то виновен?

Постоянно обеспокоенному вопросам безопасности Эсмару Туеку не очень нравилось то, что большинство добытчиков были осужденными. Как можно доверять таким людям? Правда, он знал, что у многих лучших бойцов, с которыми ему пришлось служить, было темное прошлое и нечистая совесть.

Примирительным тоном он спросил:

– Как долго вы живете на Дюнном Море? Я бы не хотел брать на работу прораба, который собирается уехать через несколько месяцев.

– Как я уже сказал, теперь я свободный человек. Я пробыл здесь двенадцать лет, то есть семь лет после отбытия пятилетнего срока.

Гарни воскликнул:

– Но почему тогда вы не уехали отсюда, дружище? Я не могу представить себе человека, который бы добровольно согласился жить в этой дыре.

– Мой выбор не был добровольным. Когда время контракта истекает, мы не имеем права уехать, если не можем оплатить перелет. У очень немногих, если не считать самых влиятель-

ных и хитрых, есть такие деньги. Поэтому даже освобожденные остаются здесь и вкалывают, как рабы. Я копил деньги много лет, и теперь у меня есть приблизительно половина требуемой суммы. – Он недовольно поморщился. – Сожалею теперь, что тогда не рассмотрел этот дьявольский пункт в договоре, когда подписывал его.

– Все это выглядит как этакое милое невинное мошенничество, – проворчал Туек.

Инглиш равнодушно пожал плечами.

– Мошенничество это или нет, не мне судить, но я не выжил бы двадцать лет в пещерах Эридана V, где с потолка капает кислота, а туннели и штольни постоянно обрушиваются, погребая под обломками сотни людей. И даже если бы мне посчастливилось выжить и отбыть там весь срок, то на волю я вышел бы с клеймом приговоренного преступника. – Он снова коснулся татуировки на лбу. – А здесь я свободный человек, а не бывший преступник.

Рассказ произвел на Туека довольно сильное впечатление. Он решил дать этому человеку шанс и пристально понаблюдать за ним.

– Мистер Инглиш, не смогли бы вы помочь нам совершить инспекционный облет приисков – пилотировать орниджет?

– Нет ничего легче, генерал. Я проверю, где находятся команды, вышедшие сегодня на работу. Многие из них не получили функционирующего снаряжения.

* * *

Три человека поднялись на орниджете над зубчатыми вершинами и полетели над бесконечной равниной, усеянной бесчисленными маслянисто блестящими на солнце дюнами. Гарни во все глаза смотрел на пустыню через тонированное стекло иллюминатора орниджета.

– «Мерзость запустения, не обитает здесь человек, и ни один сын человеческий не приходит сюда».

Бард выдал очередную цитату из своего обширного репертуара. Он повернул голову и посмотрел на строения Картага среди темных скал.

– Как сказал в древности и на другой планете Исайя: «Он построил дом свой на песке».

Туек неодобрительно взглянул на грязный город, построенный Хосканнерами.

– Я бы не стал называть это домами.

Инглиш вывел орниджет в открытую пустыню и увеличил размах крыльев. Крылья производили медленные взмахи, но воздушное судно трещало и подпрыгивало на восходящих вихревых потоках. Инглиш с трудом справлялся с управлением.

– Держитесь крепче, джентльмены. Может быть, будет лучше, но, вполне вероятно, и хуже.

– Этим исчерпываются все возможности! – рассмеялся Гарни.

– Надвигается буря? – спросил Туек.

– Нет, это всего лишь тепловые потоки, ничего страшного. – Инглиш провел рукой по огромному, в пол-лица шраму. – Я чувствую плохую погоду. К сожалению, я слишком близко знаком со здешними бурями.

Выровняв машину, Инглиш взглянул на старого вояку.

– Я рассказал вам о своей татуировке, генерал Туек. Не сделаете ли вы мне ответную любезность и не расскажете, что за красные пятна у вас на губах? Я никогда в жизни не видел ничего подобного.

Туек коснулся клюквенно-красных пятен, навсегда покрывших его губы.

– Когда-то я пристрастился к соку растения сафо. Он улучшает настроение, заставляет забывать об опасности... и постепенно лишает жизни.

– Сафо оставляет такие пятна?

– Сок сафо бесцветен. Эти красные пятна означают, что я лечился – и выжил.

– Это была настоящая зависимость? – Инглиш смутился от своей настойчивости. – И вы преодолели ее?

– Любую зависимость можно преодолеть, если у человека достаточно сильная воля. – Туек незаметно сжал и разжал кулаки. Он явственно вспомнил ту кошмарную муку, те дни, когда он не желал ничего, кроме скорой смерти. Он был ветераном многих битв, но избавление от лекарственной зависимости было самой трудной из его побед.

Когда они долетели до цели своего путешествия, Инглиш начал снижаться к столбу пыли и песка, похожему на поднимающийся из трубы дым.

– Добыча специй.

– Мне не терпится увидеть оборудование, которое досталось нам в наследство, – кислым тоном произнес Туек. – Двенадцать комбайнов и три машины для их доставки к месту добычи?

– Цифры верные, но само это оборудование никуда не годится.

Старый воин недовольно поморщился.

– Император настоял на том, чтобы Хосканнеры оставили его нам, но, полагаю, этого мало, чтобы мы увеличили добычу по сравнению с прежней.

– Очень мало.

– Это очень веселая мысль, – сказал Гарни. – «Тот, кто взирает на Господа своего с оптимизмом, получит свою награду, а пессимист получит то, что он предвидит, – поражение».

Бригадир покачал головой.

– Это не пессимизм – это математически точная реальность, умноженная на условия этого дьявольского мира. Если мы не отыщем способ резко увеличить добычу специй, то у Дома Линкамов не будет никаких шансов выполнить условия договора. Через два года вернутся Хосканнеры – и тогда мне конец. – Инглиш окинул отчужденным взглядом своих пассажиров. – Аристократ Хосканнер не слишком добр к тем, чью верность можно купить.

– Очень милая любовь! – Это была излюбленная поговорка Туека. – Но тогда почему же вы приняли наше предложение, дружище?

– Потому что вы предложили мне повышение жалованья. Если я буду недоедать и откладывать премии, то смогу купить место на улетающем отсюда корабле до того, как вернутся Хосканнеры.

Инглиш нажал какую-то кнопку на панели управления, и из носовой части орниджета выдвинулась длинная телескопическая антенна, сенсоры которой считывали информацию с поверхности планеты.

– Обычно недалеко от одной жилы специй находится и другая. Эти зонды считывают информацию, которая помогает выявить богатое месторождение, на которое следует обратить внимание.

– А что это за маленькие корабли? – спросил Гарни.

– Разведчики. Они выискивают подходящий песок по поверхностным признакам, по нарушению рисунка дюн и по следам пребывания червей.

– Пребывания червей? – переспросил Туек.

Воздушные подъемники нырнули вниз, где лихорадочно работали люди, а более мелкие суда рассыпались по небу широкой дугой. Инглиш пристально смотрел вниз, стараясь разглядеть, что там творится.

– Ага, кажется, сегодня мы наработались. Каждую жилу команда может разрабатывать в течение часа или чуть больше. Потом приходится эвакуироваться. Смотрите, кажется, этот комбайн сейчас поволокут в безопасное место.

Было видно, что внизу люди бегут к своим кораблям, а тяжелый грузовик зацепил рычагами массивный корпус машины, стоявшей во впадине между дюнами, и поднял ее в воздух.

– Поволокут в безопасное место? Но от чего надо уберечь машину? – снова спросил озадаченный Туек.

– Разве Хосканнеры ничего не рассказывали вам о добыче специй?

– Нет.

Прошло всего несколько мгновений после того, как грузовик оторвал от поверхности комбайн, и огромное извивающееся существо покрыло собой дюну, разрезая ее пополам. Похожий на исполинскую змею зверь с чудовищной, размером с пещеру, пастью взвился в воздух, стараясь достать поднимающийся грузовик. Но машина стремительно набирала высоту и оказалась вне досягаемости. Подняв тучи песка и пыли, змей, неистово извиваясь, с грохотом рухнул на дюну.

– Боже, что за чудовище! – произнес Гарни. – «И я увидел зверя, поднимающегося из моря, зверя о десяти рогах и семи головах».

– Вибрация добывающего комбайна вызывает червя, который стремится защитить свое сокровище – точно как мифический дракон, – пояснил Инглиш. – При Хосканнерах я служил на семи комбайнах, и все они погибли.

– Там кто-нибудь спасся? – Туек посмотрел вниз через иллюминатор орниджета, ища глазами убитых и раненых.

Инглиш прислушался к стаккато голосов в приемнике.

– Спаслись все, кроме одного разведывательного судна, которое было воздушным потоком затянуто в песчаный гейзер.

– Песчаный гейзер? Гигантские черви? – воскликнул Гарни. – Этот Дюнный Мир рождает странные чудеса!

– За двенадцать лет даже я не видел всех его тайн.

Перед тем как вернуться в горы, окружавшие Картаг, Инглиш посадил судно на площадке маленького лагеря, возле которого рабочие, одетые в герметичные, не пропускавшие влагу комбинезоны, занимались тем, что, рассредоточившись по песку, втыкали в него длинные шесты, делающие площадку похожей на спину гигантского дикобраза.

Трое мужчин вышли из орниджета, вдохнув через лицевые фильтры сухой раскаленный воздух. Туек поднял глаза и обвел взглядом близлежащие дюны. На их вершинах плясали словно пустынные демоны вихри взметенного ветром песка и мелкой пыли. Хотя в укромной долине трудилась рабочая команда, неимоверная пустота словно гигантская ненасытная пасть поглощала все звуки, погружая мир в сверхъестественное безмолвие. Туеку подумалось, что он явственно слышит дыхание пустыни.

Гарни проковылял по песку к одному из только что установленных гибких шестов. Холлик покачал его, словно антенну.

– А это что такое?

– Эти шесты втыкают в песок, чтобы регистрировать изменения погоды.

– Но разве здесь нет погодных спутников? Я был уверен, что Хосканнеры оставили их на месте.

– Эти спутники дают только общую и притом весьма приблизительную картину, а местность – настоящая мозаика из микроклиматических особенностей. При реальных колебаниях температур и подвижках песка местная погода отличается опасной непредсказуемостью. Каждый из этих шестов снабжен сигнальным передатчиком. Когда шест изгибается на ветру, эти передатчики помогают нам нанести на карту продвижение бури. Летящие песчинки оставляют следы на восковой поверхности шестов. Некоторые местные жители уверяют, что могут по их рисунку предсказывать погоду. – С этими словами Инглиш пожал плечами. – Сам я в этом ничего не понимаю, но местные предсказывают погоду не менее точно, чем мы.

Один из разведчиков, только что воткнувший свой шест на дальней стороне песчаной площадки, внезапно издал дикий нечеловеческий крик. Страшно воя, он вскинул вверх руки; ступни его исчезли в песке, словно снизу его начала засасывать невидимая с поверхности пасть.

Встревоженный бригадир остался стоять на месте, расставив ноги на песке безопасной дюны, но Туек и Гарни бросились на помощь несчастному. Когда они добежали до места, бедняги уже не было – рабочий бесследно исчез под пыльной поверхностью песка. Песок поглотил его и застыл в своей вечной неподвижности.

Гарни схватил Туека за плечо и потянул назад.

– Давайте держаться оттуда подальше, генерал. Может быть, это еще один песчаный червь.

Туек резко повернулся и взглянул на Инглиша, который с мрачной миной на лице шел к ним, осторожно ставя ноги на песок.

– Хорошенькое дельце! Неужели ничем нельзя помочь этому бедняге?

Бригадир молча покачал головой.

– Он погиб в тот момент, когда встал на это проклятое место. Песчаные водовороты возникают в самых неожиданных местах и по спирали засасывают в себя все, что оказывается сверху.

Не решаясь сдвинуться с места, Туек с минуту стоял неподвижно, сжимая и разжимая челюсти, отчего желваки перекачивались под кожей, как крошечные копии червей.

– Боже, что же это за дьявольский мир?

4

Даже в самых бесплодных пустынях растут цветы. Осознай это и учишься приспосабливаться к обстоятельствам.

Доктор Брюс Хайнс, назначенный планетарный эколог Дюнного Мира

Понимая, что ее семья будет поставлена на грань выживания, Дороти Мейпс поклялась себе, что каждая минута пребывания на Дюнном Море, каждое действие, там предпринятое, должно быть тщательно обдумано и взвешено.

– Это серьезная планета, она требует индивидуального подхода, – заметила она, глядя сквозь овальный иллюминатор линкамовского корабля на море дюн и проступающую вдали мощную гряду черных гор.

Сидя рядом с Джесси у правого борта транспортного корабля, она видела, с каким вниманием всматривается он в исполинское облако пыли, надвигавшееся от горизонта, беспощадное, как прилив Каталанского моря. Джесси сказал, что по зрелом размышлении он приказал пилоту сделать крюк и, прежде чем направиться в Картаг, облететь пустыню, углубившись в нее на несколько сотен километров. Но потраченного времени ему не жаль, так как он хочет сразу же получить впечатление от новой планеты, а заодно показать наложнице и сыну, как выглядит мир, в котором им предстояло провести следующие два года.

Дороти от души надеялась, что это решение не станет роковой ошибкой.

– Думаю, мы выдержим удар этого шторма, – проговорил пилот. – Хотелось бы надеяться, так как у нас не хватит горючего, чтобы вернуться в космос.

Джесси ничего не сказал, промолчала и Дороти. Он крепко взял ее за руку, выказав этим интимным прикосновением ободрение и обещание сделать все, чтобы ничего не случилось ни с Дороти, ни с маленьким Барри, который, сидя у соседнего иллюминатора, как зачарованный смотрел на чуждый мир. Прожив вместе более десяти лет, аристократ и его наложница привыкли понимать друг друга без слов – с одного взгляда и с одного прикосновения. Пальцем Джесси провел по диагемовому кольцу на руке возлюбленной.

Хотя Джесси по праву считался патриархом и главой аристократического Дома, Дороти Мейпс занималась делами обширного придворного хозяйства. Она часто сравнивала себя с женами живших на Древней Земле самураев, так как те тоже имели доступ ко всем важным

делам и могли ими управлять. Правда, она понимала и то, что ее матримониальные мечты скорее всего так и останутся сладкими мечтами. Строгие правила и законы Империи не допускали браков между аристократами и простолюдинками – независимо от того, насколько сердечно он к ней относился и насколько она была ему дорога.

Дороти была матерью его сына, прямого наследника Дома Линкамов. Хотя она и обучала мальчика многим важным вещам, она же и баловала его – несколько излишне, на взгляд Джесси. Аристократ хотел, чтобы его сын сталкивался с трудностями, которые должны были закалить его волю и сделать сильнее. Дороти приходилось уступать требованиям Джесси или притворяться, что она уступает; но потом она снова принималась баловать Барри.

– Скорее бы нам добраться до места, – ерзая на своем кресле, произнес сидевший в противоположном ряду добрый семейный доктор, старавшийся смотреть прямо перед собой, чтобы не видеть проносившийся за иллюминаторами жутковатый пейзаж. У Каллингтона Юэ были коротко остриженные седые волосы и тронутые сединой, словно посыпанные солью, усы. – Меня уже тошнит от воздушных ям и тряски.

– Картаг впереди, прямо по курсу, – доложил из своей рубки пилот. Голос его прозвучал приглушенно в динамиках бортовой связи. – Приготовьтесь, турбулентность усилится, когда мы приблизимся к горам.

– Прекрасно. – Юэ побледнел еще больше.

Через овальный иллюминатор Дороти внимательно рассматривала приближавшийся город – рассыпанные между темными угрюмыми скалами строения и расчищенные от песка пространства. То было зловещее место, созданное, расширенное и укрепленное Хосканнерами за восемнадцать лет их пребывания у власти. Узкие дороги и крутые лестницы, соединявшие большие здания и кварталы более мелких строений, были вымощены огромными, грубо обработанными плитами. Множество самых крупных зданий сообщались с остальными частями города-крепости железной дорогой и туннелями. Хотя в Картаге не было собственного космопорта, в противоположных концах города в скалах были взрывами созданы огромные – одна больше другой – площадки, выложенные стальными плитами и превращенные во взлетно-посадочные полосы для воздушных судов.

Пилот описал круг над плоской площадкой вблизи высокого каменного административного здания – бывшей штаб-квартиры Хосканнеров. Красновато-черные дома Картага с высокими крышами с мрачной гармонией вписывались в вал из зубчатых утесов. Поднявшийся ветер, предвещавший наступление бури, сотрясал воздушное судно, швыряя его из стороны в сторону, словно легковооруженный авангард, тревожащий силы противника перед массовой атакой. Орnidжет то проваливался в воздушные ямы, то стремительно, накрываясь, взмывал вверх, что исторгало у доктора Юэ новую серию жалобных стонов.

Со скрежещущим грохотом воздушное судно опустилось на выложенную стальными плитами площадку, окруженную остроконечными скалами. Вокруг них садились корабли местного сообщения и челноки, стремясь убежать от наступающей бури... они были похожи на ястребов, ищущих укрытия в своем горном гнезде. Песчинки, поднятые сильным ветром, с шорохом били в стекла иллюминаторов.

– Вот мы и дома, – произнес Джесси. – Дюнный Мир выглядит весьма красивым и очень гостеприимным местом.

Дороти едва узнала двух человек, встретивших и сопровождающих ее в центральном вестибюле здания прибытия. При каждом шаге с их ботинок, пустынных костюмов и накидок сыпалась густая пыль, толстым слоем ложившаяся на пол. Но своим зорким взглядом Дороти сразу же узнала этих мужчин по походке и по тому, как они жестикулировали, общаясь друг с другом. Дороти хорошо умела замечать мелкие детали и безошибочно читать язык тела – то

был единственный способ выживания в мире, где благородная кровь ценилась много выше ума и таланта.

Преувеличенно театральным жестом Гарни Холлик откинул с головы капюшон, с которого на пол посыпалась очередная порция сухой темно-серой грязи. Суровое лицо придворного певца осветилось озорной улыбкой, когда он увидел Джесси.

– Хорошее времечко вы выбрали для приезда, дружище! – Лицо под свалывшимися светло-рыжими волосами было покрыто густым слоем грязи, только губы и полоска кожи вокруг них выделялись светлым пятном – в том месте, где лицо было прикрыто плотно прилежавшей маской.

Эсмар Туек не стал снимать капюшон, глаза его поблескивали в узкой прорези для глаз.

– Простите, что мы не успели почиститься к вашему приезду, милорд, но мы только что вернулись из пустыни. Эти ублюдки Хосканнеры оставили нам вместо оборудования всякую негодную дрянь! Нам надо быстро доставить сюда приличные машины. Боюсь, что это обойдется нам очень и очень недешево. Думаю, что Хосканнеры уже взвинтили цены на рынке.

– Наши финансы и без того истощены до предела, – предостерегающе произнесла Дороти. – Предвидя эту проблему, мы уже заказали оборудование и машины – ту малость, на какую у нас хватило денег.

– Похоже, что нам придется заказать больше, – сказал Джесси. – Не важно, как глубоко нам придется запустить руку в сундук, но нам все равно потребуется порядочное снаряжение, иначе мы не сможем ничего сделать. – Он улыбнулся Дороти. – Ты отыщешь способ найти деньги.

– Как-нибудь, как обычно.

Бесчисленное множество раз Дороти устанавливала приоритеты расходов Дома Линкамов, сокращала бюджет и даже находила неожиданные, новые источники дохода. Теперь она была занята тем, что лихорадочно обдумывала, как решить эту неимоверно трудную проблему.

Подбежали слуги, чтобы взять у прибывших вещи и багаж. Наконец, шатаясь от пережитой качки, появился и доктор Юэ. Он глубоко вдохнул сухой воздух, и на лице его отразилось непередаваемое отвращение.

Двое покрытых пылью сопровождающих повели вновь прибывших по крутой тропинке к расположенному поблизости дому. Ветер, предвестник бури, прокладывал себе путь между защищавшими город скалами и трепал людям волосы и полы одежды. Джесси и Дороти невольно пригнули головы, чтобы защититься от обжигающих ударов песчинок. Сын побежал вперед, но Дороти велела ему вернуться. Темноволосый мальчуган неохотно повиновался, остановился и принялся ждать родителей.

– Наверно, для тебя будет даже лучше, если ты сразу измажешь рожицу в пыли и грязи, – сказал ребенку Гарни Холлик. – Так уж положено здесь, на Дюнном Мире. Мы пока еще не придумали, как его хорошенько вычистить. Эти проклятые пыль и песок влезают в любую щель. У меня от этого песка даже выступила сыпь на...

Оглянувшись на Дороти, Гарни предпочел не заканчивать фразу.

Женщина взяла Барри за руку, и они продолжили свой путь. Уловив неодобрительный взгляд Джесси, она выпустила руку сына, позволив ему идти в нескольких шагах впереди остальных.

– Главные поля специи расположены в полутора тысячах километров отсюда. – Туек поспешил заполнить наступившую паузу. – Но Картаг – самое близкое и защищенное место для крупного города и зон приземления.

Гарни шутливо ткнул Джесси в бок.

– Наслаждайся прелестным видом своего нового дома, дружок.

Сквозь завесу летящего песка Дороти с трудом могла разглядеть очертания старой каменной резиденции, высившейся впереди. То была сложенная из необработанных камней кре-

пость, отражавшая грубые архитектурные вкусы рода Хосканнеров. Она вспомнила об их доме на берегу Каталанского моря, деревенскую, непритязательную, но такую уютную обстановку, деревянное убранство комнат, коврики и камины, в которых весело потрескивал огонь. Здесь же все было наоборот, все, что мог предложить этот хмурый мир своим временным постояльцам, – это грубые камни и переплетения сварных конструкций.

Куда мы попали?

Огромные статуи предков Вальдемара Хосканнера обрамляли длинный проход.

– Это надо немедленно снести, – выпалила Дороти.

– Старик Вальдемар будет очень недоволен, когда вернется, – не без издевки, смеясь, отпарировал Гарни.

Джесси долго молчал, а потом произнес:

– Если Вальдемар вернется через два года, то меня не озаботит, будет он доволен или нет.

На следующее утро Дороти проснулась очень рано в отведенной ей спальне, пропитанной пахнувшим пылью воздухом. Спала она плохо, то и дело пробуждаясь от неглубокого, не освежающего сна. Она села на кровати и посмотрела на желтый пустынный свет, который сочился, словно зараженная гноем кровь сквозь щели в жалюзи. Джесси рядом не оказалось, хотя простыни были смяты.

Уловив, что Дороти проснулась, к ней подлетело, жужжа мелкими крыльями, маленькое автоматическое устройство и зависло перед лицом. Она резко выдохнула и включила почтовую «пчелу». Устройство тотчас заговорило голосом Джесси:

– Я отправился в инспекционную поездку с Эсмаром и Гарни. Ты так плохо засыпала накануне, что я не стал тебя будить, Дороти.

Она улыбнулась такой предупредительности, но решила, что больше спать не будет, во всяком случае сегодня, в первый день полноценного пребывания на Дюнном Мире. Чтобы в доме все пошло нормально с самого начала, требовалось проследить за тысячей мелочей.

Барри был уже на ногах и носился по дому, не в силах сдерживать брызжущую из него энергию. Темно-каштановые непослушные волосы не поддавались никаким усилиям Дороти привести их в порядок и как следует причесать. Курносый нос мальчика был покрыт мелкими веснушками, которые стали невидимыми под тонким слоем вездесущей дюнной пыли. То и дело раздавался его веселый заразительный смех. Барри на удивление всем умел находить забавные мелочи в самых, казалось бы, обыденных вещах.

Смышленный восьмилетний мальчуган неотступно следовал за матерью, задавая ей бесчисленные вопросы, заглядывая в немаркированные ящики и без усталости обследуя коридоры и закрытые помещения. Дороти отдавала распоряжения домашней прислуге, приехавшей вместе с ней и Джесси с Каталана. Были здесь и бывшие слуги Хосканнеров, которых генерал Туек лично отобрал со всей присущей ему тщательностью. Джесси во всем положился на проницательность и осторожность ветерана, но Дороти решила сама оценить новых служащих. Последствия ошибки могли обойтись очень дорого, слишком уж высоки были ставки в этой рискованной игре.

По ступеням каменной лестницы она спустилась на кухню. Когда Дороти вошла, шеф-повар как раз обсуждал с двумя слугами вечернее меню. До того как присоединиться к свите Линкама, Пьеро Зонн был шеф-поваром лучшего каталанского ресторана. Джесси взял его с собой, чтобы тот готовил свои деликатесы и в замке нового хозяина Дюнного Мира, но этот маленький энергичный человечек, попав в незнакомую обстановку, сильно растерялся, не зная, справится ли он со своими новыми обязанностями. Дороти от души хотелось его подбодрить, но она и сама не знала, скольким придется им пожертвовать в этом негостеприимном месте.

Шеф и его собеседники почтительно замолчали, увидев, что пришла Дороти. Она, конечно, была такой же простолюдинкой, как и они, но вращалась в высших кругах. Стояв-

шая неподалеку местная горничная, вытиравшая пыль в большой каменной нише, на секунду замерла, а потом принялась за дело с еще большей энергией. Дороти почувствовала, что пришла явно не вовремя.

Позже, когда они с сыном, снова оставшись одни, перешли в зал верхнего этажа, Барри, уцепившись за подол материнской юбки, спросил:

– Что такое Одокис?

– Одокис?

– Ну, звезда, которую мы видели, когда подлетали?

– Это Арракис, мой дорогой. В древней астрономии это означало «танцор» или «бегущий верблюд». Так называется звезда, которая, как солнце, освещает небо на нашей новой планете.

– Мне бы хотелось вернуться на Каталан. Я очень скучаю по своим друзьям.

– Здесь ты заведешь себе новых друзей.

Хотя, если сказать правду, Дороти не заметила, чтобы в Картаге было много детей, а те, которых она встретила, были отчаянными уличными хулиганами. С населением, состоявшим преимущественно из осужденных и досрочно освобожденных, у которых не было денег на отъезд, Дюнний Мир был не самым подходящим местом для создания семьи.

Пока Джесси начинал свое знакомство с меланжевым бизнесом и операциями со специей, Дороти принялась распаковывать вещи, а Барри продолжил осмотр замка. Отличаясь необузданным любопытством, мальчик ухитрялся мешать матери и приставать к ней с вопросами, когда она была больше всего занята. Но для ответов она всегда терпеливо находила время, зная, что детское любопытство есть признак ума.

В хозяйских апартаментах она расставила несколько линкамовских сувениров, тот минимум, который Джесси разрешил ей взять, учитывая ограниченную грузоподъемность судна, на котором они прилетели на Дюнний Мир. Все прочее из имущества осталось на Каталане. Позади, на приветливой планете осталась вся ее прежняя жизнь, и это были не просто бездушные *вещи*. Барри выглядел потерянным и расстроенным всякий раз, когда выяснялось, что какая-то игрушка или подарок забыты дома и скорее всего утрачены теперь навсегда.

– Хорошо начинать жизнь на новом месте, – сказала Дороти, храбро улыбнувшись. Пока она изучала список предметов, мальчик занялся осмотром каких-то вещей, найденных им в углу большой комнаты.

Дороти распаковала очередной предмет – это была голографическая фотография отца Джесси. Поставив ее на камин в спальне, Дороти включила изображение. В воздухе повис портрет тяжеловесного Жабо Линкама, одетого в замысловато изукрашенный псевдвоенный мундир – наряд, который он предпочитал всем другим, хотя никогда в жизни не служил ни в одной армии. Императорский лизоблюд, старый глупец обожалрядиться в дорогие экстравагантные костюмы и закатывать балы, на которые у него не было средств. В итоге он едва не довел до полного банкротства Дом Линкамов.

Во время одного из таких банкетов повар-маньяк подсыпал сильнейший яд в десерт отца Вальдемара Хосканнера – в слоеный каталанский пирог. Но деликатес был также любимым блюдом и Жабо Линкама. Он по ошибке съел отраву, от которой тотчас и скончался. Только год спустя, ободренный смертью своего врага, уверенный в том, что Линкамы больше не повторят попытку отравления, юный Вальдемар публично бросил вызов брату Джесси, Гуго, предложив тому участвовать в проводимом Домом Хосканнеров бое быков. Гуго сам – никто его не принуждал, кроме собственной ложной гордости и стыда, – согласился на участие, и бык убил его. Чистой воды глупость. Вот так младший из Линкамов оказался во главе своего аристократического Дома.

Глядя на фотографию Жабо, Дороти надеялась, что ее возлюбленный Джесси не падет жертвой ложной гордости своего рода, отмеченного несчастливим роком.

В открытую дверь вошел доктор Юэ.

– О, сегодня я чувствую себя гораздо лучше. Я даже начал распаковывать вещи и наводить кое-какой порядок. – С этими словами он показал Дороти длинный, острый как бритва церемониальный нож – позолоченную и инкрустированную дорогими камнями копию медицинского скальпеля. – Я нашел и эту вещицу, сохранившуюся у меня с того времени, когда я получал свой врачебный диплом.

Он виновато улыбнулся.

– Вероятно, не стоило тащить его в такую даль, даже такому тщеславному старому дураку, как я.

– Думаю, что мы вполне можем простить вам эту слабость, Каллингтон.

Старый врач быстрым жестом потер руки.

– Знаете, я хочу – хотя и с некоторым опозданием – позавтракать. Не желаете ли составить мне компанию? Хозяин еще не вернулся, но я думаю, что вы заслужили право сделать перерыв.

– Конечно-конечно. Барри, идем в столовую. – Женщина была немало удивлена тихому поведению сына, который, скрестив ноги, сидел под закрытым окном спиной к ней. – Что ты там делаешь?

Продолжая играть, он с ангельской улыбкой обернулся к матери. Сине-зеленые глаза ребенка сияли от восторга.

– Мама, я все-таки нашел себе друга. Смотри, этот зверь похож на нашего приливного краба. – Он поднял руку, и мать увидела на его ладони тварь на членистых ногах. Черный и блестящий, как вороненая сталь, паук полз по обнаженной руке мальчика. Ребенок захихикал.

– Ой, как щекотно!

У доктора Юэ на мгновение отвисла челюсть.

– Малыш, не делай резких движений! – Старик отодвинул в сторону Дороти и подошел к мальчику. – Это местный песчаный скорпион. Укус его смертелен.

Напрягшись, Дороти хотела броситься к сыну, но осталась на месте, боясь, что от ее движения насекомое ужалит Барри.

Внезапным резким движением доктор сбросил с руки мальчика страшного скорпиона. Тварь грохнулась на пол у ног Дороти и свернулась в черный комок, приготовившись к защите. Женщина всем своим весом наступила на скорпиона, раздавив его. Хотя паук был уже мертв, Дороти снова и снова продолжала наступать на него.

– Вот так, – спокойно произнес доктор Юэ, уводя мальчика из угла. Но Барри со слезами на глазах изо всех сил старался вырваться из рук старого врача.

Прижав сына к груди, Дороти принялась гладить его по голове.

– Это очень опасное место. Нельзя играть с животными, которых ты здесь найдешь. Даже доктор Юэ не смог бы ничего сделать, ужаль тебя этот гадкий паук.

Барри гневно взглянул на мать. Он все еще не мог примириться с такой скорой гибелью своего нового любимца.

– Каллингтон мог бы придумать какое-нибудь противоядие.

Старый доктор потрепал мальчика по непослушным волосам.

– Давай не будем таким способом испытывать мои возможности, ладно?

5

Живое всегда стоит на плечах мертвого. Таково неперемненное условие всякого продвижения вперед.

Мудрость Древней Земли

Джесси созвал совещание в верхнем этаже административного здания. Забранные темным плазом окна конференц-зала надежно защищали от лучей беспощадного местного солнца. Сквозь тонированный плаз открывался вид во всех направлениях: пустыня, скалы, утесы, посадочные площадки космопорта и беспорядочно разбросанные среди скал строения Картага.

Хотя каталанская прислуга накануне тщательно убрала выложенное металлическими плитами помещение, на стенах, окнах и в углах уже скопилась мелкая песчаная пыль. Джесси провел пальцем по столу – остался блестящий след. Вот в таких условиях ему и придется жить – какое-то время.

Эсмар Туек и Гарни Холлик вошли в зал вместе с новым бригадиром Вильямом Инглишем. Слуга внес в зал дымящийся ароматным паром кофейник с четырьмя чашками на подносе, поставил его на стол и вышел, затворив за собой дверь.

Прежде чем начать совещание, Джесси обошел вокруг стола и налил своим соратникам крепкого ароматного кофе, подчеркнув тем свое отличие от прочих аристократов.

– Я был очень расстроен тем, что увидел во время вчерашней инспекции. Хосканнеры приготовили нам ловушку.

– Ты попал в самую точку, дружок, – проворчал Гарни. – Пожалуй, это милое местечко может стать тюрьмой для Дома Линкамов: мы не можем уехать отсюда, не отбыв свой срок.

– Но даже и потом отъезд домой тоже не самый удачный выбор, – мрачно заметил Инглиш горьким, как приправленный специей кофе, тоном. – Во всяком случае, для большинства из нас.

Джесси внимательно взглянул на обветренное, покрытое рубцами лицо своего нового управляющего, выбранного Туеком. В те дни, когда Дом Линкамов знал лучшие времена, дед этого человека был добрым знакомым деда Джесси. Инглиш казался достаточно надежным и компетентным, но Джесси понимал, что в жизни не бывает ничего гарантированно надежного и определенного. Однако приходилось идти на риск. Полагаться, кроме людей, не на кого.

Но люди не застрахованы от ошибок, подумал он, и склонны к предательству. Человек меняется с каждым очередным вдохом.

Но тем не менее выбор сделан, и с этим надо смириться. Он оглядел людей, сидевших за столом.

– Несмотря на то что большинство шахтеров здесь являются – или были – осужденными, я все же не считаю их рабами. Мне приходилось работать с людьми на Каталане, наблюдать их, и я понял, что человек может гордиться самым грязным и низким трудом, если знает, зачем он его выполняет. Я намерен дать людям Дюнного Мира цель, разумное основание для того, чтобы они начали прилежно работать. Наш единственный шанс выиграть – это завоевать доверие населения. Без этих людей мы не сделаем ничего.

– Очень немногие рабочие оказались на Дюнном Мире по своей воле, милорд, – сказал Инглиш. – Хосканнеры буквально топтали их ногами, заставляли работать до смерти, лишали их последней надежды, как только те прибывали сюда из тюрем.

– Так, значит, я всею в них надежду. Ради их и нашей пользы я хочу показать им, что не похож на Вальдемара Хосканнера. – Джесси решительно улыбнулся. – Генерал Туек, господин Инглиш, я хочу, чтобы вы выступили перед ними. Обратитесь к рабочим и скажите им, что если Дом Линкамов выиграет этот вызов, то я даю слово аристократа, что каждый освобожденный получит билет на отъезд. Я сам оплачу этот перелет, если так сложатся обстоятельства.

– Милорд! – начал возражать Туек. – У Дома Линкамов не хватит на это средств. Кроме того, мы не можем лишиться самых опытных добытчиков.

– Эсмар, если мы победим, то доходы от специи позволят нам достойно платить людям. Мы сможем начать готовить смену отъезжающим из осужденных, а кроме того, высокими зарплатами мы можем задержать здесь и часть освобожденных.

Глаза Инглиша сверкнули.

– Мои товарищи будут счастливы услышать такую новость, милорд.

Джесси тяжело вздохнул, понимая, что шагнул в пропасть. Оставалось только надеяться, что он переживет падение. Хотя состояние финансов Дома Линкамов немного улучшилось за время его правления, кредитное положение семьи оставалось шатким из-за вреда, нанесенного хозяйству Каталана отцом и братом Джесси. Для того чтобы финансировать это рискованное и дерзкое предприятие, ему пришлось занять большие суммы в Имперском банке и – против воли – принять помощь нескольких политических союзников.

Занимаясь поиском денег, Джесси, к своему глубокому огорчению, обнаружил, что многие Благородные Дома, главы коих подтолкнули его к оспариванию монополии Хосканнеров, теперь, когда это было жизненно необходимо, попросту отказали ему в помощи. Джесси чувствовал себя неподготовленной жертвой, которую бросили на арену на съедение дикому зверю, а публика, радуясь безопасности своих мест, глумится над ним, заключая пари на его незавидную судьбу. Джесси рассчитывал, что многие из них поступят по-иному.

Но, несмотря на все препятствия, он твердо решил выиграть поединок с Хосканнером. Он должен привлечь рабочих на свою сторону. Как только ему удастся поколебать монополию Дома Хосканнеров, он начнет распределять доходы по своему усмотрению, щедро наградив тех, кто поддержал его в трудную минуту, и бросит в финансовую яму остальных.

Эта планета – настоящий сундук с сокровищами, думал он. Надо только найти ключ от этого сундука.

– Я выбираю путь достоинства и чести, хотя, вероятно, он не самый разумный. – Джесси сгорбился на стуле с высокой спинкой. – Если бы только я знал, как именно добывали специю Хосканнеры.

Тук достал какой-то документ и, положив его на стол, пододвинул Джесси.

– Я сделал для вас одну мелочь, милорд.

Джесси увидел колонки цифр – объемы добычи специи.

– Показатели Хосканнеров за последние два года? Где ты это раздобыл?

– Из безупречного источника. – Тук искоса взглянул на Инглиша.

Новый управляющий заговорил сам:

– Я не был значительным лицом, когда здесь правили Хосканнеры, но документы циркулировали и были доступны. В них приводились данные о месячной добыче и сравнительные цифры, что должно было подстегивать бригадиров к соперничеству друг с другом. Администрация делала копии для внутреннего пользования, и... некоторые документы безвозвратно терялись неизвестно куда.

Тук кивнул.

– Вильяму пришлось изрядно потрудиться, чтобы добыть эту информацию, но она заслуживает того, чтобы с ней ознакомиться.

– Отлично, – согласился Джесси. – Теперь мы хотя бы будем знать, где находимся.

– Или насколько мы отстали, дружок, – с притворной усмешкой промолвил Гарни. – Посмотри-ка на эти цифры внимательно.

Джесси свистнул.

– Если эти цифры верны, то надо признать, что Хосканнеры добыли огромное количество меланжа. Было ли все это количество распределено по планетам Империи? Мне кажется, что потребление специи было не столь уж большим.

– Может быть, это трюк. Дутые данные, – высказал осторожное предположение Тук.

Но Джесси отрицательно покачал головой.

– Если бы Вальдемар хотел сыграть с нами злую шутку, то, наоборот, занизил бы данные, чтобы избежать повышения имперских тарифов, а нам внушить ложное чувство уверенности.

Внимательно рассмотрев документ, Гарни заговорил:

– Очень прискорбно констатировать очевидное, дружок, но у Хосканнеров был целый флот добывающих машин. Двенадцать никуда не годных и подлежащих списанию комбайнов и три транспортера – этого слишком мало для полноценной добычи.

– Оборудование это чаще ремонтируется, чем работает, – вмешался в беседу Инглиш. – Эти ублюдки Хосканнеры взяли с собой самые квалифицированные кадры, они выдали этим людям большие премии только за то, чтобы они *не* помогли нам, заплатив, помимо всего прочего, за их отлет с планеты.

Обезображенное лицо бригадира вспыхнуло от воспоминания о былой несправедливости. Джесси даже показалось, что и Инглиш охотно принял бы такое предложение, будь оно ему сделано.

– С нами остался только восемьдесят один освобожденный, – сказал Туек. – А рабочих, которых мы привезли с Каталана, надо долго учить. Работы нам предстоит уйма.

Джесси встал и принялся рассказывать по залу.

– Я ожидал чего-то подобного. Немедленно после того, как я принял вызов, я приказал Дороти заказать шесть комбайнов и два транспортера на иксианских машиностроительных заводах и даже оплатить немедленную доставку. – Джесси досадливо покривился. – Вчера вечером, после инспекционной поездки, я заказал еще шесть комбайнов и один транспортер.

– Можем ли мы себе это позволить, милорд? – спросил Туек.

– Менее всего мы можем себе этого не позволить.

– Это значит, что у нас есть двенадцать новых комбайнов и двенадцать старых, – заговорил Гарни. – Это все равно меньше, чем было у Хосканнеров.

– Значит, нам придется тяжелее работать и действовать с умом, – отпарировал Джесси. – Дороти говорит, что мы уже продали наши наследственные и самые дорогие фамильные ценности и заложили остальное. Кроме того, она говорит, что мы не растягиваем бюджет, а рвем его на части. – Он тяжело вздохнул. – Но что остается делать, если мы хотим победить? Ради выживания Дома Линкамов мы просто обязаны выиграть!

Инглиш смущенно потер глянцеви́тый рубец на щеке.

– У Хосканнеров были большие проблемы с погодой. Песок проникал под кожу́хи самых больших комбайнов и портил встроенные фабричные модули. Здешняя пыль вызывает коррозию металла, и кроме того, все пылинки несут мощные статические заряды. В каждый момент времени из тридцати комбайнов примерно половина была в ремонте. – Он помолчал. – Но, как мне думается, есть неплохой способ исправить положение. – В зале повисла напряженная тишина. Глядя на Джесси, новый управляющий откашлялся. – Великий Император сказал, что в этой игре нет правил, не так ли?

Джесси кивнул.

– Было бы хорошо в награду обратить эти условия в нашу пользу.

– Первые разведывательные экспедиции, посланные Императором, устанавливали передовые станции. Это герметически запечатанные сооружения, стоявшие покинутыми много лет, но в них находятся большие запасы оборудования, машин и запасных частей. Некоторые из моих освобожденных знают, где расположены такие станции. Там все находится в прекрасном рабочем состоянии, так как все эти строения прикрыты щитом из живой резины.

– Никогда о ней не слышал, – признался Туек.

– Это очень дорогой материал и очень податливый. Им можно плотно обтягивать кожу́хи двигателей и другие узлы и детали, чтобы туда не проникал песок и комбайны оставались как можно дольше в рабочем состоянии. Конечно, живой резины не хватит на все машины, но все же ее применение принесет нам несомненную пользу. Я думал об этом много лет, но так и не предложил это решение Хосканнерам. Для них я никто, и, вероятно, меня просто не стали бы слушать. – Он улыбнулся. – Кроме того, мне доставляло немалое удовольствие лицезреть их трудности.

– Но разве эта собственность не принадлежит Империи? – поинтересовался Туек. – Чисто технически, я имею в виду.

– Мы не будем придерживаться правил – так сказал сам Император, – осклабился Гарни.

– Дюнний Мир и сам может вырабатывать собственные правила, – поддержал его Инглиш.

Джесси принял решение мгновенно.

– Мы возьмем ближайшие станции.

Задумавшись, он отхлебнул приправленный специей кофе. Взглянув сквозь плаз на расстилавшийся вокруг пейзаж, он по достоинству оценил успокаивающие свойства меланжа.

– Соберите все имеющиеся данные, доставленные разведчиками, а также разузнайте все, что возможно, об операциях со специей, которыми занимались Хосканнеры. Нам очень нужна эта информация, она позволит нам избежать уже сделанных ими ошибок и сразу выйти на более высокий уровень добычи. В противном случае мы просто не будем знать, что делаем.

Дороти ворвалась в конференц-зал без стука. Лицо ее пылало.

– Мы только что получили экстренное сообщение, милорд! Один из транспортеров рухнул на землю и разбил комбайн. Люди просят помощи. Их надо спасти, пока не явился червь.

– У нас, кажется, есть еще два транспортера? – спросил Джесси. – Быстро пошлите туда один из них.

Теперь явно встревожился Инглиш.

– Сэр, один из транспортеров находится в ремонте, а второй на одном из месторождений специи – вблизи экватора. Они не смогут успеть вовремя.

– Что там происходит с людьми? – отрывисто спросил Джесси. – На комбайне экипаж в полном составе?

Лицо Дороти потемнело.

– Они прекратили добычу и стараются не производить никакого шума. Но они уверены, что, если они даже просто лягут на землю, червь все равно придет.

Джесси встал и вышел из зала.

– Вильям, дайте мне самое быстрое судно, любое, которое может перевозить людей. Мы спасем столько, сколько сможем. Гарни, Эсмар, вы пойдете со мной! Мы не можем терять ни минуты.

6

*Благородство – это не то же самое, что храбрость.
Аристократ Джесси Линкам. «Частные записки»*

Больше трех десятков лет генерал Эсмар Туек служил Дому Линкамов – сначала как солдат, потом, сделав военную карьеру, он в конце ее дослужился до начальника службы безопасности. Когда-то он пытался не допустить, чтобы Жабо Линкам случайно убил себя ядом, потом то же повторилось с его старшим сыном. Но у этих правителей, к сожалению, не хватало способностей пользоваться даже теми мозгами, которыми снабдила их природа.

Теперь наконец-то Туек получил шанс послужить человеку с приличной головой на плечах. Джесси был умным, серьезным и вдумчивым человеком, который хотел вести свои дела честно, добиваясь достойными путями своих целей, за что и был любим простым народом Каталана. Но не стал ли юный аристократ таким же глупцом, как его отец и старший брат, приняв вызов и попав в ловушку, куда заманил его Вальдемар Хосканнер? Все это может закончиться весьма и весьма плачевно.

Спасательный корабль вел Гарни Холлик. Машина управлялась кинестетическими механизмами, и панель управления реагировала на едва заметные движения пальцев. Инглиш стоял

в кабине пилота за спиной Гарни и, с трудом сохраняя равновесие, исполнял обязанности штурмана.

Ревущая машина летела так низко над дюнами, что песок на их вершинах вибрировал и сотрясался. Глядя в кормовой иллюминатор, Туек увидел, как позади них на поверхность земли высунулась чудовищная голова червя. Слепой исполин водил ею из стороны в сторону, словно принюхиваясь в поисках добычи.

Бригадир предложил лететь низко и неровным курсом, чтобы, если это возможно, запутать чудовище и не дать ему дойти до вышедшего из строя комбайна.

– Эти звери непредсказуемы, – сказал Инглиш. – Я бы не стал ни на что рассчитывать. Никогда не было и не будет безопасного способа добычи меланжа.

Двадцать лет назад Доннелл Морней, изобретатель, прибыл на эту заброшенную планету в составе третьей имперской экспедиции и придумал первоначальную технологию добычи специи с помощью выемки песка. Такое поручение он в виде контракта получил от молодого тогда Великого Императора Вуды. Первые экскаваторы Морнея были небольшими машинами, и когда почти всех их сожрали черви, Доннелл изобрел воздушный транспортер, который поднимал передвижные заводы в воздух и перемещал их к новой меланжевой жиле. Это были своеобразные лягушачьи прыжки. Люди работали, словно делали короткие перебежки, всегда на один шаг опережая червя. Если, конечно, все механизмы работали исправно.

Хосканнеры усовершенствовали эти первые партизанские методы добычи, введя в эксплуатацию большие комбайны и более мощные воздушные транспортеры. Если повезет – а Туек сильно сомневался, что в распоряжении Дома Линкамов осталось много везенья, – то и Джесси, быть может, придумает что-нибудь новенькое.

Скоростная машина наконец достигла места аварии, где разбитый комбайн стоял на оранжево-коричневом песке, похожий на испуганного, прижавшегося к земле кролика, парализованного страхом и изо всех сил надеящегося на то, что никто его не заметит.

– Богатая, богатая жила, – недовольным голосом заметил Инглиш. – Даже просто стыдно бросать такую.

– Мы спасем собранную специю – насколько это возможно, если нам хватит времени, – сказал Джесси, напряженно вглядываясь в открывшуюся взору картину. – Экипаж на славу потруился, прежде чем попал в беду. Я сообщил о бедствии и затребовал помощь из Картага. Машины уже вылетели.

Когда спасательный транспорт завис над местом катастрофы, на западе появилась группа более мелких орниджетов. Пролетев выше, пять из них опустили вакуумные шланги в стоявшие на песке емкости с собранным меланжем и начали засасывать его на борт, как колибри засасывают своими хоботками-клювами нектар из раскрытых цветков.

Туек сбросил на песок спасательный трап, упавший рядом с безжизненным комбайном, и включил двигатель.

– Запускайте его в обратную сторону, – приказал Джесси, – я хочу спуститься.

– Милорд, в этом нет никакой необходимости. При всей этой суете скоро здесь появится какой-нибудь червь. Готов держать пари.

– Я не спрашиваю вашего мнения, генерал.

Услышав недовольство в голосе аристократа, Туек подчинился и запустил лестницу в обратном направлении.

– Признаки червя! Меньше чем в двадцати минутах отсюда, – закричал Инглиш, услышав отчет экипажей орниджетов. – Надо спешить! Спускайте экипажи сейчас же, спасайте собранный меланж!

– К черту этот меланж, – воскликнул Джесси. – Спасайте людей!

По движущейся лестнице он спустился на песок. Из комбайна уже высыпали наружу около пятидесяти человек – освобожденные, заключенные, отбывающие срок и недавно при-

бывшее новое пополнение с Каталана. Джесси приказал людям скорее подниматься на трап. Сверху Туек с трудом из-за шума машин слышал их голоса. Он переключил направление движения лестницы.

Вскоре Туек заметил вал песка, надвигавшийся на обездвиженный комбайн. Ветеран запустил эскалатор на максимально возможную скорость. Все больше и больше людей постепенно оказывались в безопасности.

– Эта машина – всего лишь куча железа на съедение червю, – сказал Гарни.

Отчаявшиеся рабочие выбегали из неподвижного комбайна и бегом устремлялись к аварийному трапу. Покрытые пылью люди начали поступать на борт судна и расходиться по пассажирскому отсеку. Инглиш и Туек направляли их на корму, крича остальным, чтобы потопливались.

– Скорее! Скорее, черт возьми! Червь уже близко!

Несколько мгновений спустя в проеме люка появился Джесси, шатаясь под тяжестью своей нелегкой ноши – раненого рабочего. Рукав куртки этого человека был разорван и выпачкан в крови. Рука болталась, согнутая под неестественным углом. Туек подхватил раненого, освободив Джесси от тяжелого груза.

– Вот так, милорд, дайте-ка я помогу вам.

– Возьми его, Эсмар! Там внизу их еще больше! Как много там людей!

Слегка оттолкнув Джесси от проема, Туек взглянул вниз. По ленте эскалатора лихорадочно карабкались еще шесть человек. Освободившись от раненого, Джесси повернулся, готовый опять спуститься вниз, чтобы продолжать помогать оставшимся на земле людям.

В этот момент из песка показалась чудовищная раскрытая пасть, усеянная сверкающими хрустальными зубами, и нацелилась на подножие спасательной лестницы. Туек ощутил сильнейший тошнотворный запах корицы и жар дыхания зверя. Четыре человека с криками исчезли в бездонной пасти.

Привязанный трапом к земле транспортер рванулся в воздух, и в этот момент червь схватил нижний конец эскалатора. Инглиш что-то крикнул из пилотской кабины, и Гарни поднял судно выше. Трап оторвался от земли. Освободившись от тяжести, воздушное судно резко взмыло ввысь, в раскаленное небо пустыни. На конце лестницы двое рабочих, болтаясь в воздухе, изо всех сил цеплялись за нее, как за последнюю соломинку.

Слепой червь уловил присутствие этих несчастных и в неистовом броске откусил нижний конец эскалатора вместе с людьми.

Стоявшие в пассажирском отсеке рабочие как один испустили крик ужаса. Транспортное судно кренилось и тряслось в потоках воздуха, стремясь вверх.

– Выше! – скомандовал Инглиш.

Гарни повиновался, стараясь как можно лучше совладать с управлением. Глядя вниз на увеличивающийся разрыв между кораблем и землей, Туек увидел, что червь обрушил свой гнев на покинутый комбайн.

Спасенный начальник отряда рабочих, скорчившись на палубе пассажирского отсека, стряхивал с волос пыль и стонал от бессильной злобы.

– Мы потеряли двадцать рабочих! Восемь из них – освобожденные, которых нам удалось снова нанять на работу. Все очень достойные люди.

Онемевший и печальный Джесси сидел у кормового иллюминатора.

После долгого молчания он заговорил:

– Я не хочу и дальше посылать в пустыню экипажи добытчиков, прежде чем мы найдем способ защитить их. Пусть эти Хосканнеры провалятся ко всем чертям со своими доходами. Я не хочу быть убийцей! – Он яростно тряхнул головой. – Надеюсь, что скоро прибудет новое оборудование. Кажется, от тактики быстрых наскоков не будет никакого толка.

Туек хотел было отчитать молодого аристократа за безрассудство, но не стал делать это при посторонних. Самое интересное заключалось в том, что спасенные рабочие, ставшие свидетелями поступков Джесси, поглядывали на него с уважением, которым они прониклись к новому правителю Дюнного Мира.

Туек и сам смотрел теперь на аристократа другими глазами. Возможно, что Джесси и был в действительности тем правителем, который сможет вдохновить людей, заставить их забыть свои страхи и работать, невзирая на плохое оборудование и опасные условия труда. В мужестве и воодушевлении рабочие нуждались не меньше, чем в новых машинах.

Возможно, что, несмотря на все трудности, на все неприятности и опасности, вопреки всем предсказаниям, Дом Линкамов все же уцелеет и победит.

7

*Одни люди хранят тайны, другие же делают их из ничего.
Дороти Мейнс. «Рассуждения»*

Прежде чем позволить семье Линкама войти в резиденцию Хосканнера, люди Туека обыскали дом в поисках оружия, мин, электронных подслушивающих устройств и любых возможных ловушек. Ветеран действительно нашел множество спрятанных взрывных устройств, мелких убивающих механизмов, замаскированных под «средства безопасности», и запасы отравленной пищи. Он даже обнаружил двух смиренных, как овцы, слуг, которые при дознании были раздеты, а на их спинах обнаружилась татуировка в виде рогатой кобры – знак принадлежности Дому Хосканнеров. Начальник службы безопасности немедленно выслал обоих, отправив в лагерь осужденных рабочих в Картаге.

Несмотря на все свое возмущение, Туек, казалось, думал об этих опасностях не как о серьезных попытках Хосканнера убить Линкама, а как об игре, призванной продемонстрировать презрение к нему. Туек продолжил поиски, надеясь найти что-то более серьезное и коварное.

Хотя шеф безопасности прочесал все комнаты и коридоры, не жалея сил, Дороти все же чувствовала, что ветеран наверняка что-то пропустил.

Своими проницательными глазами, со всем вниманием, которое, по ее глубокому убеждению, намного превосходило все способности Туека, эта маленькая женщина без устали изучала и осматривала самые разнообразные помещения, приглядевшись к архитектурному убранству, учитывая даже выбор мебели, чтобы лучше понять, где немезида подстерегает Джесси. Вальдемар Хосканнер построил дом так, чтобы всем бросалось в глаза его богатство, чтобы показать свою неограниченную власть над Дюнным Миром. Он всюду оставил следы своей агрессивной личности, но где-то должны прятаться и признаки его слабостей.

Надзиратели Хосканнера и его функционеры жили в общежитиях, где удобств и роскоши было несравнимо меньше. Вся жизнь этих людей проходила на работе, и они считали дни, когда смогут уехать отсюда и вернуться на Гедиприм. Теперь в этих домах жили верные люди, привезенные с Каталана.

Дальше в городе селились освобожденные рабочие. Они жили в своих домах, пусть обшарпанных и непритязательных, но собственных. Недавно прибывшие осужденные рабочие жили в щитовых сборных бараках. Сама природа Дюнного Мира была прекрасной тюрьмой. Заключение не могли даже помышлять о побеге; собственно говоря, ни заключенным, ни освобожденным бежать было просто некуда.

Каждая капля влаги, каждая струйка пара утилизировались и возвращались в запасы воды. Однако сам Вальдемар, бросив открытый вызов пустыне, построил для себя эти огромные апартаменты, которые надо было держать герметически запгертыми и постоянно, с помо-

щью сложной системы охлаждения, поддерживать в них прохладную температуру. Для Дороти с ее жестким, практическим и трезвым умом вся эта пышность и грандиозность были признаком ненужной расточительности, если не сказать, разврата. Некоторые флигели и отсеки она решила закрыть, чтобы беречь влагу и энергию.

Осматриваясь, Дороти непрестанно старалась поставить себя на место противников. Внушительный особняк Хосканнера говорил об огромных масштабах экспорта специй, о невероятных доходах. Начав понимать, насколько в действительности высоки ставки, Дороти также отчетливо осознала, что Вальдемар Хосканнер пойдет на все, чтобы выиграть. Этот поединок с самого начала не был честным, и Хосканнеры никогда всерьез не собирались идти на какие бы то ни было компромиссы. Они хотели избавиться от надоедливого Линкама путем обмана и отместки возражения Совета Благородных.

Дороти намеревалась найти ловушки, оставленные здесь Вальдемаром, полагаясь на собственный острый взгляд, а не на технику генерала Туека.

Оказавшись в южном крыле, она с удивлением обнаружила, что коридор пятого этажа, как казалось, не ведет никуда. Внешние архитектурные контуры здания не совпадали с внутренней планировкой. Сравнив аэрофотосъемку здания с планом внутренних помещений, составленным людьми Туека, она поняла, что так оно и есть. В этом небольшом отрезке коридора что-то было не так.

От ее острого взгляда не укрылись едва заметные признаки того, что этот этаж есть не что иное, как коридор, проход, которым регулярно пользовались. Но как совместить это с тем, что коридор никуда не вел? Своими ловкими пальчиками Дороти начала ощупывать стену, стремясь найти что-нибудь необычное. Она несколько не удивилась, обнаружив, что один из камней оказался полым и сделанным из другого материала, нежели все остальные камни кладки. Она прикинула, как он может двигаться, и вскоре открыла хитроумный замок.

С тихим шипением отомкнулась и отъехала в сторону потайная дверь. Из-за двери повеяло влажным прелым запахом. Пахло растениями, листьями, корнями и компостом. Этот неожиданный аромат был так силен, что Дороти показалось, будто ее ударили по лицу. Ожидая встретить какую-нибудь западню, она все же вошла внутрь.

Остроумно спрятанные шланги извергали в воздух мельчайшие капли воды, а автоматическая ирригационная система по трубкам подводила воду к кустам и живым изгородям. Дороти несколько не сомневалась, что вся эта флора была вывезена сюда с планеты Гедиприм. На фоне мрачной обстановки замка словно взорвались пестрые яркие цветы – пурпурные, желтые, оранжевые – на фоне сочной зелени папоротников. Огромные алые цветы повернули к ней свои головки, почуяв, казалось, присутствие человека. Во множестве образуя сплошной покров, виднелись шляпки невиданных грибов, покрытые золотисто-коричневыми бляшками и серебристыми пятнами.

От этого влажного воздуха и от вида капелек, взвешенных в этом саду, Дороти ощутила болезненный укол. Хотя она пробыла на Дюнном Море всего несколько недель, ей казалось, что прошло много лет с тех пор, как она в последний раз видела ливень на Каталани. С восторгом она вдруг поняла, что может приводить сюда Барри, когда мальчик начнет сильно скучать по оставленному дому. Это будет их тайное, заповедное место.

Но одновременно Дороти поняла, что это сделает ее такой же распутной, расточительной и развратной, как аристократ Хосканнер. Заработал ее практичный ум, и она содрогнулась, поняв, сколько стоит эта невиданная для такой планеты роскошная оранжерея.

Она подумала о людях, которые влачили жалкое существование в нищенских кварталах Картага, и ощутила гнев – как мог этот Вальдемар Хосканнер так потакать своим прихотям? Этим растениям не место на Дюнном Море. Это оскорбление для всех освобожденных, которые едва ли не ценой собственной жизни отработали свои сроки, а теперь не могли позволить себе отъезда из этого проклятого места.

Уже завязший в долгах, столкнувшийся с непредвиденными новыми расходами и всяческими несчастьями Дом Линкамов должен свести издержки, связанные с добычей специй, к абсолютному минимуму. Это они должны приспособливаться к пустынной стране, а не ожидать, что Дюнний Мир изменится и начнет выполнять их прихоти.

Ей надо с глазу на глаз поговорить об этой оранжерее с Джесси. Будет лучше, если никто не будет знать, что оранжерея вообще существует. Ее надо немедленно закрыть, чтобы прекратить неслыханную и недопустимую утечку воды.

Стоя в здании главного терминала космопорта, в парсеках от родного дома, Джесси опирался на парапет верхнего этажа башни прилета и размышлял об одиночестве. Первая ночная луна уже вошла на фоне изрезанного остроконечными скалами темного горизонта. Джесси смотрел наружу сквозь тонированный плаз, всматриваясь в мутную тучу пыли, которая двигалась по пустыне с севера на юг. Луна светила ярко, и перекачивающиеся дюны сверкали в ее свете, как кубики колотого льда.

Гарни и его экипажи и команды уже отбыли на старые имперские станции за ценными щитами из живой резины. Вильям Инглиш организовал бригады для установки этого нового покрытия на машины и механизмы, чтобы сделать их более эффективными. Джесси нуждался в новом оборудовании, но пока его нет, надо сделать все, чтобы имеющееся оборудование работало лучше и надежнее.

Повсеместно распространился слух о том, что Джесси оплатит всем желающим стоимость отъезда с планеты в случае победы Дома Линкамов. Многие рабочие испытывали от такой перспективы радостное головокружение, и даже у осужденных появился проблеск надежды. Некоторые скептики – тайные агенты Хосканнера? – ворчали, что это трюк и обман, что коварный аристократ пообещает все что угодно и не поморщившись солжет, лишь бы выиграть поединок с Вальдемаром, но большинство верило. Люди хотели верить...

Он надеялся, что никто не станет тревожить его здесь и нарушать его уединения, но вдруг услышал едва уловимый шелест – словно на ветру затрепетали листья дерева. Но на Дюнном Мире нет ни одного дерева. Он обернулся и увидел Дороти, ее сочувственный взгляд и омраченное заботой красивое, чуть вытянутое лицо. Он никому не говорил, что собирается пойти в космопорт, но Дороти каким-то сверхъестественным чутьем всегда знала, где его искать.

– Уже поздно, Джесси, ты не хочешь пойти спать? – В голосе ее звучало спокойное ненавязчивое приглашение, как и всегда. Окончательное решение она всегда предоставляла ему. Он говорил, будут ли они сегодня любить друг друга или нет. Очень часто, погруженный в тревоги их нынешнего положения, он просто обнимал ее и вскоре тихо засыпал.

– Сегодня у меня еще есть дела, – ответил он, глядя на створки двери. Казалось, он не может оторвать взор от яркой луны.

Она тихо подошла и коснулась его руки.

– Дневные труды никогда не закончатся, Джесси. Они не закончатся и завтра. Не думай о них, как о своем индивидуальном долге, который надо свершить. Каждый день здесь – это непрестанная борьба, марафон, который нам предстоит выиграть.

– Но даже если нам будет сопутствовать успех, Дороти, то все равно остановиться нам уже не удастся.

Сама возможность победы в поединке представлялась галлюцинацией, призраком, возникшим от чрезмерно большой дозы меланжа. Хосканнеры устанавливали здесь оборудование и налаживали работу целых восемнадцать лет; у них не было соперников, не было поединка, в котором надо было одержать победу, никто не торопил их. У Джесси был только один выбор – стать банкротом, погибнуть... или победить. Он погряз в этом деле с головой, точно так же, как тот бедный рабочий, которого на глазах у Гарни и Туека засосало в песчаный водоворот.

Дороти нежно обняла Джесси за пояс. Она всегда значила для него больше, чем просто любовница; она была для него надежной опорой, другом, советчиком, на слова и объективность которой он всегда мог без опаски положиться.

– Может быть, ты останешься здесь и поговоришь со мной?

Джесси не мог облечь свои мысли в слова. От этого они стали бы еще более сырыми. Вместо этого он просто сменил тему.

– Нам еще предстоит так много узнать о мире этой планеты. Я собираюсь снарядить экспедицию к самым отдаленным станциям в глубокой пустыне, где много лет работал имперский планетарный эколог. Может быть, там я узнаю что-то очень нужное и полезное.

– Как далеко находится эта станция?

По лицу Джесси пробежала тень, малозаметная в полумраке башни.

– В тысяче шестистах километрах к югу отсюда, почти у самого экватора. Там находятся научная станция и пробный оазис. Именно в тех местах работает большинство бригад, добывающих специю.

– Как далеко. Но, должно быть, это опасно.

Джесси вздохнул.

– С того момента, когда я принял вызов Императора, все, что я делаю, так или иначе связано с опасностью. Единственное, что мне остается, – это прокладывать путь к цели.

– Ты говоришь как истинный аристократ, – произнесла Дороти с задумчивой улыбкой.

– И... я хочу взять с собой Барри. Хочу, чтобы он видел, как все это делается, как добывают специю. Он должен вникнуть в семейное предприятие, и начинать никогда не рано. Мы уедем самое меньшее на неделю.

Она оцепенела и отпрянула от Джесси.

– Только не сейчас, не тогда, когда ты сам впервые отправляешься в пустыню. Ведь мальчику всего восемь лет.

– Настанет день, когда ему придется возглавить Дом Линкамов. Я не хочу баловать его. Хватит и того, что этим усердно занимаешься ты.

– Большинство детей в благородных домах в таком возрасте и в половину так не развиты, как Барри.

– Ты знаешь, что я думаю об этих аристократических маменькиных сынках. – Он презрительно фыркнул. – Из-за того положения, в каком мы оказались, Барри всегда должен быть готов ко всему, и к самому плохому тоже. Мой отец был отравлен, мой брат погиб в идиотском поединке с быком, а я сумел навлечь на себя гнев Хосканнера. Каковы шансы, что мне случится отметить свой следующий день рождения?

– Значит, тем более тебе не следует рисковать жизнью Барри! Я видела статистику смертности среди рабочих, добывающих специю. Эти люди находились бы в большей безопасности, останься они в колонии строгого режима. Как можешь ты брать нашего мальчика в такое гиблое место, в самую его середину?

Джесси глубоко вздохнул. Если Дороти что-то вбивала себе в голову, то разубедить ее было не легче, чем разжать челюсти вцепившегося в жертву бульдога.

– Я делаю это, потому что я – глава Дома Линкамов, а он – мой сын. Он пойдет туда, куда велю ему я.

Металл, прозвучавший в голосе Джесси, показал Дороти, что всякие возражения бесполезны, хотя он понимал – Дороти могла бы привести еще множество аргументов.

– Как скажете, милорд.

Она будет еще долго кипеть, мысленно продолжая с ним этот разговор. Она не желала принять его решение и внутренне отказывалась уступать, и теперь она будет холодна с ним в течение многих дней.

– Ты можешь стоять здесь в башне сколько тебе угодно, я не собираюсь тебя ждать.

Дороти ушла, и Джесси с еще большей остротой ощутил свое полное одиночество. Он боялся, что дни, оставшиеся до отбытия экспедиции, окажутся еще более неприятными, чем самые страшные бури в открытой пустыне.

Дороти холодно, но послушно помогала снаряжать экспедицию и отправилась во второй космопорт, чтобы попрощаться с сыном. Хотя Дороти, как могла, скрывала свои истинные чувства и переживания, она понимала, что все члены экспедиции видят стену, разделявшую ее и Джесси.

Пока люди поднимались на борт корабля, отправлявшегося на передовую станцию, Дороти стояла на трапе, положив руки на плечи сына. Мальчик широко и счастливо улыбался в предвкушении приключений, предстоящих ему во время экспедиции, в которую он отправляется вместе с отцом. Сине-зеленые глаза сверкали в прорези лицевой маски, плотный капюшон придавил непослушные каштановые вихры.

Дороти целомудренно поцеловала Джесси, потом обняла сына, задержав его в объятиях немного дольше, чем следовало.

– Береги себя, – сказала она.

Отступив от трапа, она потупила взор своих карих глаз. Несмотря на то что генерал Туек провел полную проверку оснащения и экипажа, Дороти, не доверяя даже ему, проверила все сама, удовлетворившись тем, что риск был сведен к минимуму.

– Мы будем беречь себя, насколько это позволит нам Дюнный Мир, – ответил Джесси, и в голосе его явственно прозвучали примирительные нотки. Он и Барри поднялись по трапу и вошли на борт. Люк закрылся.

Дороти не стала ждать, когда машина поднимется в воздух и исчезнет за подернутым песчаной дымкой горизонтом.

8

*Специя – это линза, сквозь которую видна вся Вселенная.
Поговорка освобожденных*

Сопровождаемое двумя кораблями с запасами воды, транспортное судно Джесси приблизилось к передовой научной базе, расположенной близ экватора Дюнного Мира.

– Это она? – в четвертый раз спросил Барри, стоя за спиной пилота и глядя в стекло фонаря кабины. Каждый более или менее крупный горный отрог он принимал за место назначения, но когда наконец впереди действительно показалось строение базы, ошибиться было уже невозможно.

– Да, это она, – ответил Джесси и положил руку на плечо сына.

Клиновидной формы здание, выкрашенное в сливочно-желтый цвет, острым шпилем вздымалось из песка к небу, окруженное низким палисадом из естественных скал. Главное здание было окружено пятнистыми коричневыми куполами, аэродинамически искривленными так, что жесточайшие песчаные бури не могли нанести им вреда. Ряды посадок имели в плане форму буквы V и напоминали волны, расходящиеся в стороны от носа гигантского корабля, бороздящего бескрайний простор песчаного океана.

Исследовательская станция выполняла заказ государства и поэтому финансировалась и снабжалась водой за счет имперской казны, точнее, из личного фонда Великого Императора; но, несмотря на это, Джесси хорошо понимал, какую огромную ценность высасывал этот оазис из планетарного водного бюджета.

По ряду между кресел прошел Вильям Инглиш и встал рядом с Джесси. Бронзово-оранжевое солнце начало клониться к горизонту.

– Нам крупно повезло, что мы не прибыли сюда часом позже, иначе нам бы не поздоровилось. Быстрый перепад температур творит с погодой катастрофические вещи.

– Мы увидим песчаную бурю? – восторженно спросил Барри.

– Сегодня нет, малыш. – Инглиш коснулся своего шрама. – Я всегда чувствую ее приближение. Это далось мне довольно дорого – поэтому я имею право учить тебя не использовать глупые шансы.

– Я не буду, – ответил Барри, широко раскрыв глаза.

Шедшие следом суда с водой приземлились возле двух коричневых куполов. Что это – хранилища влажного силоса? Взмахнув песок, транспортный корабль приземлился на твердую посадочную площадку. Барри отстегнул ремни и вскочил с места, желая скорее оказаться на базе и увидеть все собственными глазами, но суровый и непреклонный генерал Туек велел всем подождать. Он и его люди встали у люка в ожидании подачи трапа. Джесси и его сын не имели права выйти, пока не даст добро начальник службы безопасности.

К трапу вышел человек с каштановыми волосами и загорелым лицом, он протянул сухую крепкую руку.

– Должно быть, вы – кавалер Линкам? Я – доктор Хайнс, планетарный эколог.

Он моргнул своими полуприкрытыми синими глазами, словно удивляясь самому факту встречи с новым хозяином Дюнного Мира. Мог ли он ожидать, что Линкамы чем-то отличаются от Хосканнеров?

Хотя формально этот человек не был обязан подчиняться ни одному владельческому аристократу, Джесси надеялся, что сумеет сделать из него своего союзника.

– Я понимаю, что вы – специалист по этой планете, доктор Хайнс, в большей степени, чем кто-либо еще. И мы хотим, чтобы вы поделились с нами своими знаниями.

– Если я действительно тот человек, который больше других знает об этой планете, то могу сказать только одно – плохо же мы ее знаем. – Он посмотрел на Барри. – Это ваш сын?

– Да, это следующий глава Дома Линкамов.

– Некоторые говорят, что эта планета – не самое подходящее место для детей. – Планетолог нахмурился. – Но, правда, те же люди утверждают, что здесь нечего делать и взрослым.

Он отступил в сторону, давая дорогу остальным членам экспедиции, и как старого знакомого поприветствовал Вильяма Инглиша. Несомненно, эти два человека не раз встречались и раньше.

Хайнс повел гостей к главному зданию.

– Мы снова выйдем на улицу, когда стемнеет, – сказал он. – На этой планете знания лучше всего усваивать ночью.

Дверь за их спинами герметически закрылась – ни одна капля драгоценной влаги не должна улетучиться в сухую и знойную атмосферу...

Несколько часов спустя, держа в руках карманные фонарики, Джесси и Барри обходили вместе с доктором Хайнсом ряды высаженных растений. Мягкое щемящее сопрано горькой полыни взвивалось к усеянному неправдоподобно огромными звездами небу пустыни, а тишина стояла настолько невероятная, что даже свет луны, казалось, источал звук, пробравшийся потайными тропками между гигантскими цервусами и покрытыми кистевидными шипами кактусами. Несмотря на то что Джесси продолжал испытывать подавленность от свалившихся на него бед, он сейчас ощущал в душе мир и гармонию, смутно чувствуя ту причину, которая заставляет людей стремиться на эту беспощадную планету.

– Все эти растения завезены с других планет и генетически модифицированы – иначе они не выжили бы в местном климате. Насколько можно судить, здесь нет автохтонных растений, содержащих хлорофилл. – Хайнс прошелся между кустами зайчатника, проведя рукой по стеблям. С цветка на цветок перелетали одиночные ночные мотыльки. – При таком недо-

статке влаги здесь погибают даже самые устойчивые к пустынным условиям растения – все, из известных нам.

– Но зачем тогда все это нужно? – спросил Джесси. – Единственная причина, по которой сюда едут люди, – это специя. Дюнный Мир никогда не станет местом, где будут делать что-либо, кроме добычи меланжа.

– Я предпочитаю писать на крупных полотнах. – Хайнс задумчиво посмотрел в ночное небо. – Я верю, что и здесь можно создать экосистему и включить в нее человека, так же как и эти растения.

– Но ведь растения без хлорофилла не могут быть зелеными ни в коем случае, – сказал Барри, который, как оказалось, внимательно слушал эколога. Джесси испытал гордость за сына и был впечатлен теми сведениями, которые сообщила ему Дороти. Мальчик умел правильно произносить даже трудные слова.

– Вы очень понятливы, молодой человек, – произнес планетарный эколог.

– Здесь есть какая-нибудь местная растительность? – нахмурил лоб Джесси. – Ах да, конечно, она должна быть, иначе откуда бы здесь взялся кислород.

– Дюнный Мир выглядит абсолютной пустыней, но в самом песке существует рудиментарная экосистема: такая, знаете ли, своеобразная форма планктона – мы думаем, что он и составляет основу пищи для червя, – помимо этого здесь есть и животные, например песчаная форель, она, словно рыба в воде, обитает в глубинах песка. Наблюдения показывают, что в приполярных районах выживает лишайник, а также мхи и некоторые жесткие кустарники. Дополнительным источником кислорода могут быть вулканические выбросы. Возможно, под песками пустыни есть крупная экологическая сеть.

– Подземелье? Но можно ли взять пробы и составить такую подземную карту?

Хайнс отрицательно покачал головой.

– Мы много раз пытались это сделать, но всякий раз сталкивались с невообразимой путаницей. В песке присутствуют ферромагнитные гранулы, а постоянные бури порождают сильные заряды статического электричества. Даже вокруг червей возникают мощные электромагнитные поля.

– Но, может быть, стоит произвести раскопки, прорыть шурфы под дюнами? Бурить скважины или взрывать?

– Поверьте мне, кавалер, все это мы не один раз пробовали. Подвижки грунта ломают буры и трубы, стержни рассыпаются в пыль. Стандартные генераторы тока не работают, потому что статические заряды при бурях жгут электрическое оборудование. А стоит нам заземлить генератор, как к нему тотчас устремляются разъяренные песчаные черви. За двадцать лет мы потеряли больше сотни человек, пытаясь разработать технологию добычи специи. Взять и убежать – вот единственный способ добычи, хотя он не слишком-то эффективен.

Джесси ободряюще улыбнулся ученому.

– Тогда, возможно, доктор Хайнс, я попрошу вас найти что-то такое, чего мы не можем сделать.

Планетарный эколог повел их дальше вдоль рядов растений. Из склона дюны с шипением толчками вырывался газ, окрашенный в желтые и оранжевые тона.

– Здесь плохо пахнет, – пожаловался Барри.

– А ты знаешь, чем это пахнет? – подначил сына Джесси.

– Знаю, серой.

Хайнс подставил руку под струю цветного дыма. Когда он показал руки, пальцы его были покрыты тончайшим желтоватым налетом.

– Порошок абсолютно сухой, в нем нет ни капли влаги. – Ученый посмотрел на Джесси. – На открытом воздухе в пустыне можно иногда видеть извержения, огромные столбы пыли, которые взлетают вверх, как струи мощнейших гейзеров. Это позволяет утверждать, что под

землей, под движущимися дюнами, существует весьма активный мир, и пузыри перегретого воздуха пробивают себе путь к поверхности.

– Не оттуда ли появляется специя? Из земных глубин? – спросил Барри.

Хайнс в ответ только пожал плечами.

– Может быть. Меланж близ свежего извержения отличается особой силой, и его легко добыть. К сожалению, взрыв привлекает и червей, поэтому рабочим бригадам приходится поторапливаться.

– Эти черви – настоящие разъяренные цепные псы, – заметил Джесси. – Как бы хотелось от них избавиться.

– Ни одна попытка уничтожить червей не увенчалась успехом. Я не удивлюсь, если вдруг окажется, что для уничтожения червей понадобится атомная бомба.

– У нас есть атомная бомба! – воскликнул Барри. – Все наши корабли работают на ядерном топливе. Генерал Туек говорил, что можно сделать оружие из этих реакторов, если нам придется воевать.

– Мы не воюем сейчас, Барри, – укоризненно произнес Джесси.

– На самом деле ребенок ближе к истине, чем нам кажется, – сказал Хайнс. – Мы сейчас, добывая специю, ведем партизанскую войну методом быстрых набегов на территорию червей – это молниеносные атаки и стремительные отступления.

Он подвел гостей к стволу цервуса, который стоял во мраке, как призрак огромного человека. Когда они дошли до границы оазиса, Хайнс остановился.

– Остановитесь и посмотрите в пустыню. Откройте все свои чувства, весь свой разум – и *слушайте*.

Все трое застыли в тишине, и вдруг до их слуха донесся явственный вздох, словно где-то неподалеку лежало живое существо.

– Песчаный прилив, – пояснил Хайнс. – Дюны медленно передвигаются из стороны в сторону под действием двух местных лун. Перистальтическое движение приводит к перемещению свободно катящегося песка на тысячу – полторы тысячи футов за год. – Опустившись на колени, эколог погрузил пальцы в песок и закрыл глаза. – Пустыня движется и дышит под нашими ногами.

Барри склонился над теплым песком.

– Я очень скучаю по дождю.

– По дождю... – повторил эколог, словно не поверил своим ушам, услышав странное слово.

Джесси ободряюще сжал плечо сына. Он не мог обещать, что они когда-нибудь снова увидят дождь.

9

Во всей Империи нет ни одной планеты, которая заслуживала бы такого пристального изучения, как этот, по представлениям многих, совершенно бесплодный мир. Снимая один покров тайны с этой загадочной планеты, обнаруживаешь под ним следующий, переполненный кипучей энергией.

Доктор Брюс Хайнс, планетарный эколог, изучавший Дюнный Мир

После того как утренние восходящие потоки приняли единообразное направление и орниджеты получили возможность подняться в воздух, Джесси, Барри и доктор Хайнс отправились наблюдать добычу специи. Мастер Инглиш уже отбыл в пустыню, чтобы развернуть огромный комбайн на новой меланжевой жиле, открывшейся на месте сдвинувшейся за ночь дюны.

Доктор Хайнс легко и свободно правил орниджетом. Когда другой пилот передал предупреждение о термальной яме, участке холодного песка, над которым создавались опасные завихрения, эколог повернул судно, чтобы избежать попадания в атмосферную аномалию.

– Эти участки холодного песка говорят о том, что глубоко под землей существуют ледяные полости, – сказал Хайнс. – Градиент температур и создает опасную турбулентность.

– Подземные ледяные полости? Какие еще сюрпризы хранит Дюнный Мир?

– Боюсь, что больше, чем может подсказать самое смелое воображение.

Клубившийся в воздухе дым, смешанный с пылью, безошибочно выдавал место добычи меланжа. Джесси и Барри, затаив дыхание, смотрели, как гигантский самодвижущийся комбайн с ревом взбирается на дюну, захватывая чудовищные количества песка, смешанного с ржаво-красной специей. Вокруг летали разведчики, высматривавшие первые признаки приближающегося червя.

Инглиш с земли потребовал доложить данные погодных спутников.

– Мне не нравится линия дюн на восточном горизонте.

Хотя Джесси казалось, будто ничто не омрачает синеву неба, кроме обычной пыльной дымки, он не стал оспаривать интуицию бывалого добытчика. Может быть, у него заболел шрам.

– Со спутника не поступает ничего тревожного. Все спокойно.

– Проверьте еще раз.

Последовала недолгая пауза.

– Все же ничего тревожного, мистер Инглиш.

– Надеюсь на вас.

Когда бдительный патруль доложил о приближении червя, привычные к такому обороту выдававшие всякие виды рабочие мгновенно расселись по машинам, производя впечатление хорошо управляемого хаоса, и подняли в воздух все оборудование, включая комбайн. Все было закончено как раз в тот момент, когда несущаяся по песку волна достигла места добычи. Барри метался от одного иллюминатора орниджета к другому, надеясь увидеть чудовище, но оно так и не вынырнуло на поверхность. Джесси видел, что зверь некоторое время поворочался под землей, а потом устремился прочь.

Опомнившись от пережитого страха и облегченно вздохнув, рабочие доложили, сколько специи они успели взять. Улов оказался неплохим. Джесси начал подсчитывать в уме: если команды смогут выдерживать такой темп каждую секунду работы в течение всех двух лет и если не произойдет никакого непредвиденного несчастья, то у Дома Линкамов есть шанс побить Дом Хосканнеров.

Спустя несколько секунд в динамике линии связи раздался голос Вильяма Инглиша.

– Спутники связи серьезно повреждены!

В суете внезапной эвакуации Джесси совершенно забыл об озабоченности мастера.

– Говорит кавалер Линкам. Что случилось, Инглиш?

– Я перехватил сообщения разведчиков, а потом сам слетал на восток. Двенадцать видеозаписей подтверждают мою правоту, сэр: поблизости от нас начинается кориолисова буря. Все признаки налицо – небо на востоке целиком затянуто похожей на наковальню тучей. Я не могу в точности сказать, каков будет маршрут бури, но, если меня не обманывают глаза, она движется прямо на нас.

Джесси взглянул на планетарного эколога, ожидая объяснений. Хайнс взял в руки передатчик.

– Если она так велика, Вильям, то почему ее не заметили спутники?

– Вот именно, они не могли ее не заметить. Но ошибки быть не может – буря надвигается. – В голосе мастера явно слышался едва сдерживаемый гнев. – Если бы мы положились

на спутники, то продолжали бы добычу до того момента, когда стало бы слишком поздно спасаться.

Ответ на невысказанный вопрос взорвался в мозгу Джесси неожиданно и отчетливо, как вспышка молнии в ночном мраке. *Диверсия Хосканнеров.*

– Доставьте экипажи и разведчиков на основную базу. Там мы переждем бурю. Потом кто-нибудь даст мне ответ. Нам нужны эти спутники.

На защищенной от всех ветров и бурь базе Джесси держал военный совет с Туеком, Хайнсом и Инглишем. Они сидели за длинным рабочим столом и говорили, стараясь перекрыть воющий за окнами яростный ветер.

Барри не отрываясь смотрел в окно сквозь армированное стекло, стараясь хоть что-то разглядеть в наступившем среди белого дня мраке. Так же как и мужчины, мальчик был одет в герметичный костюм, но клапаны маски были расстегнуты.

– Мы в безопасности? Ветер не может ворваться сюда?

– Убежище надежно, молодой человек, – сказал доктор Хайнс. – Но выходить нельзя. Эта буря в мгновение ока сдирает с человека кожу и мясо, оставляя одни кости, а потом разбивает и их.

Туек вернул внимание всех к делу, разложив на столе документы.

– Насколько я могу судить, все погодные спутники оказались запрограммированы таким образом, чтобы заменять благоприятными прогнозами любые признаки надвигающейся бури или другого атмосферного возмущения. Полагаю, это еще один прощальный подарок Хосканнеров.

Доктор Хайнс с уважением взглянул на Инглиша.

– Если бы вы не почувствовали приближение бури, то мы все погибли бы, Вильям.

Мастер, напрягшись, сидел молча, поглаживая шрам и стараясь скрыть нарастающее беспокойство.

– Но все равно произошла катастрофа, – сказал Туек. – Когда мы попытались стереть испорченную программу, то включили этим другую ловушку, и всю аппаратуру замкнуло. Сейчас мы в небе абсолютно слепы. – Ветеран посерел от недовольства. – Я искал орудия убийства, но это еще более коварная западня. Если бы я мог это предвидеть!

Джесси слушал, закипая гневом.

– Во сколько обойдется нам ремонт спутников?

Ответил Инглиш:

– Повреждение слишком велико. Надо менять спутники.

Джесси поставил локти на стол.

– Какие еще предложения?

– Прекратить добычу специй до замены спутников, – страдальческим тоном произнес мастер.

– Неприемлемо. Замена может продлиться несколько месяцев.

– Мы можем утроить количество разведчиков, – предложил Туек. – Они будут следить за погодой, и мы изо всех сил постараемся не пропустить опасность. Но увеличение числа полетов увеличит также и опасность. Мы наверняка начнем терять машины и пилотов.

Джесси оглядел присутствующих, ожидая следующего мнения.

– Кто еще хочет высказаться?

Инглиш поднял руку.

– Вы чувствуете, что вам повезет, кавалер? Мы можем просто продолжить добычу меланжа и положиться на случай.

Планетарный эколог недовольно сложил губы.

– Возможно, я смогу исправить один или два спутника, и они смогут снабжать нас хотя бы скудной метеорологической информацией.

Все замолчали и взглянули на Джесси.

– Хорошо, доктор Хайнс. Подумайте, что можно сделать с наблюдением за погодой. Надо свести к минимуму риск для кораблей и экипажей, но добыча специй ни в коем случае не должна падать, невзирая ни на что.

Песок, летевший за окнами станции, тер и царапал стены и стекла с противным скрежетом – нежные ласки Вальдемара Хосканнера. Джесси обернулся к шефу службы безопасности и сказал, понизив голос:

– Эсмар, я не знаю, чем мы будем платить за спутники.

– Посоветуйтесь с наложницей, милорд. Но на мой взгляд, мы делаем то, что должны делать, и иного выбора у нас просто нет.

– Я скажу Дороти, чтобы она взяла еще один кредит и продала все имущество, которое осталось у нас на Каталане. Но я хочу, чтобы новые спутники были установлены на орбите как можно скорее. Найди людей, которые смогут сделать это.

Инстинкт подсказывал Джесси, что это не последний сюрприз Хосканнеров. Неожиданная песчаная буря и вышедшие из строя спутники делали смертельно опасной саму жизнь на Дюнном Мире. Именно сейчас он ощутил непреодолимое желание быть с Дороти, смотреть ей в глаза, говорить с ней, обнимать...

– Я хочу вернуться в Картаг, как только закончится песчаная буря, Инглиш. И хочу, чтобы вы полетели со мной и мы могли на месте обсудить, что делать с добычей, как соединить ресурсы и как с максимальной пользой употребить то, что у нас есть.

– Не совсем разумно пускаться сейчас в путь, сразу после бури Кориолиса, – заметил доктор Хайнс. – Они непредсказуемы и опасны.

Снедаемый гневом к Вальдемару Хосканнеру, Джесси напряг мышцы, превратившиеся в твердые канаты.

– Я тоже могу быть непредсказуемым и опасным.

Так как они возвращались в Картаг лишь втроем, то вместо вместительного корабля они воспользовались небольшим орниджетом базы. В воздухе продолжала висеть пыльная завеса, и в небе гулял ветер, но все же основной массив бури отклонился к югу.

Инглиш держал курс на север, к Картагу, расположенному в полутора тысячах километров отсюда. Внизу был еще виден оазис, с поразительной быстротой восстановивший свою форму ограненного бриллианта после песчаного ненастья. Но прошло несколько минут, и все внизу слилось в одно монотонное ничто. На горизонте впереди высилась изрезанная острыми зубцами гряда черных гор, похожая на атолл в океане песка. Внизу, на ограниченном скалами плоскогорье, были видны глубокие, никуда не ведущие ущелья. Эти ущелья не были следами давно высохших рек, возникли они на месте потоков лавы, тектонических разломов и были выветрены сильнейшими песчаными бурями. В течение следующего часа они перестали отличать друг от друга даже горы – во всем была какая-то схожесть и безрадостное однообразие.

Мысли кавалера Линкама блуждали, он размышлял о возможных решениях свалившихся на его голову проблем. Барри спал, положив голову на плечо отца.

Когда они преодолевали один из горных хребтов, Инглиш вдруг бросил орниджет вверх.

– Впереди буря, сэр. – Он обернулся через плечо и посмотрел на своих пассажиров. – Она развернула свой тыл! Буря возвращается.

– Безопасен ли орниджет?

– Должно быть, мы сможем перемахнуть фронт бури.

Джесси разглядел катящееся вниз цунами песка, пыль поднималась вверх, переваливая через пики гор, словно медленно движущаяся волна вскипающего молока. Инглиш старался справиться с управлением, но движения его стали более напряженными и неуверенными.

– Почему мы не поднимаемся выше? – спросил Джесси.

Стена песка и пыли становилась все больше и больше, постепенно закрывая все поле зрения. Крылья орниджета яростно хлопали в воздухе, в напрасной попытке поднять машину выше.

– На крыльях мы не можем подниматься дальше. Сейчас я пытаюсь включить реактивный двигатель, чтобы придать машине толчок и перепрыгнуть, как лягушка, фронт ветра. – Инглиш снова принялся нажимать кнопки на панели управления. – Но реактивная тяга не может направляться вверх, вот в чем вся штука, а без рывка мы от бури не уйдем.

– Можем ли мы обойти бурю?

– Ни малейшего шанса. Но я могу соединить привод напрямую и снять с двигателя ограничитель. Правда, через сотню километров он сгорит, но мы доберемся до какого-нибудь места, где нас смогут спасти. – Он облегченно улыбнулся. – Ага, вот ограничитель.

Двигатель содрогнулся от приглушенного взрыва, раздавшегося в хвостовом отсеке. Там сработала бомба.

– Опять саботаж!

– Подайте сигнал бедствия.

Бывший бригадир сражался с панелью управления, чтобы удержать машину от соскальзывания в штопор.

– Бомба вывела из строя и передатчик. Видно, так было задумано.

– Тогда попробуйте хотя бы посадить машину, Инглиш.

Проснулся Барри. Глаза мальчика расширились от страха. Джесси взял сына за руку, застегнул на нем костюм и надел защитную маску.

Орниджет стремительно терял высоту, снижаясь по спирали к дюнам. Глядя вперед в поисках укрытия, Инглиш выбрал небольшой островок скал – всего несколько крупных камней, словно брошенных среди дюн. Неуправляемая машина грохнулась в песок и завертелась на месте.

Прежде чем Инглиш успел выключить двигатель, волна песка перекатилась через их голову и погребла под собой орниджет и его пассажиров.

10

Приспособление – это форма искусства и самый важный аспект нашей способности быть людьми.

Выдержка из «Учебника добытчика специ»

После того как буря пронеслась, оставив позади себя океан величественных и непорочных дюн, на поверхности песка в углублении между наполовину засыпанными камнями образовалась воронка, из которой показалась маленькая рука. Песок между тем продолжал сыпаться в открытый люк орниджета.

Маленький Барри, кашляя, вылетел на поверхность, вытолкнутый отцом. Внутри темного фонаря кабины Джесси выплюнул мелкую пыль и быстро надел на лицо герметичную маску.

– Нам повезло, мы пережили бурю.

Вильям Инглиш мрачно посмотрел на Джесси. На лбу мастера зияла рана, откуда текла струйка крови. Он отступил от люка и подождал, пока не иссяк поток сыпавшегося в кабину песка.

– Не слишком-то большое это везение, кавалер. – Он взглянул на разбитую панель управления. – Наш маяк намеренно сломан. Нас никто не сможет найти.

Джесси согнулся под низким потолком кабины. Голос его глухо прозвучал из-под маски.

– Хосканнеры вездесущи. Они понимают ценность избыточности. – Он в упор посмотрел на мастера и понизил голос: – Но я не желаю сдаваться. Мы все остались живы и сами постараемся выбраться из этой передраги.

Снаружи раздался крик Барри. Мальчик снял маску и воскликнул:

– Я ничего не вижу – здесь только дюны, дюны и дюны. Но хотя бы буря миновала. – Он стряхнул пыль с веснушчатого носа.

– Мы выйдем через минуту. Будь осторожен, не отходи далеко! Песок может быть очень опасен.

Инглиш выкопал из песка индивидуальный пакет, смазал свою рану на лбу и заклеил ее куском марли.

– Помните, кавалер, выживание на Дюнном Море – сложная задача даже с первоклассным оснащением и современной техникой. Это не прогулка по вашим мокрым каталанским лесам.

Джесси согласно кивнул.

– Но по крайней мере мы можем сделать одну вещь: мы можем реагировать на наше положение с надеждой или с отчаянием. Я предпочитаю первое.

Он выбрался из погребенного орниджета и взобрался на почти идеально ровный склон дюны. Виднелся лишь маленький след Барри. В этом месте мальчик вскарабкался на вновь возникший холм, чтобы осмотреть окрестность. Джесси почувствовал гордость за сына. Другие дети, да, пожалуй, и некоторые взрослые уже впали бы в панику, но Барри, казалось, искренне верил, что они сумеют выбраться из этой западни.

– Надеюсь, ты набрался духа, чтоб пережить трудное время, Барри. Мне нужна твоя сила.

– Нас спасут, отец. Генерал Туек знает, где нас искать, и пришлет сюда людей.

Погребенный под толстым слоем песка орниджет наверняка не виден с воздуха. Джесси понимал, что им потребуется день, а то и два, чтобы откопать машину. Но это отняло бы массу так необходимой энергии, да и ветры и рыхлость песка сведут на нет всю работу.

Инглиш выбросил из люка мешок и тоже выбрался на поверхность, присоединившись к Джесси и Барри. Бригадир прищурился от яркого солнечного света и застегнул маску.

– Я приблизительно знаю, где мы находимся. В сотне километров отсюда расположена имперская наблюдательная станция.

– Это одна из станций, на которую летал Гарни за живой резиной?

– Да, и доктор Хайнс тоже время от времени их навещает. Если даже Холлик ободрал эту станцию, я все равно сумею включить солнечную батарею и послать сигнал. Но путь неблизкий, и нам придется туго, даже если продержится нормальная погода.

Джесси упрямо сжал губы.

– Ты думаешь, это наш единственный шанс?

– Это единственный шанс, о котором я думаю, и это лучше, чем сидеть здесь и ничего не делать. – Инглиш пожал плечами. – Думаю, что это верное решение.

– Тогда мы на нем и остановимся. Как скоро мы сможем выступить?

– Не раньше, чем хорошенько подготовимся.

Бригадир достал из мешка два прибора.

– Это паракомпас из аварийного набора, а еще один я снял с панели управления. Мы возьмем по одному компасу. Я ввел туда координаты ближайшей станции.

– Значит, нам остается только идти? – спросил Барри. – Долго-долго идти.

Инглиш устало улыбнулся мальчику.

– Это будет такой путь, какой никому из нас еще не доводилось преодолевать, малыш.

– Я не боюсь. – Барри вздернул подбородок. – Если это все, что от нас требуется, то я готов.

Джесси снова ощутил прилив гордости за сына.

– Барри прав. Мы сделаем то, что должны сделать, даже если это невозможно.

Инглиш настоял на том, чтобы они во второй и в третий раз осмотрели орниджет и удостоверились, что сняли с него все, что могло пригодиться им в нелегком пути. Джесси оставил записку внутри кабины с координатами, которых они хотели достичь, на тот случай, если спасательная партия найдет остатки машины.

У них было достаточно пищи, чтобы поддерживать свои энергетические потребности, – высококалорийные пайки и концентрированная специя, но и Джесси, и Инглиш знали, что воды им не хватит, даже если они смогут идти со всей возможной быстротой.

Прежде чем в последний раз выйти из кабины, Барри оторвал от обшивки металлический отражатель.

– Смотрите, это будет сигнальное зеркало. Они увидят нас, если мы просигналим им зеркалом.

– Прекрасная мысль, мальчик, – сказал Инглиш.

Солнце уже почти село, когда они отправились в долгий путь. Каждый шаг давался с большим трудом, люди то и дело проваливались по щиколотку. Рыхлый песок тянул их назад, обволакивал ноги, заставлял остановиться, сесть и дожидаться жаркой иссушающей смерти...

– Мы увидим здесь червей? – заинтересованно, но без тени страха спросил Барри.

– О нет, сюда они не придут, молодой человек. Вибрация наших мощных комбайнов привлекает их гораздо больше, а мы слишком малы для них. Они обратят на нас внимания не больше, чем на камешек, брошенный в дюну.

– Даже если и так, – сказал Джесси, – все равно смотри, не волнуется ли песок.

Надо было хорошенько рассчитать все, чтобы добраться быстрым марш-броском до цели, пока не кончились припасы и они не измотались до полного изнеможения. Хотя они порядком устали, когда наступила ночь, отдых был кратким, а потом они снова двинулись вперед, пользуясь ночной прохладой, чтобы терять меньше влаги.

В Картаге, в штаб-квартире, царил некоторое смятение. Статические разряды пыли катастрофически нарушили работу систем связи на всей планете, но генерал Туек отправил сообщение сразу же после того, как буря миновала. Ему пришлось дважды прокричать свои слова, прежде чем Дороти поняла, что он хотел сказать.

– Поисковые партии не нашли никаких следов? – Она изо всех сил старалась сохранять спокойствие и держать себя в руках, окаменеть словно статуи, оставленные здесь Вальдемаром Хосканнером. – Вы проследили весь маршрут их полета?

В ответ раздался статический треск. Донеслись искаженные до неузнаваемости слова. Она повторила вопрос, и Туек ответил:

– Все воздушные суда, какие есть в нашем распоряжении, прочесывают пустыню, но кориолисова буря стерла все следы.

Женщину охватил гнев. Она не удержалась от обвинений.

– Как вы могли позволить ему лететь в бурю, генерал? Ваша обязанность защищать благородного аристократа. – *Даже если он делает глупости... как его отец и брат.*

Казалось, Дороти вот-вот захлестнет отчаяние, готовое обрушиться ей на голову, как песчаная лавина. *Мой сын, мой сын!*

Туек и сам чувствовал себя не лучшим образом, но он лишь нахмурился в ответ на обвинения Дороти.

– Мадам, никто не может помешать аристократу кавалеру Линкаму делать то, что он желает. Святые небеса. Если бы я знал, что будет, я оглушил бы его электрошоком, связал и посадил в силосный бункер, и он сидел бы там, пока не образумится.

– Что насчет наблюдательных спутников? Есть ли у нас спутники с достаточно высоким разрешением, чтобы обнаружить маяк орниджета?

– Доктор Хайнс работает, не отдыхая, но он пока смог привести в порядок лишь четыре спутника, но толку от них пока немного, так как этого явно недостаточно. К тому же мы уже давно бы обнаружили маяк, но он, видимо, не работает.

– Можно ли сканировать местность на металл корпуса? На обломки?

– При том что магнитное поле искажено, это невозможно. – Туек тяжело вздохнул. Видимо, он уже сам продумал все возможности, какие сейчас предлагала Дороти. Он повел себя так, словно она наступила ему на больную мозоль. На Каталане они оба имели немалую власть, иногда ссорились, но у каждого из них были свои обязанности. Здесь, на Дюнном Мире, деловые интересы и дела обороны странным образом перекрывали друг друга.

– Но мы обязательно его найдем. Сейчас я лично вылетаю с разведывательным патрулем.

– Нужны ли вам люди?

– Нет, людей хватает, но мало машин. Я прекратил всю добычу специи, люди заняты прочесыванием. Не учите меня делать мою работу.

Дороти прикусила губу. Джесси бы вышел из себя из-за любого промедления с добычей меланжа, не говоря уже о рабочих, которые отчаянно хотели заработать свою свободу. Если бы он послушался ее и не поехал на эту проклятую базу – да еще вместе с Барри.

В приемнике снова застрекотало статическое электричество.

– Хотя бы... держите меня в курсе поисков.

Отключившись, она отправилась искать Гарни Холлика. Шут и певец сколотит собственную команду, найдет орниджеты и пошлет людей в пустыню. Если этот упрямый старик Туек не сможет спасти ее семью, то, может быть, это удастся сделать Гарни.

11

Мне приходилось бывать на многих планетах Известной Вселенной: некоторые из них красивы, некоторые отличаются ласковым климатом; есть планеты настолько чуждые, что ни понять, ни описать их невозможно. Но из всех планет самая загадочная и непостижимая – это Дюнный Мир.

Гарни Холлик. «Заметки для незаконченной баллады»

С трудом переставляя ноги, три фигуры шли, проваливаясь в темный прохладный песок, по гребню длинной, струившейся по земле дюны. Освещенные лунным светом отпечатки их ступней выглядели как черный след сороконожки. Барри шел впереди, выказывая силу духа и решимость, выходящую за рамки обычных для восьмилетнего мальчика восторженности и энтузиазма. Джесси находил силу в неисчерпаемом оптимизме своего маленького сына.

Вдруг, совершенно неожиданно, мальчик провалился в яму, присыпанную рыхлым мелким песком, ноги его скользнули вперед, тело потеряло опору. Он замахал руками, стараясь сохранить равновесие, но ухватиться было не за что. Барри закричал и покатился вниз по крутому склону дюны. Потревоженный песок, словно рыхлый морозный снег, потек на каменистое плато. Несколько камней, скрытых под поверхностью дюны, словно ждали этой минуты – они вырвались наружу и, подпрыгивая, понеслись вниз. Некоторые из них величиной были с голову взрослого человека.

Джесси рванулся вслед за сыном.

– Барри!

У мальчика хватило присутствия духа и смекалки на то, чтобы с силой зарыться руками и ногами в песок. Он буквально закопался в дюну, но сумел остановиться. С лица слетела покрытая слоем песка маска. Барри посмотрел вверх – он кашлял и задыхался, но, несмотря на это, постарался успокоить отца.

– Со мной ничего не случилось, – сказал он.

Барри улыбался!

Песок и камни продолжали нестись вниз, к подножию дюны, где один из камней с силой ударился об известковую глыбу, которая от удара раскололась на части. Сжатые песчинки бились друг о друга, порождая акустическую ударную волну, и в воздухе повисло ритмичное биение, похожее на стук сердца пробуждающегося великана. В ночи гремел барабанный вибрирующий ритм.

Барри постарался вскарабкаться назад, на гребень дюны, испытывая смесь страха и восторга. Странное биение продолжалось, сила его нарастала бешеным крещендо.

– Барабанный песок! – крикнул Инглиш. – Здесь лежали песчинки определенного размера и формы, они образуют акустические конгломераты... очень неустойчивые.

Бригадир побледнел как смерть.

– Звук достаточно громкий для того, чтобы привлечь червя. Лезь парень, лезь!

Джесси скользнул вниз, схватил сына за руку и помог ему подняться наверх.

– Нам надо уносить отсюда ноги, и поскорее.

Задыхаясь от изнеможения, Барри едва держался на ногах. Когда они с Джесси выбрались на гребень дюны, Инглиш принялся лихорадочно жестикулировать. Он ходил взад и вперед по дюне, меся ногами песок. Когда зыбкий склон дюны начал осыпаться и тащить их вниз, в углубление между дюнами, бригадир метнулся в сторону и бросился вниз.

– Нам надо уйти как можно дальше от барабанного песка!

Они соскользнули в углубление, потом, совершив крутой зигзаг, остановились недалеко от вершины дюны, соседней с той, где поскользнулся Барри. Позади они слышали знакомое шипение, шорох песка... по которому двигалось что-то огромное и змееподобное.

– Остановились! – прокричал Инглиш хриплым шепотом. – Не двигайтесь. Не издавайте ни звука.

Все трое застыли на месте среди освещенных ярким лунным сиянием песков. Они сразу увидели какое-то шевеление за дюной с барабанным песком, а потом из-за ее гребня поднялась тупая голова, словно из глубин песка вынырнул фантастический сказочный морской дракон. С массивного тела, сверкая, словно мелкие бриллианты, посыпались миллионы песчинок. Когда червь снова бросился в песок, дюна издала еще несколько вибрирующих ударов и смолкла. Зверь разрушил хрупкую акустическую систему.

Инглиш в полном изнеможении опустился на корточки на гребне дюны. Джесси и Барри, затаив дыхание, сели рядом с ним. Шипящий звук колышущегося песка живо напомнил Джесси ласковый шелест волн Каталанского моря.

Потом они встали и снова двинулись во тьму, к цели своего путешествия.

Прошло два дня. В самый разгар послеполуденного зноя вымазанные пылью, до предела уставшие путники остановились в тени скалистого горного отрога. Концентрированный меланж позволял им жить и двигаться, но драгоценный запас воды начал подходить к концу. Джесси и Инглиш понимали, что завтра будет выпита последняя капля воды. Согласно же показаниям паракомпаса, они прошли едва ли половину пути.

Опершись спиной на скалы, они отдыхали, не снимая масок, чтобы свести к минимуму потери влаги. Пока бригадир спал, Джесси смотрел на Барри, который держался молодцом. Мальчик шел вперед, не замедляя шаг, не хныкал и не жаловался. Несмотря на вольности,

которые позволяла ему Дороти, мальчик не казался избалованным; ему надо было просто дать шанс проверить себя на прочность.

Если все его потомки будут такими, как Барри, то Джесси мог быть спокоен за будущее Дома Линкамов. С его здравым смыслом и моральной цельностью, из Барри вырастет куда лучший правитель, чем из многих других изнеженных отпрысков благородных семейств. Правда, если мальчик сумеет выжить в эти несколько дней...

Оглядывая расщелину в скале, Барри обнаружил серо-зеленый лишайник. Он позвал отца.

– Здесь, оказывается, есть что-то живое.

Когда Джесси подошел, из расщелины метнулись прочь какие-то тени.

– Это же... грызуны!

Барри потянулся вперед, наклонился и протянул руку к гнезду, но не смог достать шевелившихся там маленьких зверьков. С высокого утеса стала видна остренькая мордочка кенгуровой крысы. Животное пищало, выкрикивая, видимо, обвинения и угрозы в адрес незваных гостей.

– Как они здесь оказались? Ты не думаешь, что это экземпляры из хозяйства доктора Хайнса, которые сбежали на волю?

Джесси не смог придумать никакого иного объяснения.

– Может быть, доктор Хайнс специально выпустил их. Он же сказал, что хочет создать на Дюнном Мире экосистему.

Стоя плечом к плечу, они с Барри рассматривали крошечных кенгуровых крыс, которые сновали между камней по каким-то своим неведомым делам. Джесси приободрился.

– Если они смогли здесь выжить, Барри, то мы-то уцелеем и подавно.

12

Жизнь полна непоправимо оборванных нитей. Как ужасно показать свой гнев любимому человеку, не зная о том, что ты видишься с ним в последний раз.

Дороти Мейнс. «Жизнь налогоплательщицы»

Джесси и Барри отсутствовали слишком долго. Очень долго. Мало кто смог бы выжить в пустыне столько дней.

Одиночество щемило сердце Дороти, она терзалась в сомнениях и муках – увидит ли она когда-нибудь своих любимых? Хотя она была трезвым деловым человеком и финансовым цербером, содержавшим в порядке дела Дома Линкамов, но одновременно она была матерью и женой, если не официально, то по сути. Грудь ее болела от тяжелых предчувствий.

Каждый раз, когда очередной патруль возвращался ни с чем, в ее душе рвалась еще одна тонюсенькая ниточка надежды, связывавшая ее с дорогими сердцу Джесси и Барри. Стычка с Линкамом, происшедшая в ту последнюю ночь, наполняла ее сердце скорбью и запоздалым сожалением, чувством вины и неуверенности. Надо ли было требовать, чтобы он уступил ее просьбам? Если бы он уступил, то они не потерялись бы в этих бесконечных песках. Или надо было поддержать его, хотя в душе она и была с ним не согласна?

Она знала, что если сын и муж вернуться живыми, то Джесси сделает вид, что между ними ничего не произошло; но он ничего не забудет, так же как и она. Та размолвка словно тяжелый занавес так и останется висеть между ними.

Умом она понимала, что Джесси хотел приучить сына переносить трудности, хотел, чтобы тот с детства знал, как живут простые люди, как они работают, хотел, чтобы Барри закалился жизненным опытом и трудностями, а не познавал жизнь на мягких подушках в атмосфере полного потакания своим прихотям. Но как можно требовать от матери, чтобы она не

желала своему сыну счастья, чтобы она не тревожилась о его безопасности, о его жизни? Барри не исполнилось еще и девяти лет... и теперь он бредет где-то по пустыне, и, быть может, его уже нет в живых.

Когда мальчик вместе с отцом поднимался на борт орниджета, у него было такое одухотворенное, такое торжественное лицо. Он гордился тем, что с ним обращались как с мужчиной. Она никогда не видела его таким прежде.

Боже, как она ненавидит эту планету!

Дороти пошла по залам, стараясь хоть чем-то занять себя. Если Джесси погиб, то не следует ли ей отказаться от вызова, брошенного Хосканнеру? Он сделал ее ближайшей помощницей в деловых вопросах. Без Джесси и Барри это будет уже не Дом Линкамов, и Совет Благородных, несомненно, возьмет под свою опеку все движимое и недвижимое имущество, распределит его между другими аристократическими родами. Она вернется на Каталан и будет вести там жизнь обычной простолюдинки, предаваясь сладким воспоминаниям.

Она заметила впереди Каллингтона Юэ, который медленно, едва поднимая ноги, шел вверх по лестнице, держась за массивные каменные перила. Седовласый пожилой господин, едва не задохнувшись, вышел на верхнюю лестничную площадку.

– О, Дороти! Я искал вас.

– Какие-то новости? – Голос ее дрогнул от волнения и заботы, хотя она попыталась прикрыть эту дрожь сухим надтреснутым кашлем. – Гарни должен был вернуться уже несколько часов назад.

– Он еще не вернулся, но генерал Туек говорит, что связь восстановлена полностью. Он заинтересован в немедленном возобновлении добычи специи. Некоторые корабли были оснащены дополнительным оборудованием – живой резиной, они могут пролетать больше и с меньшим риском поломки. Да, доктор Хайнс исправил еще несколько спутников. Но вы же знаете, как неожиданно подчас возникают новые проблемы.

– Особенно здесь. Я ненавижу этого Хосканнера за то, что он оставил нас здесь с такой дрянью.

– Не присланы также новые комбайны, которые вы заказали на Иксе. – Юэ потрогал свои седые усы. – Они не опаздывают?

– Да, первый заказ просрочен уже на целую неделю.

Она поразились, до чего странно звучат в устах их старого семейного врача разговоры об оборудовании для добычи специи, но она радовалась этому теперь, когда рядом не стало Джесси. Не стало. Каким же беспощадным и окончательным приговором звучали сейчас эти слова! У Дороти упало сердце, но она усилием воли привела в порядок свои мысли. Джесси рассчитывает на нее, на ее способности не дать рухнуть Дому Линкамов.

– Да, там на производстве какая-то задержка.

Гарни попытался переговорить непосредственно с иксианским представителем, но тот уклонился от прямого ответа, а в последние дни все силы и средства были брошены на поиски пропавшего неизвестно куда орниджета. Дороти нахмурилась.

– Случайности бывают, конечно, – заговорил доктор Юэ. – Но некоторые случайности происходят вполне целенаправленно.

Чувствуя, что женщина вконец расстроена и несчастна, старик помассировал ей плечи и шею, надавил на какие-то точки своими чуткими пальцами хирурга, но Дороти ощутила, что у него самого дрожат руки.

– Обычно это хорошо помогало моей жене, Уанне. Ее это расслабляло и успокаивало.

– Вашей жене? Я не знала, что вы были женаты, Каллингтон.

– О, это было очень и очень давно. Она умерла... от болезни, которую я не знал, как лечить. Вот почему я теперь изо всех сил стараюсь помочь другим. – Он печально усмехнулся.

Юэ, который сам себя полушутя, полусерьезно называл «клистирной трубкой», получил медицинское образование на Груммане, далекой планете, известной своими странными болезнями, вызванными болотными испарениями и плодами, с поверхности которых сочились сильнейшие контактные яды. Он стал преданным семейным врачом в Доме Линкамов много лет назад, заявив, что желает провести остаток дней в ласковом мире Каталана. Здесь, на Дюнном Море, старый врач, как казалось, был выбит из своей привычной колеи и чувствовал себя не в своей тарелке.

Дороти отвела его руки.

– Спасибо, Каллингтон, я действительно чувствую себя лучше.

Его ореховые глаза наполнились сочувствием.

– Нет, вы все еще сильно взволнованны. Но мне нравится, как вы себя ведете. – Он нетерпеливо отошел в сторону и отправился к очередному больному. Она редко видела доктора отдыхающим.

Дороти же направилась в южное крыло. Встретив одну из горничных, Дороти потребовала чайник меланжевого чая и чашку. Потом сама взяла поднос и поднялась с ним на пятый этаж по винтовой лестнице. Ее успокоит меланж и... оранжерея.

Она надавила на полый камень в глухом торце коридора. Когда потайная дверь открылась с легким шорохом и шипением, Дороти вошла внутрь, и в нос ей ударил запах распада и гниения.

Тайная оранжерея, точнее, бывшие в ней растения страдали уже несколько недель, с тех пор как Дороти перекрыла водоснабжение и пустила драгоценную влагу на другие, более важные цели. Пятнистые грибы превратились в труху и месиво, зеленые папоротники – в почерневшие и пожелтевшие палочки. Некогда яркие и пестрые цветы засохли, и лепестки усеивали теперь отвердевшую без влаги почву. Всего лишь несколько растений продолжали упрямо цепляться за жизнь, но, судя по всему, и им осталось недолго.

Среди мертвых растений словно стервятники летали насекомые, питавшиеся разлагающимися остатками. Распад и гниение стали настоящим пиршественным праздником для этих мелких трупоедов, и они весьма сильно размножились. Но скоро и этому жуткому и отвратительному процветанию, как и всей бывшей здесь экосистеме, наступит конец.

Эти растения стали жертвами совершенно невообразимой ситуации, они попали, словно в ловушку, в место, где они не могли жить. *Как Дом Линкамов, подумалось ей, который едва ли сможет существовать на этой безжизненной планете, но надеется, что жизнь еще вернется к нему.*

Чувствуя, как ею овладевает обреченность, Дороти поставила поднос на плазовый стол, смахнула со стула пыль и мертвых насекомых и села. Она налила в чашку ароматный чай, пар, поднимавшийся от чая, немедленно исчезал в сухом воздухе. *Утраченная влага, напрасно потраченная влага.* Она подняла чашку, и крепкий запах корицы защекотал ей ноздри.

Только она и Джесси знали о существовании этого места, и только они знали наверняка, что вскоре все эти растения погибнут. Она может побыть здесь совершенно одна. Никто не потревожит ее здесь. Здесь она будет наедине со своими мыслями, хотя вряд ли и здесь сможет она найти какое-нибудь решение. Дороти покончила с чаем, и когда специя проникла во все уголки ее души, она внутренним взором явственно увидела ласковый, изобиловавший водой мир Каталана. Если бы она вместе с семьей могла снова вернуться туда...

Но одна мысль не сможет перенести домой, не сможет стереть несчастье, которое привело их сюда. Где теперь Джесси и Барри? Что, если и сам Инглиш – тоже тайный агент Вальдемара Хосканнера? Не оставил ли он их тела высыхать в пустыне, подобно этим несчастным растениям?

По щекам Дороти заструились слезы. На этой планете плач называют «отданием воды мертвым».

13

*В пустыне надежда – такая же редкость, как и вода. И то и другое
– не более чем мираж.
Плач добытчика специи*

Даже после того, как кончилась вода, они продолжали идти вперед. Они должны были идти, и они шли. Инглиш шел впереди, часто сверяясь с паракомпасом, а Джесси и Барри устало тащились следом. О том, чтобы вернуться назад, не могло быть и речи. Стоял знойный день, беспощадное солнце начало клониться к западу.

Они приблизились к низко висящей бесцветной дымке, и Джесси понял, что они наткнулись на фумаролу. Хотя было мало надежды найти здесь воду, они пошли к клубам пара, вырывающимся из-под земли. В любом случае этот химический пар, или дым, заслонит их от палящих солнечных лучей.

Поднялся ветер, и Инглиш встревоженно огляделся. Он потрогал свой лоснящийся шрам и посмотрел на Джесси.

– Погода меняется. Я чувствую.

– Скоро ли буря сюда доберется? – спросил Джесси. Барри всматривался на горизонт, ожидая увидеть стену надвигающейся пыли.

– Нет признаков, – ответил Инглиш. – Буря – дама капризная. Может обрушиться прямо на нас, как бы мы от нее ни прятались, а может и полностью пройти стороной. Этого не угадаешь.

Укрывшись в полутени среди камней, окрашенных серой из испарений фумаролы, они сели отдохнуть. Джесси раскрыл мешок и достал паракомпас.

– Хочу посмотреть, долго ли нам еще идти.

К его ужасу, он, уточнив координаты, увидел, что оставалось идти больше, чем вчера. Стрелка указателя смотрела под тупым углом в сторону от того места, куда они так долго шли.

– Вильям, проверь свой компас.

Бригадир достал свой компас и поднес его к прибору Джесси. Сравнив показания, мужчины были поражены до глубины души. Показания приборов были абсолютно разными. Инглиш нажал кнопку и перезапустил компас. Стрелка бешено крутанулась и заняла новое положение. Джесси сделал то же самое, и стрелка устоялась в том направлении, откуда они пришли. Мужчины молча посмотрели друг на друга.

– Опять диверсия? – спросил Джесси.

– Нет, думаю, что эти дюны богаты магнетитом, – ответил Инглиш; голос его сел от отчаяния и подавленности. – Статическая энергия от фронта бури, от червя, может быть. Эти поля и искажают показания компаса.

Джесси снова включил и выключил компас. На этот раз стрелка принялась бешено и безостановочно вращаться.

Инглиш ссутулил плечи, отдавшись безнадежности.

– Мы все это время шли в неверном направлении! Мы не можем узнать теперь, где находится станция, и не можем вернуться назад, потому что наши следы уже давно стер ветер.

Джесси не хотелось выказывать страх перед сыном. Значит, они просто бесцельно блуждали по пустыне, быть может, описывая круги. В открытой пустыне невозможно на глаз определить, где находится станция, Картаг, имперская база, погребенный в песке орниджет или что угодно еще. Они заблудились, и в довершение всех бед у них закончилась вода.

Впавший в бесконечное отчаяние, Инглиш, шатаясь, побрел к обесцвеченному фумаролой участку песка. Бригадир неподвижно застыл на месте, что-то внимательно рассматривая. У

Джесси шевельнулась мысль – не хочет ли этот человек броситься в раскаленное жерло фумаролы.

– Как может вообще что бы то ни было здесь выживать? – произнес наконец Инглиш. – Всякое живое существо нуждается в воде. Может быть, нам стоит попить кровь этих кенгуровых мышей?

– Я старался их поймать, – хриплым и тихим голосом отозвался Барри.

Инглиш, словно охваченный азартом охотник, наклонившись, присмотрелся к хрустящему запекшемуся песку близ кратера фумаролы. Голос его перешел в шепот.

– Но ведь под землей живут огромные звери. Значит, там, внизу, есть вода.

Испачканный пылью бригадир протянул руки к каким-то тварям, которые шевелились, ползали и извивались в горячем песке вокруг кратера.

Он бросился вперед, ломая руками корку запекшегося от жара песка. Как собака, Инглиш принялся отбрасывать в сторону песок, вкапываясь все глубже и глубже до тех пор, пока не ухватил что-то. Он едва не упал на спину, вырвав из-под земли какое-то создание, похожее на огромное одноклеточное, размером с предплечье взрослого мужчины. Инглиш швырнул добычу на плотно утрамбованный песок, упал на колени и попытался прижать тварь к земле, так как она продолжала дергаться и извиваться.

Барри, охваченный мальчишеским любопытством, подбежал к Инглишу, забыв о всех трудностях.

– Что это?

– Песчаная форель. Доктор Хайнс говорил, что они часто встречаются возле фумарол. – Инглиш посмотрел на мальчика красными воспаленными глазами. – Все, что меня сейчас интересует, – это живые ли они и есть ли у них внутри жидкость – кровь, сок или протоплазма, кто знает...

Он сдвинул пальцами податливую плоть дергавшегося создания, потом полез в карман за ножом.

– Сможем ли мы выжить на этом? – спросил Джесси.

Бригадир сдернул с лица маску и угрюмо пожал плечами.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то ел песчаных форелей. Насколько я знаю, никому и не надо было этого делать.

– А что, если она ядовитая? – спросил Барри.

– Сдается мне, молодой человек, что мы уже все равно что покойники – во всяком случае, если не найдем воду.

Он постарался сглотнуть, но горло его настолько пересохло, что попытка оказалась тщетной.

– Я хочу использовать этот шанс. Один из нас должен это сделать.

Джесси понизил голос:

– Благодарю тебя за то, что ты не сдаешься, Вильям.

Инглиш попытался пальцами разорвать кожистую оболочку песчаной форели, потом проткнул ее кончиком ножа. Из разреза начала сочиться густая жидкость, по виду похожая на вязкую слюну. В воздухе появился мощный аромат, сильный щелочной запах, смешанный с духом корицы. Запах был так силен, что от него защипало в глазах.

– Пахнет, как меланжевое пиво. – Инглиш макнул палец в жидкость и попробовал ее на язык. – И вкус точно такой же... очень крепкая штука. Но другая.

Отбросив всякую осторожность, Инглиш приник ртом к разрезу, прикрыл глаза и глотнул, хлюпая и причмокивая, слизистую густую жидкость.

Джесси хотел было сказать Инглишу, чтобы тот попробовал сначала немного – вдруг у жидкости окажутся какие-нибудь вредные или ядовитые свойства, но потом понял, что человек испытывает такую жажду, что никакие предупреждения его не остановят.

Барри шагнул вперед, жадно глядя на песчаную форель и сочащуюся из нее жидкость.

Внезапно Инглиш неестественно и резко выпрямился, словно шомпол, и бросил протоплазматическую тварь на плотно утрамбованный песок.

– Как жжет! Вспыхивает, как сотня маленьких взрывов у меня во рту. – Он прижал руку к груди. – Вот оно у меня в груди, вот оно безостановочно движется вниз.

Он испустил долгий мучительный вздох, сцепил пальцы и стал тянуть руки в разные стороны с такой силой, словно хотел вывихнуть пальцы из суставов.

– Оно проникает до самых кончиков пальцев! Оно как будто шахты, прорытые до каждой моей клеточки. – Он вскочил на ноги и затрясся от возбуждения; потом на секунду притих и уставился в небо, в котором уже явно просматривались признаки наступающей бури. – Это специя, сердце Дюнного Мира! Я могу чувствовать червей.

Джесси потянулся вперед и схватил Инглиша за руку.

– Вильям, попробуй глубже дышать. Возьми себя в руки, ты отравился...

С дикими глазами бригадир принялся медленно кружиться на месте.

– Я чувствую все, что подо мной, и все, что вокруг меня. Специю, червей, песок. Планктон и... еще больше. Я вижу чудеса, которые мы никогда не видели и даже не могли себе вообразить.

Внезапно Инглиш ударил Джесси, отбросил его в сторону и упал на колени. Словно безумный, Вильям бросился к песчаной форели, припал к ней губами и, сделав еще один большой глоток, принялся дико хохотать. Он поднял глаза, увидел Барри и с криком бросился к мальчику.

– Я – *живой*! Я вижу будущее и настоящее, но я не могу отличить одно от другого. Где будущее и где настоящее?

Джесси с силой оттолкнул Инглиша и встал между безумцем и сыном.

– Отойди прочь, Вильям...

– Я могу плыть по пескам сквозь дюны, могу нырнуть в них. Я должен защитить специю, споры...

Он схватил Джесси за грудь и лихорадочно притянул к себе. Кровь текла из его десен, пачкая зубы.

– Слишком много специи, но ее вечно не хватает. Я должен защитить специю! Черви. Я сам – песчаный червь.

Кровь потекла из белков его глаз. Не прошло и секунды, как Инглиш стал плакать кровавыми слезами. Продолжая бредить, он протер глаза, увидел на пальцах алую кровь, но это не смутило его.

– Специя! Специя! Она заманила нас всех в ловушку! Мы никогда не освободимся от нее!

– Папа, что с ним? – в ужасе закричал Барри. – Мы должны ему помочь!

– Мы ничего не можем для него сделать, – отозвался Джесси. – Он съел слишком много специи, это передозировка.

Инглиш стремительно понесся к дымящемуся жерлу фумаролы.

– Ищите специю! Станьте одно со специей! Одно с песчаным червем! – Дико вопя, он продолжал нестись наугад – но вдруг земля расступилась под ним. Обозначился кратер песчаного водоворота.

– Вильям! – Джесси рванулся к нему, но усилием воли остановил себя, понимая страшную опасность этой предательской земли. – Вильям!

Песок, бешено крутясь, засасывал Инглиша в свою бездонную сухую трясину. Инглиш с хохотом что-то кричал и выл от восторга. Казалось, он хотел уйти под землю – и песчаный водоворот сделал ему такое одолжение.

Барри тоже хотел броситься на выручку Инглишу, но Джесси схватил сына за руку. Рука Инглиша, покрытая вязкой слизью, на мгновение задержалась на поверхности, но потом исчезла и она, оставив лишь небольшое углубление на мелкой, словно пудра, пыли.

– Он исчез навсегда, – сказал Барри.

Джесси опустился на песок рядом с сыном.

– Теперь мы с тобой остались одни.

После долгого молчания Барри расправил плечи и сжал руку отца. Но голос его прозвучал почти жалобно:

– Мы остались вдвоем.

14

Теперь он одно с песком.

Погребальная литания Дюнного Мира

Отказываясь признать казавшееся очевидным поражение, Дороти произвела свои вычисления – она оценила запасы, бывшие на борту орниджета, и постаралась понять, сколько времени можно было с ними выжить.

Одна поисковая команда за другой возвращались с неутешительными новостями, точнее без новостей вообще. В пустыне размером с целую планету затерянный в ней человек и сам становился не больше ничтожной песчинки. Подобно прожорливому хищнику, безводные пространства поглотили Джесси, Барри и Инглиша.

В бараках осужденных в Картаге, в поселениях освобожденных Гарни Холлик неустанно старался ободрить людей, вселить в них надежду на лучшее, поднять их дух. Дороти восхищалась его усилиями, тем, как он пел свои вдохновенные песни, но когда он пел эти песни ей самой, то в них проскальзывали трагические ноты, и с каждым днем таких нот становилось все больше.

Между тем освобожденные рабочие, которых вместо работы посылали на бессмысленные поиски, начали роптать по поводу потерянных премий и бонусов. Дороти не могла винить их за это, ведь для этих людей премии были единственной надеждой хоть когда-нибудь получить возможность покинуть Дюнный Мир. Осужденные рабочие тоже не хотели покидать свои комбайны, так как опасались, что их вывезут в еще более страшные тюрьмы – на Салузу или на Эридан V. Но при этом никто и слышать не хотел о возвращении Хосканнеров...

– Должно быть, их орниджет потерпел крушение во время бури, – сказал генерал Туек, когда они с Дороти беседовали в ее кабинете на четвертом этаже штаб-квартиры. Он стоял, опершись руками о спинку стула. – Но это могла быть и диверсия, что очень и очень вероятно. Всякий, кто знал, что кавалер собирается лететь на передовую станцию, мог подстроить ему ловушку на обратном пути.

– Об этой экспедиции знали очень многие, генерал. – Дороти встала у окна, скрестив на груди руки. Что-то в этом человеке всегда раздражало и возмущало ее.

– Вы знали об этом, мадам. Любой человек мог понять, что между вами и кавалером возникли какие-то трения, когда он отбыл в экспедицию. В чем именно состояла суть вашего с ним несогласия?

Она покраснела от гнева, который затопил ее, заставляя забыть о печали и горе.

– Все личные отношения между мною и Джесси именно такими и являются – личными! Как вы вообще смеете предполагать, что я стала причиной несчастья?

– Моя обязанность как начальника службы безопасности подозревать всякого, особенно тех, кто мог получить выгоду от его гибели. Вы официально приближены к Дому Линкамов.

Мне кажется, что кавалер сделал ошибку, доверив простолюдинке управление делами и финансами своего государства.

Дороти была настолько ошеломлена этим обвинением, что ей потребовался долгий миг, чтобы уловить логику в рассуждениях генерала.

– Оставив в стороне тот факт, что Барри – мой сын. – Она медленно вдохнула, стараясь сделать ледяным свой голос. – Если Дом Линкамов падет, то я потеряю все. Я была бы последней душой, если бы заставила Джесси пойти на такой риск.

– Вы отнюдь не глупы, мадам. На самом деле у вас вполне могло бы хватить ума спрятать в надежном месте большую часть линкамовских богатств. – Испятнанные красными метинами губы генерала сложились в жесткую усмешку. Ветеран не выказывал ни малейшего сочувствия.

Она уперла руки в бока, давая понять, что не сделает попытки задушить его.

– Этого вполне достаточно, генерал, – особенно для человека, который дает понять, что пора прекратить поиски.

– Я не делал таких предложений. – Он с обидой выпрямился и встал по стойке «смирно», держа руки по швам. – Я служу Дому Линкамов больше времени, чем вы знаете Джесси, мадам. Я уже видел, как погибли два его представителя. Если мы перестанем искать, то род Линкамов прекратится, и тогда Хосканнеры выиграют.

Красные губы дрогнули.

– Но то же самое справедливо, если мы прекратим добычу специ. Я имел в виду, что мы должны вернуть на добычу часть рабочих команд. Каждый день мы теряем почву под ногами и все больше и больше проигрываем Вальдемару Хосканнеру.

Дороти холодно смотрела на генерала, а мысленно пыталась ответить себе на главный, фундаментальный вопрос: что должна делать она, чего хотел бы от нее сам Джесси? Даже в этой критической и безысходной ситуации он, вероятно, надеялся, что она будет ждать его дольше, чем другие, но ведь он также доверил ей все хозяйство Дома Линкамов, она была его финансовым гением, и, кроме того, она должна была обеспечить будущее Барри. Она поняла, какими были бы желания Джесси.

Дороти заговорила тоном, не терпящим возражений:

– Продолжайте поиски, генерал, но назначьте временного бригадира, пока отсутствует Вильям Инглиш. Отправьте бригады в пески, пусть приступают к работе как можно скорее.

Буря приближалась. Джесси посадил сына в естественное укрытие – за склоном дюны, песок которой превратился в плотную корку под действием паров и дыма, вырывавшегося из жерла фумаролы.

Джесси, преодолевая усталость, вскарабкался на вершину самой высокой дюны, но увидел лишь стену раскаленной солнцем пыли, которая, стремительно увеличиваясь, неумолимо двигалась в их направлении. Свист ветра усилился, и Джесси почувствовал, что песчинки, подхваченные ветром, больно обжигают щеки. Засорившаяся маска практически перестала работать, то же самое произошло и с маской Барри. Костюмы тоже порвались, что нарушило механизм сохранения влаги. И самое страшное, у них не осталось ни единой капли воды.

Джесси соскользнул с дюны вниз и извлек из мешка отражательное одеяло. Определив силу ветра в нескольких местах, он нашел, что самое лучшее место, где можно пересидеть бурю, находится с подветренной стороны дюны. Отец и сын прижались друг к другу, завернувшись в одеяло и прислушиваясь к звукам летевших песка и пыли. Джесси хорошо помнил вид шрама, обезобразившего лицо Инглиша, и рассказы о том, как буря обдирала незащищенных людей до костей. Шанс пережить ночь был пренебрежимо мал.

Ветер словно живое существо хозяйничал на площадке вокруг фумаролы, разметая насыщенные серой пары в разные стороны. Одеяло было уже почти погребено под толстым слоем

песка, отовсюду раздавались загадочные и страшные звуки. Периодически Джесси стряхивал песок, чтобы они с Барри не задохнулись в этой могиле.

В середине долгой ночи ветер начал стихать; шум бури доносился уже издалека и постепенно исчезал. Утром, удивленные и обрадованные тому, что они еще живы, Джесси и Барри с трудом сбросили с себя засыпанное песком одеяло. Страхнув с себя песок и протерев глаза, они осмотрелись. Буря зацепила фумаролу лишь краем, пощадив несчастных путников.

Джесси обнял сына.

– Случилось чудо, мой мальчик! – В горле пересохло настолько, что Джесси едва мог говорить, и слова его звучали хрипло и надтреснуто. – Мы прожили еще один день.

Губы Барри высохли и потрескались, и голос был ничуть не лучше, чем у отца.

– Может быть, нам стоит выбрать направление и идти дальше?

Жажда жгла и палила, как горячие угли, но Джесси все же ответил:

– Мы будем идти и сегодня, и завтра... так долго, как потребуются. Наши шансы не очень высоки, но если мы сдадимся, то у нас не останется ни малейшей надежды.

Фумарола запыхтела и закашляла, как человек, прочищающий горло. Газы продолжали сочиться из устья водоворота, в котором исчез обезумевший Вильям Инглиш.

Строго-настрого приказав сыну никуда не уходить, Джесси, с трудом переставляя ноги, побрел по дну углубления между дюнами, потом начал взбираться по склону одной из них. В свете наступившего дня ему, быть может, удастся разглядеть хоть какой-нибудь признак человеческого присутствия... или флот спасательных судов, летящих к ним на выручку через океан дюн.

Добравшись до гребня, Джесси потащился вдоль него, глубоко утопая в рыхлом песке. Неожиданно его ботинок наткнулся на что-то твердое, погребенное под толщей песка. Он сделал шаг, не удержался на ногах и упал лицом вниз.

Джесси перекатился на спину, отряхнулся и протер глаза. Он принялся рыть песок и вскоре наткнулся на изогнутый белый полимерный стержень. Освободившись от тяжести песка, стержень упруго распрямился. Это был один из погодных шестов, какие рабочие в великом множестве втыкают на месте добычи специи для того, чтобы в открытой пустыне вовремя заметить приближение местных бурь.

Посмотрев направо и налево, Джесси принялся за поиски и вскоре обнаружил еще один согнутый погодный шест, который он тоже высвободил. Он ударил по похожим на хлысты стержням и понял, что они не повреждены, несмотря на то что были силой ветра пригнуты к земле и даже погребены под ее поверхностью. Он глубоко вдохнул кремнистый воздух, осознавая символизм своей находки. *Тот, кто хочет остаться в живых, должен гнуться под ударами судьбы. Будь гибким. Сгибайся перед непреодолимой силой, но потом выпрямляйся, когда ее напор ослабнет.*

К отцу подбежал Барри.

– С тобой ничего не случилось? Что ты нашел?

Он обернулся к сыну.

– Это антенны для сбора данных с погодных спутников. Помоги мне очистить их.

Счищая песок, Джесси докопался до основания стержня. Обнаружив пакет с инструментами, он впервые за эти дни улыбнулся.

– И у каждого шеста есть передатчик, отправляющий сообщения на метеорологические спутники. Доктор Хайнс вплотную занимался сетью погодных спутников. Если он починил их и если мы сможем наладить передатчики...

Барри все понял. Они быстро отыскали ряд из шести антенн. Отец и сын откопали и извлекли из песка эти антенны и захватили их с собой, спустившись обратно в углубление между дюнами. Инструментами, находившимися в аварийном наборе, Джесси разобрал кожури приборов и добрался до их начинки.

– Если все эти передатчики заработают в одной фазе, то мы сможем послать отчетливый ритмичный сигнал – несложное кодированное или голосовое сообщение, но будет достаточно и того, что люди на следящих станциях услышат наш сигнал и поймут, что он искусственный.

Конечно, большинство людей уже считают их мертвецами, но Джесси не сомневался, что Дороти не оставит надежду.

К полудню все шесть передатчиков синхронно заработали, передавая в пространство неслышимый ритмичный сигнал. Этот модулированный электронный сигнал, имеющий отчетливый рисунок, нельзя было спутать ни с какими помехами. Они снова укрылись одеялом, чтобы защититься от зноя и привлечь внимание поисковых партий блеском отражающей ткани. Джесси обнял сына.

– Теперь, надеюсь, это всего лишь вопрос времени.

15

*В самый жуткий, в самый темный час ночи занимается рассвет
и прогоняет прочь мрак.*

Поговорка людей отдаленной пустыни

Дороти старалась работой отогнать тяжкие мысли. Уже давно прошел час обеда, но она так и не приказала слугам накрывать на стол. Здание штаб-квартиры выглядело пустым и вымершим. Каталанские рабочие не переставая задавали неприятные вопросы, и было видно, что они уверены, что кавалера Джесси и его сына уже нет в живых.

Джесси сделал ее своей поверенной в делах Дома Линкамов, но так и не женился на ней. Без него она сразу теряла свой статус, и ее решения переставали быть обязательными для исполнения. Однажды в разговоре наедине Джесси сказал ей: «Ты для меня больше, чем наложница, и даже больше, чем традиционная законная супруга. Ни одна благородная женщина не сможет вытеснить тебя из моего сердца. Ты – мать моего сына, наследника Дома Линкамов. Ты – вдохновение моей души и моя отрада». Никакая наследница – белая кость, голубая кровь – пришедшей в упадок аристократической семьи не сможет у нее этого отнять.

Но все это будет слабым утешением, если Джесси и Барри погибли. Душа ее нестерпимо болела, и отчаяние переполняло все ее существо. Слишком уж долго тянется этот кошмар.

Погруженная в свои невеселые мысли, Дороти не сразу услышала шум и веселые крики, раздававшиеся в вестибюле.

– Дороти Мейпс, где вы? – Это был голос Гарни Холлика. – У меня фантастические новости!

Сердце ее бешено заколотилось. Дороти, перепрыгивая через две ступеньки, бросилась вниз, в мгновение ока оказавшись на ближайшей лестничной площадке, неожиданно столкнувшись с бежавшим навстречу Гарни. Столкновение настолько ошеломило его, что шут даже схватился за ультразвуковой кинжал. Узнав маленькую женщину, он вернул оружие в ножны.

– Спутники уловили сигнал в пустыне! Это просто повторяющиеся импульсы, но ясно, что посылают их люди, хотя в этих сигналах нет никакого кода.

– Это Джесси!

– Несомненно, что это живой человек, – осторожно произнес Гарни. – Но на потерпевшем аварию орниджете их было трое. Нет никаких признаков, что они живы.

– Так чего же мы ждем. Возьмите меня с собой и...

– Сейчас ничего не надо делать. Генерал Туек уже отправил спасательную команду. Мы все узнаем меньше чем через час.

В душе Дороти вспыхнул яркий луч надежды, она с таким жаром обняла придворного певца, что тот густо покраснел.

Эскадрилья покрытых пылью спасательных судов на закате приземлилась на ближайшей к штаб-квартире площадке космопорта. Последние лучи солнца окрасили небо в яркие цвета перед наступлением темноты.

Дороти едва сдерживала нетерпение, вместе с доктором Юэ и Гарни Холликом ожидая в вестибюле появления мужа и сына. Волнуясь, она смотрела, как машины одна за другой садятся на площадку, складывая крылья и заглушая двигатели.

Наконец последний орниджет, ревя двигателем, совершил посадку, подняв тучу пыли. Когда она рассеялась, люк открылся, и в его проеме появился заросший щетиной человек с покрасневшими воспаленными глазами. Сначала она не поняла, кто это, но потом увидела знакомую, хотя и нетвердую походку. Да, это он! Серые глаза были знакомы ей, но выглядел Джесси утомленным и постаревшим. Следом за ним на трап вышел мальчик.

Она бросилась к ним.

– Я думала, что никогда больше не увижу вас! – Она покрывала исступленными бесчисленными поцелуями их покрытые пылью лица.

Огрубевшей, покрытой свежими ссадинами рукой Джесси вытер слезы с ее щек, измазав их грязью и пылью.

– Дорогая, как мы заставили тебя страдать.

Старик Юэ бегло осмотрел исхудавших пришельцев, взглянув на их глаза и пощупав пульс.

– Неплохо, неплохо. Я подробно осмотрю вас позже, когда вы как следует вымоетесь. – Он улыбнулся. – Представляю, сколько потребуется драгоценной воды, чтобы смыть всю эту грязь!

– Мне все равно, – сказал Джесси. – Побывав в этой чертовой яме, я собираюсь на совесть отмокнуть в ванне.

– И я тоже, теперь я никуда больше не уеду из дома, – сказал Барри.

Дороти опечалилась, выслушав историю о том, что случилось с Вильямом Инглишем. Такая ужасная трагедия. Но все же она смотрела на членов своей семьи, и ее трясло от внезапно нахлынувшего чувства облегчения. Джесси подверг их сына неслыханной опасности против ее ясно высказанного желания, но, правда, он же и спас Барри от практически неминуемой смерти. Дороти все еще сердилась на мужа, но если после пережитых испытаний он не научился уважать правила поведения на неприветливом Дюнном Море, то ее слова все равно окажутся тщетными. Единственное, что они могут противопоставить этому ужасному миру, – это крепко держаться друг за друга.

Рука об руку они прошли к зданию штаб-квартиры, их силуэты отчетливо выделялись на фоне заходящего диска беспощадного пустынного солнца.

Часть вторая. Второй год на Дюнном Море

16

*Единственный способ действительно обезопасить себя – это
видеть в каждом человеке потенциального врага.*

Генерал Эсмар Туек. «Письма о безопасности»

В течение всего первого года правления Джесси Линкама на Дюнном Море добыча специи изрядно страдала от частых поломок оборудования, случайной порчи деталей и инструментов, запоздалой доставки новых машин, комбайнов и транспортеров, да и от открытого саботажа. Джесси был больше чем уверен, что Картаг кишит шпионами Вальдемара Хосканнера, несмотря на все отчаянные усилия шефа службы безопасности выследить и обезвредить их.

Для охраны и отражения возможного нападения с Каталана прибыла еще одна группа хорошо подготовленных бойцов войск специального назначения – внутренней каталанской гвардии. Генерал Туек удвоил число постов вокруг штаб-квартиры, расставив всюду военных и разбавив каталанскими рабочими бригады осужденных и освобожденных.

Несмотря на все героические усилия и на беспрецедентное напряжение, Линкам не смог пока догнать Хосканнера – добыча специи оставалась удручающе низкой, составляя не больше одной трети от прежнего уровня. Что еще хуже – добытчики относились к Джесси с нарастающей враждебностью, начались случаи открытого неповиновения, так как снижение производства специи означало сокращение дохода и крушение надежды на отъезд с проклятой планеты.

Должно быть, ожидающий на Гедиприм истечения двухлетнего срока Вальдемар Хосканнер изрядно потешается сейчас над своим незадачливым соперником...

Когда незаметно подкрадываясь буря, подняв в воздух тучи пыли, сделала видимость нулевой, а полеты рабочих смен невозможными, Джесси, не привлекая постороннего внимания, собрал своих ближайших советников в маленьком, хорошо защищенном кабинете – в помещении не было ни одного окна, и с внешним миром оно сообщалось лишь посредством одной узкой двери. Туек просканировал помещение на наличие жучков и подслушивающих устройств и объявил кабинет абсолютно надежным.

Настало время серьезно поговорить.

Джесси сел и положил руки на стол. Суровым взглядом своих серых глаз он обвел лица сидевших у противоположного края стола Дороти, Туека и Гарни Холлика, который стал ответственным за добычу специи после трагической гибели Вильяма Инглиша. Прежде чем Джесси успел начать, в кабинет торопливо вошел доктор Хайнс, только что прилетевший со своей базы, буквально на несколько минут опередив бурю.

– Тысяча извинений за опоздание.

С того достопамятного злключения Джесси в пустыне, когда он проявил твердую решимость и волю к жизни, Хайнс стал его незаменимым союзником. Хайнс явно показал, что уважает кавалера Линкама больше, чем Хосканнера, хотя как имперский служащий он был обязан в этом вопросе соблюдать строгий нейтралитет.

Джесси, однако, не нуждался в проявлениях двойной лояльности. Обстоятельства вынуждали его ставить на карту все.

– Если нам суждено проиграть, то мы проиграем. Но я никогда не сдамся, и победа Вальдемара не будет легкой.

– Хосканнер продолжает выбивать всякую опору у нас из-под ног, – сказал Туек. – Святые небеса, я никогда не видел столько хитроумных трюков! Они воистину знают, как подрезать своим соперникам крылья. Однако после прибытия с Каталана новых солдат я могу ставить караул на каждом месте добычи, обеспечивая круглосуточную охрану. Я намерен полностью искоренить саботаж и вредительство.

– Одной защиты оборудования недостаточно, – возразил Джесси. – Для достижения цели нам элементарно не хватает производительности.

Обычно Дороти предпочитала не высказываться во время таких собраний, но сейчас она не выдержала и заговорила:

– Восемнадцать лет Хосканнеры пользовались неограниченными материальными и людскими ресурсами. Они имели возможность заменять комбайны сразу после нападений червей и штормовых разрушений. – Она печально покачала головой. – Если бы хоть половина поставок нужного оснащения не была задержана из-за идиотской бюрократии, то Дому Линкамов не пришлось бы ломать голову из-за таких неприятностей.

– У нас нет и половины того количества комбайнов, какое нам необходимо, – произнес Джесси. – Из альтернативного источника, с Ричез, нам должны доставить машины нового образца, и доставить по независимым каналам.

– Поставка комбайна задерживается на месяц, – сказала Дороти, – но меня уверили, что мы его получим, так же как и те, что задержаны на Иксе. Ручаюсь, что ко всему этому приложил руку Хосканнер. Он всячески вредит нам, распространяя слухи о наших «кредитных трудностях».

– Будь проклят этот Император с его нежеланием устанавливать правила! – воскликнул Гарни. – Если ему так нужна специя, то почему он не вмешивается?

Джесси недовольно поморщился.

– Аристократам она нужна не меньше, но когда дошло до дела, почти все наши «друзья» спрятались по кустам.

Только три не слишком богатых аристократических семейства были готовы испытать судьбу. Они предложили финансовую помощь, но не могли дать много. Джесси был очень благодарен этим людям, но их деньги мало помогли делу. Еще четыре семейства, воспользовавшись бедственным положением Линкама, предложили ему кредит под грабительский процент, и Джесси думал, что ему придется принять эти предложения, если он не найдет иной способ выйти из тяжелого положения.

В конце концов, в его распоряжении оставался еще целый год.

Доктор Хайнс задумчиво почесал бороду.

– Живая резина все же помогает сохранять оборудование.

Джесси согласился.

– Почти год назад мы использовали ее на комбайнах, и одно это позволило машинам работать без ремонта дольше, чем мы рассчитывали. Таким образом удавалось отправлять в пустыню больше бригад и получать больше меланжа. Это был шаг в верном направлении, но и этого недостаточно. Далеко недостаточно. Мы проиграем, если не сумеем изменить ситуацию радикально. В течение года мы пользовались теми же способами добычи, что и Хосканнеры, но это завело нас в тупик. Нам надо мыслить *шире*.

Дороти оперлась подбородком о подставленные руки и сосредоточенно нахмурилась.

– Мы и так уже испробовали много всяких идей, Джесси.

– Но мы не наткнулись пока ни на одну верную идею. Это должно быть совершенно новое, неожиданное решение.

В течение нескольких предшествующих месяцев по совету планетарного эколога, Гарни Холлика и Эсмара Туека Линкам испробовал массу всяких способов, начиная от взрывов и энергетических вспышек до пропитывания песка ядом, но ничто не помогало. Для защиты гра-

ниц участков добычи заземляли генераторы статического электричества, но сами поля приводили червей в неопишное бешенство. Использовали феромоны – самые разнообразные химические прописи, самые мощные запахи, для того только, чтобы отвлечь червей от специевых жил, – но тщетно, звери не реагировали; они были равнодушны к запахам настолько, что доктор Хайнс заявил, что они лишены такого признака, как пол.

Джесси сцепил палыцы.

– Возможно, что метод добычи специи, придуманный Хосканнером, не является самым эффективным. Почти семьдесят процентов времени уходит на развертывание комбайнов и на их последующую эвакуацию. Тактика блицкрига – внезапное появление, добыча и бегство при первых признаках появления червя. Если бы нам удалось увеличить время однократного пребывания на жиле, чтобы мы могли копать глубже, – одно это значительно увеличило бы добычу специи.

– А, что говорить, мы ведем себя как неумелые воришки, взявшиеся грабить государственное казначейство, – сказал Гарни. – Дайте мне жилу в распоряжение на пять часов, и я добуду месячную норму меланжа! Мои рабочие жизни не пожалеют, если им предоставить такую возможность.

– Мы не нашли способа убивать червей, – ответил Джесси. – Мы все испробовали.

Туек посмотрел в глаза кавалера Линкама.

– Не все. Мы не пробовали применить атомную бомбу.

Дороти попыталась осадить генерала:

– Могут быть серьезные политические последствия. Некоторые могущественные Дома добиваются запрещения атомного оружия.

Туек не замедлил возразить:

– Но пока такого формального запрещения нет – а у нас в арсенале такое оружие есть. При приближении червя мы можем поразить его небольшой ядерной боеголовкой.

– Я бы не прочь попробовать, – сказал Гарни. – Это будет хорошая месть за всех погибших горняков.

Доктор Хайнс вскочил с места и повернулся к Джесси. Линкам ни разу не видел ученого в таком сильном волнении.

– Кавалер Линкам, такую возможность нельзя даже ставить на обсуждение. Даже если вам удастся убить червя, вы загрязните меланж и все поле радиоактивными материалами и ничего этим не добьетесь. Меланж весьма чувствителен к облучению. Первая же кориолисова буря разнесет продукты атомного распада по всей планете.

– Но должен же быть какой-то способ, доктор Хайнс, – сказал Джесси, стараясь не выказывать свою подавленность. – Если мы не можем убить червя, не можем отпугнуть его от мест добычи с помощью химических соединений, то что мы можем сделать? – Он выжидающе посмотрел на планетарного эколога. – Возможно ли... парализовать их? Хотя бы на то время, какое необходимо для полноценной добычи?

Хайнс успокоился, губы его сложились в легкую улыбку.

– Нам надо использовать другую парадигму, то есть вообще иной порядок действий.

Ученый – человек с обветренным лицом – как-то внутренне подобрался, словно готовился прочесть лекцию. Так и случилось.

– Помимо того что черви обладают огромными размерами и невероятной силой, они являются строго территориальными животными. Мы думаем, что содержащие магнетит песчинки реагируют с электростатическими полями, которые генерирует червь при своем движении в песке, либо вследствие трения, либо эти поля генерирует какой-нибудь специальный орган чудовища. Чем больше червь, тем сильнее отпугивающее поле – и тем больше территория, на которую он, так сказать, претендует.

– У нас тоже есть генераторы, – сказал Джесси. – Можем ли мы настроить их на такую же частоту? Можем ли мы очертить свою территорию и начать посылать сигналы, которые говорили бы червям, что здесь находится более сильный соперник, и это отпугнуло бы других тварей?

– Нам надо оградить огромную территорию, – немедленно отозвался Гарни. – Даже с помощью живой резины мы не можем значительно удлинить срок службы машин, так как на них действуют магнитные и статические поля бурь. Нам никогда не удавалось охранять большой периметр.

Хайнс продолжал улыбаться своей таинственной улыбкой.

– Что ж, если окружающая среда мешает нам противодействовать этим полям снаружи, то надо попытаться нанести удар изнутри червя и замкнуть накоротко его внутреннюю электрическую машину. – Волнуясь, эколог извлек свой портативный экран и принялся набрасывать эскиз. – Вообразите себе генератор размером с небольшой барабан с изолированной антенной и с разрядным стержнем, который порождает короткие, но мощные импульсы.

– Это похоже на глубинный разряд, – сказал Туек, – который заставляет червя проглотить его и создать поле.

– Именно так! Каждый сегмент червя имеет независимую нервную систему, и эти системы цепями соединяются в единое целое. Нам надо всего лишь замкнуть между собой все эти сегменты. Как только червь проглотит заряд, антенны начнут непрерывно подавать замыкающие импульсы.

– О, и это убьет левиафана! – сказал Гарни.

Джесси в ответ усмехнулся.

– Даже если это просто выведет его на время из строя, то наши бригады получат намного больше времени на добычу специ.

Он посмотрел на Дороти и уловил в ее глазах не только радость, но и какое-то волнение. Она проявила осторожность.

– Доктор Хайнс, нам известно, что формально вы работаете на Великого Императора. У Дома Линкамов нет достаточных денег для оплаты такого проекта.

Джесси всем телом подался к ученому.

– Сколько это будет стоить, доктор Хайнс?

Ученый рассмеялся.

– Не тревожьтесь, кавалер. Я получу все оборудование и техническое содействие, какое мне будет необходимо. Изобретение и разработка новых способов добычи специ есть часть моего задания, даже несмотря на то, что Великий Император не проявляет особого интереса к моим экспериментам. Но даже если я и займусь этим проектом, то учтите, что от идеи до ее реального воплощения очень долгий путь.

– Значит, нам надо начать, не откладывая. – Джесси перевел взгляд на запертую дверь конференц-зала и встал.

Туек продолжал хмуриться.

– Я бы предложил строго засекретить эти исследования. У нас и без того хватает проблем со шпионами и саботажниками Хосканнера, а если они узнают о новой концепции, они сделают все, чтобы затруднить ее воплощение.

– Они посмеют помешать имперскому экологу? – удивленно спросил Гарни.

Хайнс согласно кивнул, было видно, что он польщен.

– Император и Вальдемар Хосканнер могут делать, что им заблагорассудится. Я не настолько дерзок, чтобы полагать, что моя скромная персона может хоть на момент кого-то остановить. Мне неприятно это говорить, но я иногда не очень доверяю мотивациям Императора.

Заговорила Дороти:

– Я склонна согласиться с генералом Туеком. Мы просто не смеем позволить Хосканнеру узнать, что здесь происходит. Он должен продолжать думать, что мы терпим неудачу за неудачей и продолжаем приближаться к окончательному краху. – Она криво улыбнулась. – Если бы они были уверены в своей победе, то не стали бы прилагать столько усилий для того, чтобы нанести нам поражение.

17

*Время может иногда надевать маску благодушия, но оно всегда
– безликий враг, истребитель надежд и убийца мечты.*
Пророчество Картага

Наконец, лишь спустя год после прибытия на враждебный Дюнный Мир, Джесси разработал «типовой» распорядок дня. Рано утром он облачался в герметичный костюм и пустынную накидку и направлялся в столовую, где его уже ждали Дороти и Барри.

Сноровистые слуги приносили завтрак, прикрытый прозрачным плазом – не только во избежание потери тепла, но и драгоценной влаги. Эта плазовая посуда была изобретена одним местным предпринимателем, который и занимался ее продажей, как раз для того, чтобы не допускать потери ни одной капли воды, которая ценилась здесь дороже всякого богатства. Когда человек подносил ко рту запечатанную в плаз еду, крышка сдвигалась в сторону ровно на время, необходимое для того, чтобы откусить кусок, и тотчас становилась на место. Дороти стала пользоваться этой посудой, чтобы показать, что Линкам тоже высоко ценит воду, что Джесси не такой роскошествующий аристократ, каким был Вальдемар Хосканнер.

Сквозь плаз виднелся дымящийся голубой омлет из импортных каталанских яиц с кабаньим беконом и корнем ллантро, приправленный пустынным перцем. Это было его любимое блюдо. Джесси отпивал пряный кофе, едва ли замечая ставший уже привычным аромат корицы, исходящий от меланжа. Теперь, почти ежедневно употребляя специю, они практически перестали обращать внимание на ее запах. Странно, на Каталани они очень редко позволяли себе такую роскошь, а теперь не могли себе представить, как можно без нее обходиться. Меланж стал такой же частью жизни на Дюнном Мире, как жаркий воздух и раскаленный песок.

Снаружи послышался рев мощного двигателя. Вообще-то орниджеты непрерывно прилетали в Картаг и поднимались со взлетных площадок. Но звук этого двигателя показался Джесси особенно громким. Гул заполнил небо над горным городом.

Барри подбежал к окну.

– На корабле герб Императора!

Издав недовольный стон, Джесси подошел к окну и увидел нависший над городом межзвездный корабль устрашающе гигантских размеров. Это было одно из самых больших судов, способных еще самостоятельно садиться на планетарную поверхность. Имперский инспекционный корабль, вооруженный до зубов, во всей своей красе и великолепии.

Нет, понял Джесси, типового дня сегодня не будет.

Учитывая финансовые трудности, с какими столкнулся Дом Линкамов, Дороти, не занимаясь показухой, велела запереть большую часть помещений штаб-квартиры. Если представитель Императора надеялся, что его примут в обширном и роскошном зале, то такого представителя ждало глубокое разочарование.

Советник Улла Бауэрс сморщил свой кроличий нос с таким видом, словно хотел сказать, что его ждут более важные и неотложные дела и что он желает скорее отбыть с Дюнного Мира. Щепетильный и пунктуальный человек, усвоивший манеры прошедших эпох, Бауэрс был одет

в карминово-золотистый костюм с высоким воротником, костюм, способный возбудить зависть не одного аристократа. На Дюнном Мире имперский инспектор выглядел инородным телом.

– Гм-м... С разрешения Императора Дому Линкамов доверено осуществлять добычу специи вот уже в течение одного года, – тоном всезнайки произнес Бауэрс, – но – увы и ах! – экспорт специи оказался намного ниже ожидаемого. – Он угрожающе прищурил глаза. – Боюсь, кавалер Линкам, что вы разочаровали Императора.

Подавляя нараставший гнев, Джесси начал объяснять:

– Хосканнеры оставили нам негодное оборудование. Многие новые машины, которые я заказал – и оплатил, – либо оказались неисправными, либо их доставка задержалась из-за бюрократических проволочек. Мы подали жалобы на иксианских производителей в имперский торговый суд, но, как мне кажется, решение будет принято не раньше, чем истечет отведенный мне испытательный срок. – Он заставил себя улыбнуться, стараясь скрыть подавленность. – Но у меня впереди целый год, и я не могу терять ни минуты. Я понимаю недовольство Великого Императора, но у меня и так слишком много дел.

– Гм, может быть, вы упустили какие-то нюансы при составлении исходных условий договора о вызове, кавалер? Такие детали – это моя специальность. – Бауэрс прочистил горло – это был не кашель, а многозначительная вибрация голосовых связок. – Если Великий Император распорядится, то вызов будет аннулирован в любой момент, и Дюнный Мир будет возвращен Хосканнеру.

Джесси напрягся.

– Великий Император ясно дал понять, что в этой игре не будет никаких правил.

– Ах вот оно что! Но договор гласит – я цитирую: «Этот контракт является объектом имперского закона». – Бауэрс одарил Джесси высокомерной ухмылкой. – Это означает, что будет так, как решит Император.

Джесси вскипел.

– Почему он позволяет себе так играть с нами? Совет Благородных будет в ярости, если вы аннулируете договор, бесчестно не дав мне шанса.

– Это очень просто, кавалер Линкам. Все требуют меланжа, а вы его не поставляете. Мы не могли предполагать, что вы так жалко провалитесь. Это неприемлемо! – Он нахмурился. – Или вы прячете часть добычи, утаиваете ее для поставок на черный рынок? Ваши мизерные поставки на Ренессанс не могут же, на самом деле, быть всем, что вы добываете. Где ваши секретные хранилища специи?

Джесси рассмеялся.

– Нам едва хватает на наши домашние нужды.

Похожий на хорька Бауэрс недоверчиво изогнул бровь.

– До меня доходят слухи о том, что освобожденные и осужденные рабочие весьма несчастливы и недовольны вашим правлением. Низкий уровень добычи и экспорта означает низкие, смехотворно низкие бонусы. При администрации Хосканнеров многие из них уже сумели бы скопить достаточно денег, чтобы вернуться домой. Мне доносят, что Картаг похож на бочку с порохом, готовую в любой момент взорваться беспорядками и мятежом. Это так?

– Это преувеличение, распространяемое засевшими здесь шпионами и агентами Хосканнера, – с решительной уверенностью ответил Джесси. – Мы арестовали горстку горлопанов – все они осужденные, которым осталось отбывать многолетние сроки. Ситуация находится полностью под нашим контролем.

– Гм, когда здесь правили Хосканнеры, они тоже сталкивались с трудностями, но специя лилась рекой. Они сумели построить имперский рынок, а теперь ощущается недостаток, инопланетные запасы истощаются, а цены уже достигли рекордного уровня.

– Значит, аристократам придется затянуть пояса и обходиться без этой роскоши или раскошелиться за нее. Император исправно получает свою часть и должен быть доволен. – В

серых глазах Джесси появилось колючее ледяное выражение. – Советник Бауэрс, меня не просили подавать бодрые рапорты об успехах. До истечения срока вызова уровень добычи специи – это мое внутреннее дело. Считаться будет только общий итог за двухлетний срок, предусмотренный договором. Если я проиграю, то вы сможете объявить меня побежденным только по истечении двух лет, и ни часом раньше.

– Гм, однако помните об особых условиях договора, Линкам.

– Есть вещи более важные, чем условности договора, сэр, а справедливость важнее слов. Мы знаем, что Хосканнер саботирует все наши усилия в течение последнего года. Если Император так заинтересован в специи, то почему позволяет моему сопернику играть нечестными методами.

Услышав приближающиеся шаги, Джесси обернулся и увидел в дверях Эсмара Туека.

– Простите, милорд, могу я коротко переговорить с вами наедине?

– Советник Бауэрс уже собирается уходить. Он поднимется на борт своего судна и прикажет отвезти его на более отдаленную орбиту, чтобы не мешать полетам торговых судов.

Бауэрс недовольно засопел.

– Напротив, я и мой корабль отбудем отсюда в то время, которое выберу я сам. Пока мы остаемся на прежнем месте.

Туек холодно кивнул.

– Очень хорошо. Собственно говоря, советник, моя информация в равной мере касается и вас. Мои люди проверили личности людей, сопровождающих вас и находящихся в настоящее время на территории космопорта. Известно ли вам, что среди них находятся выявленные агенты Хосканнера, которые еще в прошлом году были выдворены с Дюнного Мира?

Бауэрс, казалось, был искренне удивлен.

– Что такое?

– Возможно, ваша специальность – это то, что пишут в договорах мелкими буквами, а специальность Туека – обеспечение безопасности, – сказал Джесси с осторожной улыбкой. – В таких вещах он никогда не ошибается.

– Ах, ну что вы, я и не предполагал, что кто-то из моей команды когда-либо раньше бывал на этой планете.

– Вероятно, Хосканнер сумел провести и вас, – сказал Джесси, – хотя вы не похожи на человека, которого легко обмануть.

Стоя по стойке «смирно» в своей запыленной форме, Туек добавил:

– Учитывая очевидную угрозу безопасности, я вынужден настаивать на том, чтобы ваши люди не выходили за пределы космопорта все то время, что вы пробудете здесь. Я отряжу своих солдат, чтобы они помогли вам обеспечить выполнение такого решения. Ни один член вашего экипажа и ни одно сопровождающее вас лицо не должно ступить на территорию Картага или общаться с освобожденными или осужденными рабочими.

Джесси едва заметно улыбнулся.

– Естественно, никто не собирается ограничивать свободу вашего личного передвижения, советник Бауэрс.

– Я ничего не знаю об агентах Хосканнера, – сказал педантичный советник. – Великий Император послал меня сюда, чтобы я передал вам его приказ – специа должна поступать. Если в ближайшее время не будет разительных перемен к лучшему... ну вы же сами знаете, что Император не отличается большим терпением.

18

История убедительно показала, что аристократ, становящийся мягким, приближает свою гибель. Для того чтобы избежать бедствия,

он должен всегда поддерживать эмоциональную дистанцию между собой и окружающими его людьми.

Великий Император Чам Эйвок III (пришел к власти в результате дворцового переворота)

По мере того как сокращалось производство специи, надежды рабочих улетучивались, а доходы стремительно падали. Несмотря на тяжелейшие условия труда при Хосканнере, хотя бы некоторые рабочие могли заработать достаточно денег для того, чтобы купить билет и улететь домой. Теперь же освобожденные были недовольны ухудшением экономического положения, а осужденные потеряли всякую надежду – вопреки обещаниям Джесси – попасть домой после того, как кончится их срок.

При падении заработной платы рабочие потеряли возможность тратить деньги в магазинах и салунах Картага, поэтому для бизнесменов, торговцев водой и проституток настали тяжелые времена. Даже прибывший с Каталана персонал откровенно тосковал по оставленной родине. Люди смотрели в небо, жажда увидеть не пыльные, а дождевые облака.

Дом Линкамов обладал капиталом, достаточным для поддержания собственной жизнедеятельности – отчасти за счет скудного экспорта меланжа, отчасти за счет взносов нескольких аристократических семейств. Оказавшись в тяжелейшем финансовом положении, Джесси был вынужден ввести драконовские меры экономии в штаб-квартире и в городе, чем вызвал еще большее недовольство рабочих, так как это ухудшило их жизнь.

Джесси потерял покой и сон, почти физически ощущая их несчастья и их недовольство, и очень хотел найти средства, чтобы хоть как-то улучшить их жизнь. На Каталане он близко общался со своим народом, и народ любил его. Он был хорошим вождем, который заботился о нуждах людей, прислушивался к их проблемам. Но здесь...

Встречаясь с Дороти, он обсуждал с ней, как облегчить лежавшее на плечах народа бремя, но без финансовых вливаний у него были связаны руки. Он снизил ставку налогов, а каталанских рабочих обязал работать в долг, отсрочив выплату заработков, – он пошел и на это, что отнюдь не облегчило управления. По предложению Дороти Джесси распорядился раздать людям предметы роскоши и всякие безделушки, оставшиеся после Хосканнера, но это только лишний раз показало людям, какой серой и тяжелой была их жизнь. Раздача мало помогла делу. Упрямые рабочие и городские жители шептались на улицах, обсуждая Линкама и утверждая, что только из-за его неумелости они лишились будущего.

В пустыне работало с полной нагрузкой все наличное оборудование, защищенное теперь живой резиной. В ремонтных мастерских трудились в три смены без усталости для того, чтобы постоянно поддерживать в рабочем состоянии комбайны, транспортеры и подъемники.

Некоторые были отправлены в вынужденные отпуска, так как не хватало исправного оборудования. Предоставленные сами себе, бездельничающие, скучающие, обеспокоенные и озлобленные, люди продолжали роптать, обвиняя во всех своих бедах Дом Линкамов. Осужденные, особенно те, кто исповедовал тюремную радикальную разновидность дзенсуннитской религии, требовали, чтобы Джесси вернул правление Хосканнерам, «которые знали, что делали».

Когда тридцать четыре осужденных рабочих отказались выйти на работу, Джесси в гнев разорвал контракты с ними и отправил их назад в тюрьму Эридана V. И все это время корабль имперского инспектора продолжал висеть на орбите над Картагом. Джесси понимал, что ничто не могло укрыться от зоркого ока Уллы Бауэрса...

Джесси шел по центральной рыночной площади города, изнывающей под зноем затянутого дымкой послеполуденного неба. Линкам постарался сохранить инкогнито – на нем была запачканная пылью простая одежда рабочего, и лишь немногие прохожие удостаивали его повторным взглядом. Правитель Дюнного Мира решил поближе познакомиться со своими под-

данными, пройти в непосредственной близости от них, а не разглядывать их толпы из окна вездехода или из иллюминатора низко летящего орниджета. Джесси сопровождали два телохранителя, одетых в такую же неприметную одежду, однако кавалер знал, что Туек тоже находится где-то поблизости с целым подразделением охраны, как всегда озабоченный безопасностью.

На запруженном толпой рынке многочисленные хозяева лавок и уличные торговцы громкими криками зазывали покупателей, расхваливая свой товар. Продавцы курений и поставщики ароматных духов зажигали свои палочки и предлагали понюхать сладкие или пикантные духи прохожим, привлеченным необычными ароматами, столь отличными от привычного духа меланжа, пропитавшего все остальные кварталы Картага.

За тонкой проволочной загородкой сидели две пожилые женщины, торговавшие мелкими горными фазанами, которых хозяйки разводили в загонах. Сейчас выставленные на продажу птицы спали, так как продавщицы засунули им головы под крылья. Эти птицы, обитавшие в жарких пустынях других планет, были завезены сюда Хосканнерами, и это было одним из их наилучших решений. Эти фазаны пили очень мало драгоценной воды, а их нежное мясо весьма дорого ценилось на Дюнном Море. Немногие гурманы могли позволить себе такую роскошь, но находились люди, предпочитавшие заплатить побольше, зато поесть получше. Если покупатель соглашался с ценой, одна из женщин сворачивала шею очередной птице и, уложив тушку в мешок из меланжевых волокон, вручала деликатес клиенту.

Джесси уже собирался уходить, когда заметил, что один из телохранителей ведет тихим голосом переговоры через микрофон, вшитый в отворот рубахи. Закончив разговор, охранник – мужчина с острым подбородком и маленькими быстрыми глазками – отвел Джесси в сторону и тихо сказал:

– Милорд, на окраине города происходит стихийный митинг. Его зачинщик какой-то освобожденный, который кричит, что Дом Линкамов должен убратся с этой планеты.

Выйдя с рынка, Джесси столкнулся с генералом Туеком.

– Я хочу пойти туда, – заявил аристократ. – Я всегда хотел сам поговорить с людьми, и именно сегодня мне представилась такая возможность.

– Я не советую вам этого делать, милорд.

– Меня это почему-то не удивляет. – Глаза Джесси насмешливо блеснули. Он твердо сказал, что желает встретиться лицом к лицу с митингующими, поговорить с ними и уверить их в том, что слышит их жалобы, видит страдания и разделяет их и сделает все, чтобы покончить с ними.

– Толпа настроена весьма враждебно, – сказал Туек.

– Это делает мое выступление еще более важным, – ответил Джесси, упрямо подняв подбородок.

– На это я и рассчитывал, – сказал старый генерал, – и уже приказал сорока лучшим телохранителям идти с вами.

Сопровождаемый многочисленной охраной, Джесси направился к большому парку машин, стоявших под нависшим над городом инспекционным имперским кораблем. Незваное судно осталось там, где оно приземлилось уже неделю назад, и торговым транспортам приходилось пользоваться менее удобными запасными площадками. Джесси подумал, что, вероятно, именно агенты Хосканнера инспирировали стихийную демонстрацию на окраине. Что ж, теперь они хотят насладиться его реакцией на это происшествие.

Из-за кордона Улла Бауэрс и его свита видели Джесси, но он не обратил на них ни малейшего внимания. Линкам сам сел за руль машины, предоставив охранникам Туека занять пассажирские места или воспользоваться другой машиной. Взревел двигатель, и, подняв тучу пыли, вездеход сорвался с места, покотившись по крутой дороге к тому месту, где кишела толпа

недовольных. Когда Джесси вышел из машины, солдаты образовали впереди него маленькую фалангу, чтобы расчистить дорогу. Мужчины в пустынных костюмах и женщины в длинных платьях отходили в сторону, удивленно перешептываясь. Они узнали благородного визитера, который переоделся в свой вельможный мундир.

Проигрывая в уме слова, которые он хотел и должен был сказать этим людям, Джесси приблизился к импровизированной трибуне. На ней стоял пожилой человек с обветренным лицом и кричал:

– ...под Хосканнерами было лучше!

В этом ораторе Джесси сразу узнал Пари Гоюка, превосходного машиниста комбайна. Но машина недавно была сильно испорчена, и Пари остался без работы. *У него слишком много свободного времени*, подумал Джесси. *Гарни смог бы уладить все это дело в частном порядке, если бы ему представился такой случай. Но случай не представился.*

Пари увидел Линкама, и лицо рабочего вспыхнуло возмущением и гневом.

– Ах это вы, кавалер! Вы хотите отправить всех нас назад в тюрьму?

Джесси продолжал идти к трибуне, заставляя себя сохранять спокойствие и невозмутимость.

– Ты хочешь разорвать свой контракт, Пари? Как те, кто отказался работать на добыче? – Он поднялся по ступенькам, чтобы оказаться на одном уровне со старым рабочим. Каталонские гвардейцы заняли места вокруг, готовые пресечь любую угрозу.

Гоюк не смутился.

– Я никогда не отказался бы работать, если бы она была, эта работа! Почти никто из нас не имеет никаких шансов на получение бонусов. Вообще никаких. Я освобожденный человек. – Он коснулся татуировки на лбу. – Все мы хотим покинуть эту планету, но вы, Линкамы, сделали это невозможным.

Джесси внимательно смотрел на рабочего, не отводя взгляд, и начал отвечать так, словно это был личный разговор между ними:

– Я уже обещал вам, что ты и все остальные освобожденные покинут эту планету за мой счет – если мы выиграем это состязание.

Вместо радости слова Джесси вызвали в толпе ропот и недовольство. Старый рабочий недовольно поморщился и обратился к Джесси свое обветренное лицо.

– Ха, благородный аристократ, скорее с этого неба пойдет дождь! Вы вселили в нас надежду своими пустыми обещаниями, и мы стали работать как черти. Мы поверили вам, и что из этого вышло? Вы не сможете выиграть это состязание, поэтому и обещаниям вашим грош цена.

Джесси показалось, что его ударили в грудь раскаленным ножом; он понимал, насколько безнадежным кажется этим людям их положение. В штаб-квартире, когда они с Доротой анализировали цифры, им самим становилось ясно, что для победы над соперником должно произойти чудо. Но Джесси решил не сдаваться и расправил плечи.

– Я не сдался, Пари. Но и вы не должны сдаваться. – Он наконец повернулся лицом к толпе. – Ни один из вас.

Снизу, из толпы, раздались выкрики:

– Жить было лучше при Хосканнерах!

– Нет специй, нет работы, нет бонусов – *какой же прок оставаться здесь?*

– Сейчас даже Салуза лучше того ада, в какой вы превратили Дюнный Мир.

– Мы хотим, чтобы вернулся Хосканнер!

Джесси собрался с духом и приготовился к отповеди. Потом он заговорил:

– Ну, конечно, пусть вернуться Хосканнеры! Может быть, вам лучше приглядеться к своим трудностям и направить гнев на более подходящую цель? – Он прищурил глаза. – Разве не Хосканнеры сломали наши погодные спутники, подвергнув рабочих неслыханной опасно-

сти? Разве не шпионы Хосканнера портили оборудование, чтобы вы не могли работать на меланжевых жилах? Разве не Хосканнеры подкупали инопланетных производителей и давали взятки чиновникам, чтобы воспрепятствовать доставки так нужных нам машин? Разве не Хосканнеры блокировали доставку воды, взвинтив цены на нее до небес и выше? – Он уставил в толпу палец. – Их единственная цель – ослабить Дом Линкамов. Будьте же честны и стойки. Дайте мне шанс улучшить вашу жизнь.

Но старый Гоюк упрямо продолжал злиться.

– Так делайте нашу жизнь лучше, кавалер. Вы легко бросаетесь обвинениями, но если вы хотите заставить нас поверить в заговор, то докажите, что вы лучше Вальдемара Хосканнера. Докажите это своими поступками, своими действиями.

Джесси был на грани смятения – надо было немедленно найти какое-то средство успокоить этих людей. Они с Дороти часто обсуждали возможные решения, но все они казались либо слишком экстравагантными, либо очень рискованными. Но сейчас у него не было времени на изучение бухгалтерских книг. Надо было что-то делать сейчас, ибо минута промедления может обернуться кровавыми беспорядками.

Джесси сложил руки на груди.

– Очень хорошо. Настали трудные времена, и нам всем придется экономить, всем придется делить тяготы и всем испытывать неудобства. Начиная с завтрашнего дня я буду лично распределять воду из моих домашних резервов. Всякий, кто придет в мой дом, получит воду, и так будет продолжаться до тех пор, пока эти резервы не иссякнут. Отныне мой ежедневный рацион воды не будет отличаться от вашего. – Слыша ропот недоверия, Джесси бегло осмотрел лица стоявших на площади людей. – Я знаю, что у вас туго с деньгами. Поэтому я ограничу цены на воду, они будут заморожены на том уровне, на каком они были при Хосканнере, когда мы пришли управлять Дюнным Миром. Я издам декрет, обязательный для исполнения торговцами водой.

Когда он услышал в ответ выражения радостного недоумения, Джесси понял, что сумел отвести непосредственную угрозу. Это было лишь временное решение, мало того, оно могло повлечь за собой экономическую катастрофу в Картаге, но сейчас было не время терзать себя этими размышлениями. Добыча специи должна продолжаться, день за днем.

Торговцы водой и ее импортеры выразили свое возмущение декретом Джесси, ограничившим цены, объявлением забастовки. Поставки воды стали намеренно срывать, собственные запасы были ограничены, и торговцы чувствовали себя вправе взвинчивать цены настолько, насколько население могло это вынести. Обуянные жаждой прибыли, торговцы прекратили свою деятельность, заперли магазины и лавки и отказались продавать воду по низким ценам, установленным Домом Линкамов. Несколько разжиревших и обозленных торговцев решили искать поддержки и справедливости у толпы, но население не поддержало их, понимая, что продавцы бессовестно их обирают.

Выполняя свое обещание, Джесси Линкам начал бесплатно распределять воду среди населения Картага, которое поголовно страдало от экономических неурядиц. В то время как некоторые были слишком горды, чтобы пользоваться этой благотворительностью, старые освобожденные, разорившиеся лавочники и вдовы рабочих выказали готовность принять помощь; каждый просящий получал небольшую порцию воды. Капля за каплей запасы Линкама начали таять, но настроение жителей Картага улучшилось. Вальдемар Хосканнер никогда бы так не поступил.

Джесси работал в банкетном зале, открытом для любых посетителей, и люди могли видеть, что он не забывает об их несчастьях. Эсмар Туек все время находился рядом, тайно наблюдая за всеми приходящими.

Когда один бородатый мужчина дошел до начала очереди, ветеран, державший в руке сканер, в котором были собраны разведывательные данные и портреты тайных врагов, насторожился. По его сигналу двое каталанских гвардейцев взяли бородача под стражу, невзирая на его протесты.

– Что я сделал? Вы не имеете права хватать невинного человека!

Генерал Туек показал ему экран сканера.

– У нас есть целая галерея портретов тайных сторонников Хосканнера и подозреваемых саботажников. – Генерал улыбнулся. – Остальным – добро пожаловать.

Часть мужчин и женщин отделилась от очереди и попыталась скрыться, но агенты Туека арестовали и их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.